

В.И. Волощак — кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории Азиатских и Тихоокеанских исследований ИИАЭ ДВО РАН, доцент кафедры международных отношений Восточного института ДВФУ.

Монография посвящена исследованию основных тенденций развития военной политики Республики Корея с момента создания южнокорейского государства по настоящее время, анализу приоритетов и инструментов военной политики различных президентских администраций. Работа показывает, что под влиянием внутренних и внешних факторов военно-политический курс Южной Кореи претерпел эволюцию от исключительной опоры на США как военного союзника и единственного источника военной помощи до активного присутствия в различных регионах мира в качестве военнотехнического партнера и одного из ведущих мировых экспортеров вооружений и военной техники.

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ
во второй половине XX — первой четверти XXI вв.

Волощак В.И.

Волощак В.И.

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

во второй половине XX —
первой четверти XXI вв.

Дальневосточное отделение российской академии наук
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Лаборатория азиатских и тихоокеанских исследований

В.И. Волощак

Военная политика Республики Корея во второй половине XX – первой четверти XXI вв.

Монография

*Исследование подготовлено
в рамках темы государственного задания 1023110200001-7-5.6.1
«Азиатско-Тихоокеанский регион в условиях соперничества Запада
и Большого Востока за формирование нового мирового порядка»*

Владивосток
Дальнаука
2025

УДК 327
ББК 63.3(5)63

Рецензенты:

Л.В. Забровская, д-р. ист. наук, ведущий научный сотрудник
Центра глобальных и региональных исследований Института истории,
археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

И.А. Толстокулаков, д-р. ист. наук, профессор кафедры корееведения
Восточного института Дальневосточного федерального университета

К.В. Асмолов, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник
Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН

Волощак, В.И.

Военная политика Республики Корея во второй половине XX – первой
четверти XXI вв. – Владивосток, 2025. – 224 с.

ISBN 978-5-8044-1758-2

Монография посвящена исследованию основных тенденций и факторов эволюции военной политики Республики Корея с момента создания южнокорейского государства по настоящее время, анализу приоритетов и инструментов военной политики различных президентских администраций. Исследование опирается на широкую источниковую базу, которая включает официальные документы и законодательство Республики Корея – прежде всего, южнокорейские «Белые книги обороны»; международные договоры и соглашения, регламентирующие сотрудничество в рамках военного альянса США и Республики Корея и другие вопросы; опубликованные архивные источники – материалы Президентского архива Республики Корея и др. В результате исследования охарактеризованы факторы отношений Республики Корея с КНДР и с США в их взаимосвязи с исторической динамикой выработки южнокорейской военной политики, установлена связь общих идеологических позиций правящей элиты и внутривластной обстановки с приоритетами военно-политического курса государства, дана авторская оценка военного потенциала Республики Корея, проанализированы направления военных реформ различных президентских администраций.

Утверждено к печати Учёным Советом ИИАЭ ДВО РАН.

© Волощак В.И., 2025
© ИИАЭ ДВО РАН, 2025
© Оформление. Издательство
«Дальнаука», 2025

ISBN 978-5-8044-1758-2

Содержание

Введение	4
1. Военная политика Республики Корея в период I – V Республик (1948–1988)	19
1.1. Военная политика Ли Сынмана (1948–1960): «марш на Север» и образование военно-политического альянса с США	19
1.2. Военно-политический курс Пак Чонхи: война во Вьетнаме и политика «самостоятельной обороны» (1961–1979)	36
1.3. Военная политика президента Чон Духвана (1980–1988): обновление альянса с США и развитие ракетной программы	61
2. Военная политика Республики Корея после учреждения VI Республики (1988–2017)	72
2.1. Демократические реформы президентов Ро Дэу, Ким Ёнсама и Ким Тэчжуна (1988–2003)	72
2.2. Модернизация вооруженных сил при президентах Но Мухёне, Ли Мёнбаке и Пак Кынхе (2003–2017)	93
2.3. Новые угрозы в информационной сфере и становление национальной системы кибербезопасности в 1990–2010-х гг.	112
3. Военная политика Республики Корея в 2017–2025 гг.	125
3.1. Сокращение вооруженных сил и «Военная реформа 2.0» Мун Джэина (2017–2022)	125
3.2. Военная политика Южной Коре и администрации Юн Согёля и план «Военные инновации 4.0» (2022–2025)	142
3.3. Организационно-правовые основы современной военной политики Республики Корея	161
3.4. Оценка военного потенциала Республики Корея	172
Заключение	184
Список использованных источников и литературы	194

Введение

На протяжении более полувека проблема безопасности на Корейском полуострове остается одной из основных преград мирному развитию Северо-Восточной Азии. Завершившаяся в 1953 г. Корейская война де-факто определила все последующее развитие двух корейских государств и сложность региональной ситуации, обернувшейся их длительным враждебным противостоянием и непрекращающейся конфронтацией. Сохраняющийся как наследие Второй мировой и последовавшей за ней холодной войн национальный раскол Кореи в настоящее время усугубился особым политическим напряжением, основанным на ракетно-ядерных разработках КНДР. Не менее деструктивную роль играет следование Южной Кореи в русле традиционного военно-политического союза с США, что значительно затрудняет поиск возможностей для смягчения межкорейского противостояния. Большую роль в усугублении региональной ситуации играют общее состояние ВПК и взаимная концентрация ВС КНДР и Республики Корея (далее – РК), особенно в зоне соприкосновения территорий Севера и Юга.

Очевидный комплекс геополитических и экономических причин вновь выводит корейский вопрос за региональные рамки и превращает его в серьезный фактор, дестабилизирующий ситуацию в мире в глобальном масштабе. Частая смена фаз межкорейской разрядки и напряженности, общая военно-политическая нестабильность на полуострове регулярно приводят к вооруженным конфликтам в районе демилитаризованной зоны, к инцидентам в воздушном и водном пространстве КНДР и РК и в любой момент могут перерасти в полноценные боевые действия. Подобное военное противостояние, бывшее одной из ключевых особенностей отношений двух корейских государств на протяжении нескольких десятилетий, остается принципиальным фактором, влияющим на политическую обстановку в СВА и в настоящее время. Немалую роль в нем играют военные потенциалы КНДР и РК, уровень развития как их конвенциональных средств ведения войны, так и ядерных вооружений (собственной ядерной программы Севера и существующих технологий Юга в области создания ядерного оружия). Актуальность настоящего исследования определяется анализом эволюции военно-политического курса РК, а также изменения его роли и места в региональных процессах безопасности.

Являясь ближайшим соседом двух корейских государств, имея полноценные дипломатические отношения и деловые контакты с ними, Россия не может безучастно относиться к развитию ситуации на полуострове. Военно-политическая ситуация в Корее является одним из ключевых элементов региональной системы безопасности СВА, в которую вовлечена и Российская Федерация, а наличие общей границы между Россией и КНДР лишь подчеркивает геополитическую и военно-стратегическую значимость соседней страны для России. Без учета позиции и без непосредственного участия Российской Федерации в межкорейском урегулировании невозможно стабилизировать положение в регионе и гарантировать безопасность российского Дальнего Востока. Перед отечественными исследователями и практическими работниками вновь остро поставлена задача по определению и защите национальных интересов России в отношениях с одним из ключевых государств АТР – РК.

В последнее время всё очевиднее становится активизация внерегиональных участников военно-политического процесса СВА – США и их военных союзников. Проявившийся в последние годы тренд военно-политического сближения РК и Японии при поддержке США вызывает опасения о создании трехстороннего военного альянса, нацеленного не только на КНДР и КНР, но и на восточные рубежи России. Особую актуальность изучение эволюции военной политики Южной Кореи также приобретает в условиях, когда Сеул из надежного долговременного партнера и доброго соседа России перешел в лагерь «недружественных государств». В такой ситуации анализ истории развития и современного состояния военной политики южнокорейского государства представляет собой актуальную научную задачу не только в сугубо историческом плане, но и с прикладной точки зрения для выработки решений в области практической политики.

На протяжении нескольких десятилетий строительство национальных ВС Южной Кореи и содержание её военно-политического курса является важным объектом внимания отечественных исследователей. В советской историографии проблемы отечественной и зарубежной истории освещались исключительно с классовых позиций и достаточно предвзято. Детальных исследований военной политики Южной Кореи в советской корееведческой литературе практически нет – исключение составляет острая критика американо-южнокорейского альянса. Типичным примером господствовавших в советской историографии

подходов может служить монография В.М. Мазурова «Южная Корея и США (1950–1970 гг.)»¹.

В отечественной науке пока что нет комплексного исследования, охватывающего не только современность, но и историю становления и эволюции внешней и внутренней политики южнокорейского государства в области военного строительства и безопасности. По смежной тематике в отечественной историографии представлено достаточно большое количество работ, связанных с историей Корейской войны (1950–1953 гг.), становлением и эволюцией американо-южнокорейского военно-политического альянса, отдельными аспектами военной стратегии и военного дела РК, с характеристикой военно-политической обстановки на Корейском полуострове и в регионе СВА. Можно выделить три основных группы исследований по данной проблематике: труды по общим вопросам новейшей истории РК, сопоставительные исследования по истории развития ВС двух корейских государств и проблемы межкорейских отношений и работы по отдельным аспектам истории военной политики Южной Кореи.

1. Труды по общим вопросам новейшей истории РК. Работы по комплексному изучению проблем истории РК во второй половине XX – начале XXI в. важны для раскрытия темы настоящей монографии; в них отражены основные вехи и характеристики исторического развития южнокорейского государств, показана его роль в региональных и международных процессах, что необходимо для объективного понимания внешних и внутренних стимулов формирования и содержания военной политики РК.

В ряде работ представлен анализ различных аспектов послевоенного развития государства и общества в Южной Кореи. К числу таковых исследований относятся монографии И.А. Толстокулакова «Развитие демократического процесса в Республике Корея в период VI Республики»² и «Политическая модернизация в Южной Кореи. Опыт историко-политологического анализа»³, в которых приведен глубокий анализ южнокорейского опыта перехода от авторитаризма к демократии на рубеже 1980–1990-х гг. Работы И.А. Толстокулакова полезны для нашего исследования раскрытием исторического контекста, внутри

¹ Мазуров В.М. Южная Корея и США (1950–1970 гг.). М., 1971.

² Толстокулаков И.А. Развитие демократического процесса в Республике Корея в период VI Республики. Владивосток, 2003.

³ Толстокулаков И.А. Политическая модернизация в Южной Кореи. Опыт историко-политологического анализа. В 2 ч. Владивосток, 2007.

которого происходило изменение военно-политического курса РК под влиянием процессов политической модернизации и демократизации.

Более широкий исторический контекст дан в труде В.М. Тихонова и Кан Мангиля «История Кореи»¹, второй том которого охватывает историю Кореи в XX в. Здесь особенно интересна авторская характеристика политических режимов Южной Кореи, сложившихся в период после Корейской войны, т. е. времени, на которое пришлось становление ВС и начальный этап развития военной политики южнокорейского государства. Новейшая история Кореи системно изложена в монографии С.О. Курбанова «История Кореи с древности до начала XXI в.»².

Примечательным является диссертационное исследование Е.М. Ермолаевой «Формирование и развитие идеологии периода авторитарных режимов в Южной Корее: 1948–1987 гг.»³, в котором подробно анализируются идеологические основы внешней и внутренней политики Южной Кореи в авторитарный период I–IV Республик. В диссертации В.Р. Бритовой «Концепция «средней державы» во внешней политике Республики Корея (1993–2017)»⁴ показано влияние современного идеологического концепта «средняя держава» на государственную политику Сеула. Частично тема военной политики раскрывается также в монографии А.Н. Федоровского «Феномен чэболь. Государство и крупный бизнес в Республике Корея»⁵, представляющей определенный интерес с точки зрения исторических аспектов развития ВПК РК – предприятий, вовлеченных в производство военной техники и вооружений.

В англоязычной историографии, посвященной общим темам истории Южной Кореи в XX–XXI вв., особо выделяется коллективная монография «The Park Chung Hee Era: The Transformation of South Korea»⁶ под редакцией Э. Вогеля и Ким Бёнгук. Здесь дано многоаспектное исследование исторического этапа, связанного с фигурой Пак Чонхи – лидера Южной Кореи в 1960–70-х гг., чей вклад в развитие

¹ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011.

² Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI в. СПб., 2009.

³ Ермолаева Е.М. Формирование и развитие идеологии периода авторитарных режимов в Южной Корее (1948–1987): дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.03. Владивосток, 2010.

⁴ Бритова В.Р. Концепция «средней державы» во внешней политике Республики Корея (1993–2017): дисс. ... канд. истор. наук: 5.6.2. Улан-Удэ, 2010.

⁵ Федоровский А.Н. Феномен чэболь. Государство и крупный бизнес в Республике Корея. М., 2008.

⁶ The Park Chung Hee Era: The Transformation of South Korea / Ed. by B.-K. Kim, E. Vogel. Cambridge, Massachusetts, 2011.

военно-политического курса южнокорейского государства представляется нам определяющим. Еще одна важная работа, посвященная периоду Пак Чонхи – это монография К. Экерта «Park Chung Hee and Modern Korea: The Roots of Militarism, 1866–1945»¹, в ней предпринята попытка определить преемственность между японским колониальным наследием в Корее первой половины XX в. и авторитарным режимом президента Пак Чонхи. Определённый интерес представляет исследование Г. Бразински «Nation Building in South Korea: Koreans, Americans and the Making of a Democracy»², в котором анализируется ранний период истории Южной Кореи в моменты создания её государственности и определения концептуальных основ политического и идеологического курса.

2. Сопоставительные исследования истории развития ВС двух корейских государств и проблемы межкорейских отношений. Второй важной группой исследований, привлеченных для написания данной монографии, являются работы, связанные с межкорейскими отношениями и сравнительным анализом военных потенциалов КНДР и РК. По окончании Корейской войны и после провала Женевской конференции 1954 г. долговременный раздел Кореи стал очевидным, в дальнейшем четко обозначились векторы развития двух корейских государств, основанных на антагонистических общественно-политических системах. В этой связи интерес исследователей стали привлекать вопросы позиционирования РК на международной арене и формирования её внешней и внутренней политики (включая военную) с учетом северокорейского фактора. В отечественной историографии важное место занимает монография И.А. Топчего «Процесс военного строительства на Корейском полуострове»³, посвященная военному строительству в КНДР и РК, в которой автор уделяет внимание вопросам военной стратегии, материально-технического оснащения ВС Севера и Юга, представляет оригинальную оценку их численности и общего военного потенциала двух корейских государств.

В данном перечне особо следует отметить фундаментальную монографию К.В. Асмолова «Корейская политическая культура:

¹ Eckert C.J. Park Chung Hee and Modern Korea: The Roots of Militarism, 1866–1945. Cambridge, Massachusetts, 2016.

² Brazinsky G.A. Nation Building in South Korea: Koreans, Americans and the Making of a Democracy. Chapel Hill, 2007.

³ Топчий И.А. Процесс военного строительства на Корейском полуострове. Т.1. Иркутск, 2018.

традиции и трансформация»¹, в которой исследована трансформация традиционной политической системы в двух корейских государствах под влиянием меняющейся международной обстановки в XX–XXI вв. Чрезвычайный интерес для изучения трендов современной военной политики РК в начале XXI в. представляет коллективная монография А.В. Торкунова, Г.Д. Толорая и И.В. Дьячкова «Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.)»², посвященная политическому и социально-экономическому развитию двух государств Корейского полуострова, их взаимоотношениям в периоды примирения и конфликтов в начале XXI в., а также роли великих держав и международных организаций в данных процессах.

Среди англоязычных работ отметим монографию Д. Обердорфера «The Two Koreas: a Contemporary History»³, представляющую собой наиболее полный исторический обзор политики Южной Кореи по отношению к КНДР и предлагающую подробную хронику событий на Корейском полуострове в послевоенный период, а также труд Б. Камингса «Korea's Place in the Sun: A Modern History»⁴, посвященный широкому спектру вопросов истории двух корейских государств в XX в. Особо выделим книгу Хам Тхэгёна «Arming the Two Koreas: State, Capital and Military Power»⁵, раскрывающую процесс создания национальных ВС и приобретения вооружений и технологий двумя корейскими государствами, а также дающую сравнительную оценку военного потенциала КНДР и РК. Сравнению другой важной темы – политики Севера и Юга по проблеме национального объединения – посвящена монография Ким Хакчуна «Unification Policies of South and North Korea»⁶, в которой предлагается обзор исторического развития основных инициатив двух корейских государств по объединению страны; здесь дан сравнительный анализ политики объединения, которой придерживались Север и Юг на разных этапах своего развития.

Сравнению военных потенциалов государств Корейского полуострова посвящен также исследовательский доклад Э. Кордесмана

¹ Асмолов К.В. Корейская политическая культура: Традиции и трансформация. М., 2017.

² Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В. Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.). М., 2021.

³ Oberdorfer D. The Two Koreas: A Contemporary History. Boston, 1997.

⁴ Cumings B. Korea's Place in the Sun: A Modern History. NY, 2005.

⁵ Hamm Taik-young. Arming the Two Koreas: State, Capital and Military Power. L., 1999.

⁶ Kim Hakjoon. Unification Policies of South and North Korea, 1945–1991: A Comparative Study. Seoul, 1992.

и К. Аейрса «The Military Balance in the Koreas and Northeast Asia»¹, его хронологические рамки охватывают более поздний период – 2010-е годы. Одному из аспектов военной политики Севера и Юга – созданию и приобретению ракетного оружия – посвящена работа П. Хэйса², использовавшего материалы Разведывательного управления министерства обороны США и архивные документы 8-й американской армии, дислоцированной в РК.

3. Исследования отдельных вопросов истории военной политики РК. В данную группу научной литературы можно отнести работы по отдельным проблемам или историческим этапам формирования военной политики Южной Кореи, а также по вопросам ее международной военно-политической повестки в исторической перспективе. Здесь же находятся исследования по внешней политике РК в области безопасности, важным элементом которой является становление и развитие военно-политического альянса с США. Особый интерес в данной группе исследований представляет диссертация К.С. Чернова «Военно-политические отношения Республики Корея с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона в период с 1980 по 2012 гг.»³, и работы Д.А. Садакова⁴, в которых рассматривается ряд смежных проблем, в частности эволюция военно-политического союза Сеула и Вашингтона, а также некоторые аспекты военной политики Южной Кореи по отношению к союзным государствам АТР.

Для изучения раннего этапа развития ВС и военной политики РК в условиях становления южнокорейской государственности, включая период Корейской войны, достаточно интересным является исследование Р. Сойера «KMAC in War and Peace»⁵, посвященное деятельности

¹ Cordesman A.H., C. Ayers. The Military Balance in the Koreas and Northeast Asia. W., DC, 2016.

² Hayes P. International Missile Trade and the Two Koreas // The Korean Journal of Defense Analysis. 1993. Vol.5. № 1., P. 207–239; Hayes P. The Two Koreas and the International Missile Trade // The International Missile Bazaar / Ed. by W. Potter and H. Jencks. Colorado, 1994. P. 129–161.

³ Чернов К.С. Военно-политические отношения Республики Корея с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона в период с 1980 по 2012 гг.: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.03. Владивосток, 2020.

⁴ Садаков Д.А. «На крайний случай»: США, Ли Сын Ман и операция «Everready» в годы Корейской войны (1952–1953 гг.) // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 4(43). С. 40–49; Садаков Д.А. Инициатива президента США Дж. Картера по выводу американских войск из Южной Кореи в 1976–1980 гг.: причины неудачи // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2024. № 3. С. 49–55 и др.

⁵ Sawyer R.K. Military Advisors in Korea: KMAC in Peace and War. W., DC, 1992.

т. н. «группы военных советников США» в Южной Корее. Данная институция внесла существенный вклад в процесс формирования национальной и военной политики южнокорейского государства в период до и накануне Корейской войны, а также способствовала оформлению и закреплению союзнических обязательств между США и РК. Ещё одним исследованием, связанным с периодом Корейской войны, является монография Р. Аппельмана «South to the Naktong, North to the Yalu (June – November 1950)»¹, в которой раскрываются подробности американской военной кампании в Корее на её раннем этапе и приводится большой массив данных о материально-техническом состоянии ВС Южной Кореи в указанное время. В нашем исследовании использованы материалы У. Гермеса, приведённые в книге «Truce Tent and Fighting Front»², посвященной финальному этапу Корейской войны и роли Южной Кореи в межкорейском конфликте в целом.

Важным исследованием американо-южнокорейских отношений и истории становления их военного альянса является монография Хон Ёнпхё «State Security and Regime Security: President Syngman Rhee and the Insecurity Dilemma in South Korea 1953–60»³, в которой анализируется политика южнокорейских властей в области безопасности при президенте Ли Сынмане, подробно раскрыты противоречия между РК и США по заключению Договора о взаимной обороне в 1950-е гг., т. е. на начальных сроках двустороннего альянса. При изучении раннего этапа американо-южнокорейского альянса интересными представляются работы Д. Мабона⁴ и Ч. Доббса⁵ относительно инициативы Сеула по организации многосторонней структуры безопасности в АТР под американской эгидой (по сути – по созданию азиатского аналога НАТО) в период до начала Корейской войны, т. е. когда союзнические обязательства между США и Южной Кореей ещё не были закреплены.

Значительную часть в данной группе исследовательской литературы представляют собой работы южнокорейских исследователей,

¹ Appleman R.E. The U.S. Army and the Korean War: South to the Naktong, North to the Yalu. W., DC, 1992.

² Hermes W.G. Truce Tent and Fighting Front. W., DC, 1992.

³ Hong Yong-pyo. State Security and Regime Security: President Syngman Rhee and the Insecurity Dilemma in South Korea 1953–60. L., 2000.

⁴ Mabon D.W. Elusive Agreements: The Pacific Pact Proposals of 1949–1951 // Pacific Historical Review. 1988. Vol. 57. № 2. P. 147–177.

⁵ Dobbs C.M. The Pact that Never Was: The Pacific Pact of 1949 // Journal of Northeast Asian Studies. 1984. Vol. 3. № 4. P. 29–42.

посвященные более глубокому изучению и осмыслению исторических проблем военной политики РК. Южнокорейская научная литература даёт глубокий анализ истории развития военной политики РК, в частности она поясняет локальные феномены и подробно характеризует исторические периоды в развитии военно-политического курса Сеула. Так, исследования Чу Чонъюль¹ затрагивают ранние этапы (1968–1972) политики «самостоятельной обороны» Пак Чонхи и процесс реорганизации командной структуры ВС республики; в работе Чхве Сонбина, Ко Пёнсона и Ли Хосока² приводится исторический обзор развития южнокорейской военной промышленности в период 1970–2010 гг.; исследование Чон Инбума³ посвящено эволюции подходов ряда администраций южнокорейских президентов к реформированию ВС страны; исследование Чо Ёнга⁴ освещает преемственность и историческую динамику в развитии национальной военной политики; серия работ П. Квона⁵ посвящена истории военной промышленности, промышленной политики РК и роли чеболей в военных проектах; статья Пак

¹ 주정율. 박정희 대통령의 자주국방사상과 현대적 함의. 군사연구. 2015. 제139집. 423–451쪽. (Чу Чонъюль. Концепция самостоятельной обороны Пак Чонхи и её современное применение // Военные исследования. 2015. № 139. С. 423–451.); 주정율. 박정희 대통령시기 (1968~1972) 자주국방 측면에서 바라본 통합군 추진의 배경과 과정. 군사연구. 2016. 제141집. 427–453쪽. (Чу Чонъюль. Предыстория и процесс создания единого боевого командования в рамках политики самостоятельной обороны при администрации Пак Чонхи (1968–1972 гг.) // Военные исследования. 2016. № 141. С. 427–453.).

² 최성빈, 고병성, 이호석. 한국 방위산업의 40년 발전과정과 성과. 국방정책연구. 2010. 제26 권. 제1호. 73–117쪽. (Чхве Сонбин, Ко Бёнсон, Ли Хосок. Процесс развития и достижения южнокорейской оборонной промышленности в последние 40 лет // Исследования оборонной политики. 2010. № 26 (1). С. 73–117.).

³ Chun In-bum. Korean Defense Reform: History and Challenges // Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/research/korean-defense-reform-history-and-challenges/>

⁴ 조영갑. 한국 국방정책의 역사적 변천과 특정 정립에 관한 연구. 군사. 2007. 제64호. 257–296쪽 (Чо Ёнга. Исследование исторических изменений и их влияния на военную политику Республики Корея // Военная история. 2007. № 64. С. 257–296.).

⁵ Kwon P.B. Beyond Patron and Client: Historicizing the Dialectics of US-ROK Relations amid Park Chung Hee's Independent Defense Industry Development in South Korea, 1968–1979 // Seoul Journal of Korean Studies. 2017. Vol. 30. № 2. P. 185–216.; Kwon P.B. Building Bombs, Building a Nation: The State, Chaebö, and the Militarized Industrialization of South Korea, 1973–1979 // The Journal of Asian Studies. 2019. Vol. 79. № 1. P. 1–25.; Kwon P.B. Mars and Manna: Defense Industry and the Economic Transformation of Korea under Park Chung Hee // Korea Journal. 2018. Vol. 58. № 3. P. 15–46.

Ильсона¹ посвящена истории политики «самостоятельной обороны» Пак Чонхи и др.

Для решения исследовательских задач были использованы различные источники, которые можно разделить по следующим категориям:

1. Официальные документы и законодательство РК. Основным официальным источником государственного происхождения, использованным в нашем исследовании и отражающим военную политику РК, являются «Белые книги обороны», издающиеся южнокорейским Министерством обороны с 1967 г.² Важным государственным ресурсом для извлечения нормативно-правовых актов в области оборонного строительства послужили базы данных Информационного центра корейского права³, подведомственного Министерству юстиции РК; здесь опубликованы различные законы и прочие нормативно-правовые акты, регулирующие в т. ч. вопросы военной политики. Были задействованы сборники иных официальных органов власти, например, сборники законов, регулирующих информационное пространство⁴, изданные Агентством интернет-безопасности при Министерстве науки и информационно-коммуникационных технологий РК и др.

2. Международные договоры и соглашения. Поскольку военно-политический курс республики тесно связан с международной повесткой и во многом определяется военно-политическим союзом Южной Кореи и США, данная группа источников представляет большое значение. Прежде всего отметим Договор о взаимной обороне 1953 г.,⁵ официально закрепивший союзнические отношения Вашингтона и Сеула.

3. Опубликованные архивные источники, включающие официальные документы США. Важной группой источников можно назвать опубликованные архивные документы. Наиболее интересными являются архивные документы США – государства, оказавшего значительное

¹ 박일송. '자주국방 정책의 추진과 군의 현대화, 1970~1997. 군사. 2008. 제68호. 93–130쪽. (Пак Ильсон. Политика «самостоятельной обороны» и модернизация вооруженных сил Республики Корея, 1970–1997 гг. // Военная история. 2008. № 68. С. 93–130.).

² 國附白書 1967. 서울, 1968. (Белая книга обороны 1967 г. Сеул, 1968.).

³ 군수조달에관한특별조치법. 국가법령정보센터 (Закон «Об особых мерах по военным закупкам». Информационный центр законодательства Республики Корея). URL: <http://www.law.go.kr/LSW/lsInfo.do?lsiSeq=5748&viewCls=lsRvsDocInfoR#>)

⁴ Laws on the Internet and Information Security in Korea. Seoul, 2015.

⁵ Mutual Defense Treaty Between the United States and the Republic of Korea // The Avalon Project. October 1, 1953. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/kor001.asp

влияние на разработку военной политики Южной Кореи и на создание южнокорейских ВС. Опубликованные сборники архивных документов серии «Foreign Relations of the United States»¹, содержащие официальные документы (Министерства обороны, Государственного департамента, Центрального разведывательного управления, администрации президента США и др. ведомств) по внешней политике США в период 1952–1980 гг. (администрации Г. Трумэна – Дж. Картера), в том числе отдельные тома по Корее и Восточной Азии; все они имеют важное значение для исследования истории становления и развития национальных ВС и военной политики Южной Кореи. Некоторые другие документы доступны также в президентских архивах США, например, в «Президентской библиотеке Рональда Рейгана»².

4. Официальные выступления и мемуары южнокорейских лидеров. В данном исследовании задействованы выступления президентов РК, посвященные разным темам и историческим событиям в связи с рядом аспектов военно-политического курса государства. Примером могут служить инаугурационные выступления президентов³, автобиографический текст Ли Мёнбака «Чудес не бывает»⁴, Мун Джэина «Судьба»⁵. Широко использованы материалы выступлений первых лиц РК разных лет, размещенные в Президентском архиве РК⁶.

5. Статистические и информационные материалы. Важное значение для оценки и анализа военного потенциала РК и материально-технических ресурсов её ВС имеет справочная литература, например, статистический сборник «The Military Balance»⁷, с 1959 г. ежегодно выпускаемый Международным институтом стратегических исследований в Лондоне, а также доклады Стокгольмского института исследования

¹ Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Vol. XV: Korea, P. 1 / Ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. W., DC, 1984.

² Joint Statement Following Meetings with President Chun Doo Hwan of the Republic of Korea, November 14, 1983 // Ronald Reagan Presidential Library. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/joint-statement-following-meetings-president-chun-doo-hwan-republic-korea>

³ 김영삼. 2.25 대통령 취임사. 전문. 중앙일보. 1993. (Инаугурационная речь президента Ким Ёнсама 25 февраля 1993 г. Полный текст // Чунан Ильбо. 1993. 26 февр.) и др.

⁴ Ли Мён Бак. Чудес не бывает. Сеул, 2009.

⁵ Мун Чжэин. Судьба. СПб., 2021.

⁶ 이승만. 07.24 대통령 취임사 // 대통령기록관 (Ли Сынман. Инаугурационная речь, 24 июля 1948 г. // Президентский архив Республики Корея). URL: https://www.pa.go.kr/online_contents/inauguration/president01.jsp

⁷ The Military Balance 2024. L., 2024.

проблем мира¹. В данных материалах содержатся базовые сведения о военных потенциалах всех государств мира, основные данные о техническом оснащении их ВС, что важно для анализа динамики развития ВПК, международной торговли вооружениями и прочих вопросов развития ВС на Корейском полуострове.

6. Материалы СМИ Южной Кореи, США и других стран. Определенную роль в качестве источника сыграла южнокорейская и американская периодика, позволившая отслеживать текущие события в сфере военной политики и альянса двух государств. Информация журнальных и газетных статей способствовала реконструкции общественно-политической ситуации в РК, на фоне которой развивались эволюция ее военной политики.

В основу изучения развития военной политики РК положены принципы историзма и объективности, позволяющие анализировать формирование и эволюцию основных положений военно-политического курса Южной Кореи в последовательном временном развитии и во взаимной связи с общим контекстом исторического процесса на Корейском полуострове во второй половине XX – начале XXI в. Формирование и развитие военной политики, подходы к развитию ВС и военному строительству, методы внешней политики в области безопасности южнокорейского государства рассматриваются нами на фоне происходивших изменений во внутренней и внешней политике РК. В то же время южнокорейская военная политика анализируется как самостоятельный общественный феномен с собственными функциональными характеристиками и особенностями, находящимися в динамическом состоянии.

Основными методами при проведении исторического анализа выступили сравнительно-исторический и проблемно-хронологический. Сравнительно-исторический метод используется при сопоставлении содержания официальных документов, регламентирующих вопросы военного строительства и внешней политики, а также содержания идеологических концепций на различных этапах развития южнокорейского государства в контексте конкретной исторической ситуации. Проблемно-хронологический метод используется для выделения и анализа этапов развития военно-политического курса Южной Кореи, при рассмотрении особенностей формирования и имплементации военной политики и политики в области национальной безопасности; применение данного метода позволило выделить роль внешних

¹ Wezeman, P. Trends in International Arms Transfers. SIPRI Fact Sheet, March 2021. Stockholm, 2021.

факторов в развитии военной политики РК, раскрыть динамику военно-политической обстановки на Корейском полуострове и в СВА во второй половине XX – начале XXI в., последовательно рассмотреть историю развития национальных ВС.

Ретроспективный метод позволил оценить события прошлого на основе современных научных представлений, что весьма актуально для современного российского корееведения, более объективного по отношению к Южной Корее, чем корееведение советское. Метод контент-анализа использовался при изучении документов и исследовательской литературы с целью выявления концептуальных положений военной политики РК. Метод актуализации позволил выделить в существенном массиве зарубежной информации те материалы, которые обладают подлинной научной ценностью для российского корееведения, а также критически оценить иной материал. Метод периодизации исторического процесса облегчил корреляцию общеисторического процесса в Корее и этапов формирования южнокорейской военной политики.

Важным методологическим вопросом исследования стала возможность применить не только общие принципы и методы исторической науки, но также приёмы политологии и теории международных отношений. Применение некоторых методов из арсенала теории международных отношений позволило выявить мотивацию южнокорейского государства в связи с наращиванием военного потенциала и вступлением в военные альянсы с другими акторами. Так, история военного альянса Вашингтона и Сеула, начиная с освобождения Кореи в 1945 г. и Корейской войны 1950–1953 гг. и заканчивая распадом мировой системы социализма в конце 1980-х – начале 1990-х гг., достаточно убедительно раскрывается при использовании ключевых постулатов парадигмы неореализма. При этом следует учесть, что аргументы неореалистов не могут убедительно объяснить дальнейшее укрепление альянса в условиях ослабления ключевой «угрозы» со стороны Пхеньяна в 1990-х гг. Известно, что на фоне заметного ослабления военного потенциала КНДР и потере стратегических союзников в данный период необходимость в поддержании американо-южнокорейского альянса не только не отпала, но и существенно укрепилась, а оборонный бюджет Южной Кореи возрос вчетверо на протяжении 1990–2000-х гг. Такое развитие событий можно разъяснить, прибегнув к аргументации конструктивистов, которая объясняет упрочение альянса рядом иных факторов, не имеющих прямого отношения к военным, включая общественное восприятие Северной Кореи как реальной и устойчивой угрозы, на фоне которой полувековая история военного альянса с США

воспринимается в Южной Корее не иначе, как жизненно необходимая, дружественная поддержка, обеспечивающая безопасность нации¹.

Таким образом, для воссоздания наиболее объективной картины при анализе военной политики и истории развития ВС РК целесообразно прибегнуть к комбинации общеисторических методов и методологических подходов современной теории международных отношений и политической науки, что позволяет выявить закономерности, связи и явления, составляющие основную проблематику настоящего исследования.

Цель настоящего исследования – выявление основных тенденций и факторов эволюции военной политики РК с момента создания южнокорейского государства по настоящее время. В этой связи внимание автора направлено на такие вопросы, как определение основных целей, приоритетов и инструментов военной политики последовательно сменявших друг друга президентских администраций Южной Кореи, определение связи военной политики с идеологическим курсом южнокорейского государства и её зависимости от внешне- и внутривнутриполитической обстановки, оценка динамики основных угроз безопасности и их взаимосвязи с процессом эволюции военно-политического курса РК, характеристика международных факторов, повлиявших на выработку военной политики южнокорейского государства, определение влияния внутривнутриполитической трансформации Южной Кореи на характер военной политики государства, оценка современного военного потенциала РК.

Основной научной категорией, используемой в настоящем исследовании, выступает военная политика. Под ней понимается часть государственной политики, посвященная развитию вооруженных сил, военной техники и вооружений, военной промышленности, проведению реформ в области управления ВС. Ввиду особой важности внешнего фактора в определении приоритетов военной политики РК, в исследовании уделено внимание внешним военно-политическим отношениям Сеула – прежде всего, с основным союзником в лице США и основным оппонентом в лице КНДР.

Хронологические рамки исследования охватывают период с основания Республики Корея в 1948 г. до окончания срока президентских полномочий Юн Согёля в 2025 г. Предлагается выделить два этапа в соответствии со сложившейся историографической традицией:

¹ Suh J.J. Bound to Last? The U.S.-Korea Alliance and Analytical Eclecticism // Rethinking Security in East Asia: Identity, Power and Efficiency. Stanford, 2004. P. 131–171.

«авторитарный» и «демократический»¹. Первый включает исторический промежуток с 1948 по 1987 гг. и связан с периодом I–V Республик (президентство Ли Сынмана, Пак Чонхи и Чон Духвана). Демократический период начинается с провозглашения VI Республики в 1988 г. и продолжается по настоящее время. Основы демократической Южной Кореи были заложены во время правления президентов Ро Дэу, Ким Ёнсама, Ким Тэджун и последующих. В первой главе «Военная политика Республики Корея в период I–V Республик (1948–1988)» рассмотрен начальный этап становления военной политики Южной Кореи, а также зарождение и развитие союзнического альянса с США; особое внимание уделено индоктринации концепции «самостоятельной обороны», характерной для авторитарного периода в истории Южной Кореи. Вторая глава «Военная политика Республики Корея после учреждения VI Республики (1988–2017)» посвящён эволюции военной политики Южной Кореи на этапе демократического транзита. В главе также представлена авторская оценка политики страны в сфере информационной и кибербезопасности, основанная на анализе оригинальных источников. В третьей главе «Военная политика Республики Корея в 2017–2025 гг.» рассмотрена военная политика последних двух президентских администраций Южной Кореи, отдельное внимание уделено организационно-правовым основам современной военной политики государства и оценке текущего военного потенциала РК.

¹ См., например: Толстокулаков И.А. Развитие демократического процесса в Южной Корее в период VI Республики. Владивосток, 2003.

1. ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ПЕРИОД I – V РЕСПУБЛИК (1948–1988)

1.1. Военная политика Ли Сынмана (1948–1960): «марш на Север» и образование военно- политического альянса с США

Становление принципиальных основ военно-политического курса южнокорейского государства связано с личностью его первого президента Ли Сынмана, руководившего РК в период с июня 1948 г. по апрель 1960 г. В условиях национального раскола и формирования на севере Кореи просоветского режима Ли Сынман прибег к достаточно агрессивной внешней политике, основанной на антикоммунистических и националистических убеждениях. Несмотря на присутствие в инаугурационной речи президента Ли Сынмана 24 июля 1948 г. призыва к мирному объединению Кореи и сохранению контактов между Севером и Югом¹, практические шаги его администрации были направлены на создание и укрепление военного потенциала Южной Кореи. По мнению большинства исследователей, режим Ли Сынмана «фактически готовился к силовому решению корейской проблемы»². Однако молодое южнокорейское государство не обладало необходимой технологической и промышленной базой для самостоятельного создания национальных ВС, поэтому развитие его военного потенциала требовало внешней опоры. Ли Сынман начал своего рода «игру в альянсы», подражая Пхеньяну, заключившему соглашения о всестороннем сотрудничестве с СССР и КНР, и Южная Корея в качестве принципиального союзника рассматривала США, поддержавших Сеул в Корейской войне.

¹ 이승만. 07.24 대통령 취임사 // 대통령기록관 (Ли Сынман. Инаугурационная речь, 24 июля 1948 г. // Президентский архив Республики Корея). URL: https://www.pa.go.kr/online_contents/inauguration/president01.jsp

² Choi Dai-Kwon. Constitutional Developments in Korea // The Review of Korean Studies. Vol. 6. № 2. P. 34.

Корейская война 1950–1953 гг. стала серьёзным испытанием для молодого южнокорейского государства, в условиях чрезвычайного военного положения многие демократические элементы политической системы I Республики были отменены, и остались невосстановленными даже после окончания боевых действий. Вооруженное столкновение двух корейских государств не только усилило их взаимную вражду, но катастрофическим образом сказалось на развитии Южной Кореи. Проникнутая националистическим духом антикоммунистическая риторика захлестнула южнокорейские СМИ, которые идеологической направленностью и тональностью своих высказываний культивировали в обществе благоприятный эмоциональный фон для дальнейшего упрочения личной власти Ли Сынмана¹.

В военные годы властные полномочия концентрировались в руках Ли Сынмана, который в условиях жесткой цензуры сформировал свой образ выдающегося борца за национальную независимость, защитника народа от коммунистической агрессии. В начале 1950-х гг. вопреки демократической Конституции начал складываться, а к середине десятилетия окончательно сформировался режим авторитарного правления Ли Сынмана. После завершения Корейской войны и подписания Пханмунджомского перемирия в 1953 г. президент решил направить основные усилия на скорейшее объединение страны путем окончательного разгрома КНДР. Для этого на Юге требовалось создать сильное национальное государство, непременным условием этого являлась сильная личная власть президента. Идеология Ли Сынмана усиливалась позицией военных кругов, отрицавших демократические идеалы. Авторитарная организация общества, консолидация его потенциала вокруг главы государства максимально соответствовали интересам силовых структур и органов госбезопасности РК, что придавало особое значение проблеме участия армии в политической жизни. Данные обстоятельства предопределили содержание военно-политического курса не только I Республики, но и на десятилетия вперед, некоторые ее принципиальные компоненты сохраняют актуальность и по сей день. Многое свидетельствовало о том, что Ли Сынман искал возможности формирования и укрепления военного потенциала РК и фактически готовился к силовому решению корейской проблемы.

¹ Мазуров В.М. Республика Корея: проблемы и противоречия современного политического развития. Корея на рубеже веков. М., 2002. С. 15.

По причине слабой экономики только что образованного южнокорейского государства и отсутствия серьезной технологической базы для самостоятельного создания ВС, Ли Сынман рассчитывал развивать военный потенциал путем поиска военно-политических союзников. В ответ на формирование союза КНДР и СССР РК изначально предприняла попытку участия в многосторонней структуре безопасности. В качестве таковой в 1949 г. был предложен «Тихоокеанский пакт», идея которого была совместно Ли Сынманом, президентом Филиппин Эльпидо Кирино и президентом Китайской Республики Чан Кайши. Принцип данного соглашения был заимствован у НАТО, а его участниками должны были стать Южная Корея, Филиппины, Тайвань, Австралия, Новая Зеландия, США и другие страны (в широком смысле сторонники пакта обращались к «дальневосточным странам»¹), объединённые целью противодействовать расширению влияния СССР в АТР.

Однако план по заключению Тихоокеанского пакта не удалось реализовать по ряду причин: от возникших разногласий у инициаторов соглашения до пассивной позиции США, делавших акцент на укреплении собственных отношений с Австралией, Новой Зеландией и странами Юго-Восточной Азии². Кроме того, Вашингтон не спешил вступать в международный альянс, в котором он давал бы односторонние гарантии безопасности без видимых преференций для себя. Впоследствии проект многостороннего соглашения был реализован в договорах АНЗЮС и СЕАТО, не предполагавших полноценного членства (в СЕАТО РК имела статус партнера по диалогу).

Подобная ситуация заставила Ли Сынмана сделать ставку на развитие двусторонних отношений с США. Принципиальным вопросом оставалось формальное закрепление союзнических отношений; Ли Сынман настаивал на заключении договора о взаимной обороне или другого документа, устанавливающего обязательства Вашингтона по защите Южной Кореи от военной угрозы³. Для обоснования

¹ The Ambassador in Korea (Muccio) to the Secretary of State // Foreign Relations of the United States. 1949. Vol. VII: The Far East and Australasia. Part 2. W., DC, 1976. P. 1154–1155.

² Dobbs C.M. The Pact that Never Was: The Pacific Pact of 1949 // Journal of Northeast Asian Studies. 1984. Vol. 3. № 4. P. 37–38.

³ Hong Yong-pyo. State Security and Regime Security: President Syngman Rhee and the Insecurity Dilemma in South Korea, 1953–60. L., 2000. P. 28.

союза были задействованы самые разные аргументы, вплоть до полярных, начиная с признаний своей неспособности обеспечить обороноспособность РК без военного присутствия США (что было обозначено, в частности, в послании Ли Сынмана президенту Г. Трумэну 19 ноября 1948 г.¹) и заканчивая призывом начать превентивную атаку на Север². Однако такая аргументация не привела к ожидаемому результату, если не принять в расчет соглашение об учреждении Группы военных советников США в РК от 26 января 1950 г. Последняя фактически находилась в Корее с 1949 г. в статусе дипломатической миссии (с подчинением Государственному департаменту, а не Министерству обороны США) и обеспечивала логистическую поддержку и обучение личного состава формировавшейся южнокорейской армии³.

Во время Корейской войны жесткая политика РК оставалась неизменной: Ли Сынман выступил едва ли не единственным противником планировавшегося перемирия, угрожая вести односторонние боевые действия против Северной Кореи и тем самым шантажируя США с целью добиться более весомых гарантий безопасности. США согласились на них только после подписания Пханмунджомского соглашения о перемирии, и спустя два месяца, 1 октября 1953 г. был заключен Договор о взаимной обороне между РК и США, ставший отправной точкой в развитии военно-политического альянса двух государств и провозгласивший такие обязательства, как взаимная защита в случае внешней военной атаки и размещение военного контингента США на территории РК по согласию с местным правительством⁴. Договор был дополнен Согласованным протоколом, составленным после затяжных переговоров в Вашингтоне летом и осенью 1954 г. Он уточнял основные положения Договора и обозначал ряд новых направлений двусторонних отношений по более широкому спектру вопросов, включая экономические. В Согласованном протоколе было закреплено право США в лице

¹ The Special Representative in Korea (Muccio) to the Secretary of State // Foreign Relations of the United States. 1948. Vol. VI: The Far East and Australasia. W., DC, 1974. P. 1331–1332.

² Hong Yong-pyo. Op. cit. P. 30.

³ Sawyer R.K. Military Advisors in Korea: KMAC in Peace and War. W., DC, 1992. P. 48.

⁴ Mutual Defense Treaty Between the United States and the Republic of Korea; October 1, 1953 // The Avalon Project. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/kor001.asp

Командования ООН осуществлять оперативное командование над ВС РК¹.

Несмотря на достигнутый успех, Ли Сынман не был доволен результатами обсуждения корейского вопроса на Женевской конференции 1954 г., его не устраивали различные предложения по мирному объединению или заключению межкорейского договора о ненападении, которые пыталась инициировать в Женеве в том числе и северокорейская делегация на волне распространения идеи «мирного сосуществования» во второй половине 1950-х гг.² Сохранение статус-кво, при котором северная часть страны была занята социалистической Кореей, категорически не устраивала Ли Сынмана, нацеленного на объединение Кореи силовым способом, в том числе в одностороннем порядке под лозунгом «марша на Север». Однако в послевоенный период подобная риторика воспринималась как откровенный блеф и, по большому счету, не возымела никакого эффекта. Во второй половине 1950-х гг. Ли Сынман сосредоточил усилия, во-первых, на решении внутренних проблем режима, обострившихся в последние годы его президентства и впоследствии приведших к Апрельской революции 1960 г., и, во-вторых, на развитии ВС южнокорейского государства.

Что касается развития ВС РК, то следует отметить, что изначально они развивались в качестве полицейских формирований. Их возникновение относится к январю 1946 г., когда был образован первый полицейский отряд. Через год, в январе 1947 г., численность полицейских сил достигла 5 тыс. чел., в апреле – 10 тыс., в августе – 15 тыс. После образования РК в 1948 г. полицейские отряды были преобразованы в ВС, и к январю 1949 г. их численность составила около 60 тыс. чел.³, большую часть которых составляли пехотинцы. В марте эта цифра увеличилась еще на 5 тыс., к которой можно присовокупить около 4 тыс. служащих в береговой охране и 45 тыс. полицейских⁴.

¹ Hong Yong-pyo. Op. cit. P. 79.

² Kim Hakjoon. Unification Policies of South and North Korea, 1945–1991: A Comparative Study. Seoul, 1992. P. 185–186.

³ Mesko J. Armor in Korea: A Pictorial History. Carrollton, 1984. P. 5.

⁴ Appleman R.E. South to the Naktong, North to the Yalu (June – November 1950). W., DC, 1992. P. 13.

Дальнейшее развитие и модернизация южнокорейских ВС протекали в соответствии с решениями Группы военных советников в Корее, четко придерживавшейся политической линии американского руководства. По вопросу приобретения вооружений позиция Группы заключалась в том, что южнокорейская армия должна получить только оборонительную технику, поскольку наличие танков и самолётов может побудить Сеул предпринять попытку силового объединения Кореи. К началу Корейской войны РК не обладала современным противотанковым оружием, безоткатными орудиями, тяжелыми минометами и противотанковыми минами. Пехота была оснащена преимущественно винтовками М1, 60- и 81-мм миномётами, 2,36-дюймовыми ручными гранатомётами М9 и М9А1, 37- и 57-мм противотанковыми орудиями, 75-мм гаубицами и несколькими единицами 105-мм гаубиц¹. Требования южнокорейской стороны обновить технику и вооружения (в частности, запрос министра обороны РК в октябре 1949 г. на приобретение танков М26 «Першинг») были отклонены, даже несмотря на заявления некоторых экспертов Группы военных советников о том, что Южная Корея с текущим арсеналом не сможет противостоять полномасштабной военной атаке. В результате, из бронетехники к началу войны армия имела 27 броневедомств М8 и некоторое количество бронетранспортеров М3².

Организационно ВС состояли из восьми дивизий, численность личного состава каждой из которых должна была достигать 10 тыс. чел. Однако приближались к этому показателю лишь четыре дивизии, в то время как остальные были укомплектованы лишь на 60–70 %; общая численность составляла около 98 тыс. чел. (65 тыс. — боевой состав, 33 тыс. — состав штабных и вспомогательных подразделений), численность внутренних полицейских сил около 48 тыс. чел³.

В начале Корейской войны армия РК потерпела крупное поражение: около 44 тыс. чел. были убиты, захвачены в плен или пропали без вести; сообщалось также и о потере до 70 % личного состава и техники. Только 6-я и 8-я дивизии южнокорейской армии, дислоцированные в гористой местности на востоке полуострова, обошлись

¹ Mesko J. Op. Cit. P. 5.

² Sawyer R.K. Op. cit. P. 74.

³ Appleman R.E. Op. cit. P. 14.

без крупных потерь, сумев притом нанести урон превосходящим по силе войскам Корейской народной армии¹.

В этих условиях правительство РК добивалось от США увеличения численности ВС путем их реорганизации из 10 в 20 дивизий. США не удовлетворили требования южнокорейского руководства, считая, что укрепление военной мощи РК должно осуществляться не за счет количественного расширения, а за счет качественного улучшения организационных возможностей, в особенности, подготовки кадров и процесса управления. Тем не менее, после того как война приобрела характер позиционной и боевые действия сосредоточились в районе 38-й параллели, к лету 1951 г. Вашингтон изменил свою позицию. Командующий силами ООН в Корее генерал М. Риджуэй высказался в пользу увеличения численности армии РК при сохранении максимального уровня в 10 дивизий. Впоследствии его преемником генерал М. Кларком было принято решение о дальнейшем расширении организационной структуры ВС и формировании 20 дивизий. При участии командующего 8-й армией США генерала Дж. Ван Флита и начальника штаба сухопутных войск ген. Дж. Лоутон Коллинса был разработан план расширения южнокорейских войск до уровня 20 дивизий при условии, что каждые две корейские дивизии заменят одну американскую².

Результатом реализации этого плана стало расширение армии до 16 дивизий к концу 1953 г., общая численность ВС достигла 591 тыс. чел., включая подразделения «Корейского дополнения к армии США» (англ. Korean Augmentation to the United States Army, KATUSA) – южнокорейских военных в составе 8-й армии США, дислоцированной в Корее. План рассматривал укрепление боевых возможностей, в первую очередь, сухопутных сил, поскольку экономика Южной Кореи на тот момент не позволяла серьёзно развивать авиацию и флот. Однако план предусматривал также поставку крыла истребителей P-51 Mustang, позволял укомплектовать пять дивизий артиллерийскими подразделениями (каждая дивизия получила по три батальона 105-мм гаубиц и по одному батальону 155-мм

¹ Hamm Taik-young. *Arming the Two Koreas: State, Capital and Military Power*. L., 1999. P. 64.

² Hamm Taik-young. *Op. cit.* P. 68.

гаубиц) и девятью танковыми ротами (в каждой из которых – по 22 самоходные артиллерийские установки М36)¹.

Эти изменения, однако не позволили Южной Корее переломить ход войны в свою пользу. В результате война фактически закончилась перемирием без подписи представителей южнокорейской стороны, а руководство РК продолжило курс на наращивание военной мощи, периодически объявляя о намерении осуществить «марш на Север» и возобновить боевые действия.

В первую очередь, после заключения перемирия были продолжены усилия по увеличению численности личного состава ВС. При финансовой поддержке США, заключивших, что выгоднее будет субсидировать развитие корейской армии, нежели чем укреплять собственный контингент, Сеулу удалось к 1955 г. создать 720-тысячную армию, включавшую 20 боевых дивизий (660 тыс. чел.) и 10 резервных (недоукомплектованных) дивизий. Финансирование США составило 500 млн долларов в 1954 бюджетном году и 420 млн долларов в 1955 бюджетном году и осуществлялось напрямую через Министерство обороны США, минуя официальные программы военной помощи. Военный бюджет самой Южной Кореи был гораздо ниже и составлял 120 млн долларов в 1953 г., что говорило о сильной зависимости от американских помощи.

Военно-политический союз РК и США был существенно расширен в послевоенный период при значительном вкладе администрации Д. Эйзенхауэра, когда были заложены сущностные основы военно-политического альянса двух государств. Перед новым руководством США в 1953 г. предстал целый комплекс политических проблем, среди которых основными можно назвать сложную дискуссию о заключении перемирия в Корейской войне, расхождение позиций и интересов США и президента Ли Сынмана, трудности с принятием Договора о взаимной обороне, сложности двустороннего военного и экономического сотрудничества.

Один из первых вопросов, вставших перед администрацией Д. Эйзенхауэра – это необходимость разрешить затянувшуюся Корейскую войну тем или иным образом. У руководящих кругов США к тому времени уже сложилось понимание, что продолжение боевых действий нецелесообразно и сторонам необходимо садиться за стол переговоров. Однако в первые месяцы на серьезном уровне

¹ Ibid. P. 69.

обсуждалось проведение операции по захвату территории страны до линии Пхеньян–Вонсан, что позволило бы РК контролировать основные промышленные базы и 85 % населения. Такая операция могла быть проведена лишь ценой значительных военных потерь, поскольку к марту 1953 г. совокупная военная мощь КНДР и КНР увеличилась более чем вдвое по сравнению с июлем 1951 г.,¹ кроме того, американо-южнокорейские силы не имели господства в воздухе. Будучи ограниченными Соглашением о безопасности 22 октября 1951 г., США не могли проводить операции в районе Кэсона, где сформировалось так называемое «кэсонское убежище», ставшее мощной военной базой КНДР, поддерживающей весь западный фронт². Недостигаемыми для США оставались и китайские базы ВВС в Маньчжурии, на которых было сосредоточено около 800 истребителей. В этих условиях США стояли перед альтернативой: мирные переговоры или применение ядерного оружия по ключевым целям. Однако применение ядерного оружия в Маньчжурии означало бы выход военных действий за пределы Кореи, возникала вероятность ответного удара со стороны СССР по открытым и уязвимым позициям США в Инчхоне и Пусане.

Политические последствия подобных действий со стороны США также представлялись нежелательными, поэтому решение о ядерной бомбардировке не было принято, хотя Д. Эйзенхауэр и госсекретарь Дж. Даллес отзывались об этом сценарии как о «табу, которое рано или поздно придется нарушить»³. В целом возможность применения ядерного оружия в Корею в 1953 г. можно рассматривать скорее не как реальную перспективу, а как частное проявление дискуссии в рамках подхода «нового взгляда» (англ. New Look) администрации Д. Эйзенхауэра. Политика «нового взгляда» предполагала опору на тактическое и стратегическое ядерное оружие для сдерживания потенциальных угроз США и их союзников в контексте зарождающейся биполярной конфронтации.

¹ National Intelligence Estimate: Communist Capabilities and Probable Courses of Action in Korea // Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Vol. XV: Korea, Part 1. W., DC, 1984. P. 865.

² Hermes W.G. Truce Tent and Fighting Front. W., DC, 1992. P. 50.

³ Memorandum of Discussion at a Special Meeting of the National Security Council on Tuesday, March 31, 1953 // Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Vol. XV: Korea, Part 1. W., DC, 1984. P. 827.

Необходимость заключения перемирия поставила перед США другую важную проблему: высшее руководство Южной Кореи выступало против прекращения боевых действий. Администрация РК и лично президент Ли Сынман провозгласили главной внешнеполитической задачей устранение «красной угрозы» и объединение Кореи на условиях РК, для чего, с точки зрения Ли Сынмана, допустимо лишь такое перемирие, условия которого не предусматривали бы наличия военного контингента КНР в Корее¹. США и РК понимали, что добиться этого невоенным путем невозможно, и это давало Ли пространство для политического торга: либо РК принимает перемирие, предварительно получив от США гарантии безопасности в виде Договора о взаимной обороне, либо ВС РК выходят из подчинения Командованию ООН и ведут самостоятельные боевые действия против КНДР². Согласно требованиям Ли Сынмана, изложенным в письме Д. Эйзенхауэру от 30 мая 1953 г., Договор о взаимной обороне должен включать пункты о немедленной военной поддержке со стороны США в случае внешнего нападения, размещении военного контингента США на полуострове в целях сдерживания противника и военно-технической помощи ВС РК³.

Заключение Договора о взаимной обороне не противоречило интересам США, к тому времени подписавших аналогичные документы с Филиппинами и Японией, однако Вашингтон не мог согласиться с предложенными Ли Сынманом условиями по ряду причин. Во-первых, заключение военно-политического союза до подписания Соглашения о перемирии ставило бы последнее под угрозу срыва и, несомненно, вызвало бы ответную реакцию КНДР и КНР. Во-вторых, такой сценарий давал бы больше свободы действия Ли Сынману, поскольку Южная Корея получала гарантии безопасности, не будучи скованной какими бы то ни было ограничениями. В-третьих, одно из требований Ли Сынмана относительно перемирия

¹ Memorandum of Conversation, by the Director of the Office of Northeast Asian Affairs (Young) // Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Vol. XV: Korea, Part 1. W., DC, 1984. P. 897.

² Садаков Д.А. «На крайний случай»: США, Ли Сын Ман и операция «Everready» в годы Корейской войны (1952–1953 гг.) // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 4 (43). С. 44.

³ The President of the Republic of Korea (Rhee) to President Eisenhower // Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Vol. XV: Korea, Part 1. W., DC, 1984. P. 1125–1126.

заключалось в одновременном выводе сил США и КНР с территории страны¹, и это ставило РК в выгодную военно-стратегическую позицию, т. к. сдерживание КНДР могло бы осуществляться не только за счет военных обязательств США, но и благодаря численному превосходству южнокорейских ВС.

Таким образом, до заключения Соглашения о перемирии США не были готовы взять на себя союзнические обязательства, но взамен американская сторона предложила сделать программное заявление о «расширенных мерах», которые бы отражали намерение США и союзников продолжить воевать на стороне РК в случае внешней агрессии². Для этого от Ли Сынмана требовались встречные шаги – принять перемирие и дать обязательство сохранить ВС РК под оперативным командованием Командования ООН. Такие меры были необходимы, чтобы предотвратить осуществление продвигаемой Ли Сынманом идеи «марша на Север» и возобновление войны, успех которой не был гарантирован. Перспективы успешных военных действий практически не просматривались, а продолжение односторонней операции Южной Кореи было заведомо обречено на неудачу. При этом руководство США воспринимало позицию Ли Сынмана с большой долей осторожности, не считая его шантаж блефом. По этому поводу в руководстве США существовали разные точки зрения; так, помощник министра обороны по вопросам международной безопасности Ф. Нэш выступал за то, чтобы пойти на уступки Южной Корее и заключить с ней Договор о взаимной обороне ещё до перемирия. Противоположный взгляд не исключал самых радикальных сценариев, в том числе и прямую военную конфронтацию США и РК, а также всерьез обсуждавшийся план смещения Ли Сынмана под кодовым названием «Everready»³. Для убеждения Ли Сынмана США пришлось задействовать свой основной аргумент, а именно угрозу прекращения экономической помощи, логистической поддержки ВС РК и планов их расширения до 20 дивизий.

¹ The Chief of Staff United States Army (Collins) to the Commander in Chief Far East (Clark) // Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Vol. XV: Korea, Part 1. W., DC, 1984. P. 1136.

² The Acting Secretary of State to the Embassy in Korea // Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Vol. XV: Korea, Part 1. W., DC, 1984. P. 1031.

³ The Commander in Chief, United Nations Command (Clark) to the Joint Chiefs of Staff // Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Vol. XV: Korea, Part 2. W., DC, 1984. P. 1152–1154.

Это позволило США выйти из сложившейся ситуации победителем: несмотря на отказ РК подписать Соглашение о перемирии 27 июля 1953 г., Ли Сынман все же не выступил против него, а Договор о взаимной обороне был заключен в выгодные для США сроки – 1 октября 1953 г., т. е. спустя два месяца после подписания перемирия.

Критически важным вопросом двусторонних отношений стала поддержка разрушенной войной южнокорейской экономики. Экономическая помощь США при Д. Эйзенхауэре реализовывалась в следующих формах: программа чрезвычайной помощи гражданскому населению Министерства обороны (англ. Civilian Relief in Korea, CRİK), деятельность Агентства ООН по восстановлению Кореи (англ. United Nations Korean Reconstruction Agency, UNKRA), прямые выплаты правительства США за местную валюту (составлявшие значительную долю экономической помощи). Военные США участвовали в строительстве объектов, имевших гражданское назначение (автомобильных и железных дорог, мостов, заводов и др.), следует отметить содействие США трудоустройству корейских граждан в различных американских учреждениях¹. Программным документом действий Вашингтона по экономической помощи Южной Корее стал доклад «Укрепление корейской экономики», подготовленный по результатам поездки в РК в 1953 г. Г. Таски, специального представителя Президента США по корейским экономическим вопросам². В качестве основных задач в докладе указаны построение самоподдерживающейся экономики в РК и достижение к 1956 финансовому году уровня жизни, эквивалентного стандартам довоенных 1949–1950 гг. Для выполнения задач были приведены рекомендации по инвестированию и денежным вложениям, согласно которым в 1954 бюджетном году объем экономической помощи должен был составить 446 млн долл., в 1955 г. – 348 млн в 1956 г. – 275 млн³.

План Г. Таски был взят за основу при планировании экономической помощи, однако на практике он был скорректирован

¹ Report by the National Security Council Planning Board to the National Security Council // Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Vol. XV: Korea, Part 2. W., DC, 1984. P. 1390.

² Brazinsky G.A. Nation Building in South Korea: Koreans, Americans and the Making of a Democracy. Chapel Hill, 2007. P. 34.

³ The Special Representative for Korean Economic Affairs (Tasca) to the President // Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Vol. XV: Korea, Part 2. W., DC, 1984. P. 1245–1263.

в сторону уменьшения с тем, чтобы ежегодный вклад США на 1954–1957 финансовые годы не превышал 300–400 млн долл. (в 1954 г. – 355 млн, а суммарный объем вложений за эти годы составил от 895 млн до 1 млрд 195 млн долл.¹ Эта помощь была недостаточной, поскольку программу экономического восстановления приходилось сочетать с действиями по укреплению военного потенциала РК, и несмотря на то, что в США пытались разработать общий сбалансированный план экономической поддержки, объединяющий гражданскую и военную программы, суммарный вклад в РК в 1955 г. составил около 700 млн долл., а к 1957 г. эта цифра выросла до 1,25 млрд. Подобный рост был в первую очередь связан с необходимостью увеличить численность армии РК до уровня 20 дивизий. В 1959 г. удалось сократить объем вложений на 22 млн а в 1960 г. – еще на 10 млн долл.

Кроме того, стоит отметить некоторые проблемные моменты, усложнявшие как планирование программ помощи и оценку экономики РК американской стороной, так и переговоры Вашингтона и Сеула по экономическому сотрудничеству. Во-первых, это проблема курса воны и хвана, падение которых происходило на фоне растущей инфляции в послевоенной Корее. В начале февраля 1953 г. РК озвучила требование получить от США возмещение за приобретенную за годы войны валюту в размере 171 млн долл. Эта цифра была основана на курсе воны марта 1951 г., составлявшего 6 тыс. за доллар, в то время как реальная стоимость воны к 1953 г. упала до 18 тыс. за доллар². По версии США, общий объем возмещений должен был составить 119 млн из которых к февралю 1953 г. было выплачено 74 млн. Вашингтон был готов пойти на уступки, согласившись дополнительно заплатить 65 млн долл., и именно эта цифра стала предметом активного обсуждения между США и РК. 25 февраля стороны договорились об увеличении размера выплаты до 85 млн долл. в обмен на выгодные для США условия будущих расчетов, согласно которым Командование ООН закупило

¹ Report by the National Security Council Planning Board to the National Security Council // Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Vol. XV: Korea, Part 2. W., DC, 1984. P. 1385–1394.

² Memorandum by the Secretary of Defense (Wilson) to the National Security Council // Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Vol. XV: Korea, Part 1. W., DC, 1984. P. 747.

хван – новую национальную валюту РК – по курсу 180 за доллар. Этот курс был также зафиксирован в Согласованном протоколе американо-корейских переговоров по военному и экономическому сотрудничеству 1954 г., но формальные договоренности пришлось корректировать из-за роста инфляции: 12 августа 1955 г. стороны приняли поправку к Согласованному протоколу, устанавливающую курс валют в размере 500 хванов за доллар¹.

Во-вторых, камнем преткновения между союзниками стал вопрос заключения нового контракта на поставку вольфрама, добывавшегося в РК. Предыдущее соглашение истекало весной 1954 г., и РК, стремившаяся сохранить американский рынок, предлагала заключить новый контракт на условиях продажи одной тонны вольфрама за 63 доллара. При мировых ценах на вольфрам, составлявших около 18 долларов за тонну, США не были готовы продлевать контракт на заявленных РК условиях². Несмотря на то, что 80 % вольфрама на мировом рынке в то время производил Китай, и для США было важно сохранить добычу южнокорейского вольфрама, РК не имела возможности удешевить процесс производства и предложить новую сделку на взаимовыгодных условиях. Поэтому контракт так и не был заключен, взамен американская сторона пообещала свою помощь по совершенствованию условий добычи вольфрама, чтобы продукция РК смогла стать конкурентоспособной на мировом рынке.

По вопросу военно-технического сотрудничества стороны договорились об экономической, логистической и технической помощи США по увеличению количества дивизий южнокорейской армии с 16 до 20. Эта договоренность была достигнута еще во время дискуссий о заключении перемирия, и помощь США по укреплению военного потенциала РК являлась одним из главных аргументов для Ли Сынмана не выступать против Соглашения о перемирии.

Помимо развития сухопутных сил планировалось увеличить численность и других родов войск: морской пехоты – с 19 880 до 23 500 чел., флота – с 9402 до 10 000 чел., авиации – с 7034

¹ Editorial Note // Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XXIII: Korea, Part 2. W., DC, 1993. P. 147.

² Memorandum by the Deputy Director of the Office of Northeast Asian Affairs (McClurkin) to the Deputy Assistant Secretary of State for Far Eastern Affairs (Drumright) // Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Vol. XV: Korea, Part 2. W., DC, 1984. P. 1744.

до 9000¹. Согласно американскому плану, наращивание численности ВС РК являлось временной мерой. К февралю–марту 1954 г. предполагалось достичь потолка в 20 дивизий и по истечении трех лет начать постепенное сокращение ВС до уровня 10 дивизий. Параллельно с этим Командование ООН провело вывод двух американских дивизий с целью сбалансировать общие военные расходы.

Несмотря на то, что экономика РК едва справлялась с развитием ВС государства даже при значительных инвестициях США, Ли Сынман настаивал на дальнейшем расширении армии до 35–40 дивизий. По оценкам командующего Дальневосточным командованием ВС США генерала Дж. Халла и председателя Объединенного комитета начальников штабов США адмирала А. Рэдфорда, добиться этого можно было лишь путем всеобщей мобилизации, поэтому взамен США могли пообещать только помощь по тренировке и обучению резервных войск. Кроме этого, было принято решение отправить в Корею генерал-лейтенанта в отставке Дж. Ван Флита с заданием провести обучение в армии РК, а также сделать обзор состояния ВС. Рекомендации Ван Флита предполагалось использовать при принятии решения о целесообразности развития южнокорейского резерва, к тому же эта миссия, в некотором роде, имела и политический смысл: экспертное мнение Ван Флита должно было помочь убедить южнокорейское руководство следовать линии Вашингтона по вопросам военного сотрудничества.

Поставленная задача развития 20 дивизий была выполнена к концу марта 1954 г., когда численность армии достигла уровня 655 тыс., а план по увеличению численности личного состава военно-морского флота даже был перевыполнен на 5 тыс. чел. Две из двадцати армейских дивизий при этом были укомплектованы, но их обучение завершено только к осени. В целом американские военные советники, в том числе Ван Флит и вернувшийся из Кореи командующий 8-й армией США генерал М. Тэйлор, пессимистично отзывались о состоянии ВС РК. В числе главных проблем ими отмечалось неопределенность организационной структуры войск – при более-менее устоявшемся размере дивизии в 14 тыс. чел. было неясно, каким образом она составлена. Отмечалось также и то, что

¹ Report by the National Security Council Planning Board to the National Security Council // Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Vol. XV: Korea, Part 2. W., DC, 1984. P. 1385.

65 % офицерского состава имели стаж активной военной службы не более трех лет. М. Тэйлор свидетельствовал о том, что «армия РК поддерживается на максимально низком уровне снабжения ... имеет запасов на 6–7 дней»¹. В этой связи задачей США стало не столько укрепление ВС и введение новой военной техники и вооружений, как того требовал Ли Сынман, сколько сохранение текущего уровня военного потенциала страны в сложных экономических условиях. Так, США в некотором роде «переориентировали» свои усилия на развитие резервных войск, поставив цель увеличить темпы обучения с 10 до 20 тыс. чел. в месяц. Здесь следует отметить проблему демографического характера: по оценкам М. Тэйлора, в 1954 г. в РК имелось 1 млн 400 тыс. трудоспособных мужчин призывного возраста, и при сохранении текущей численности ВС срок службы фактически повышался до 10–11 лет. То же самое касалось и подготовки резерва, обучение которого на уровне 20 тыс. чел. в месяц представлялось возможным лишь в течение двух лет, после чего темпы неизбежно упали до 10 тыс. чел.² Предложение Ли Сынмана о формировании 35–40 дивизий таким образом можно считать невыполнимым.

Проблемы экономической целесообразности заставили Вашингтон задуматься и о полном выводе военного контингента США из Кореи, но по ряду причин, в числе которых наиболее актуальной можно назвать необходимость сохранить ВС РК под оперативным командованием Командования ООН (что было закреплено в Согласованном протоколе 1954 г.), был произведен вывод лишь двух дивизий. В качестве альтернативного способа уменьшить издержки на содержание войск было выбрано введение оружия двойного назначения – ракетных систем Honest John, Corporal, Redstone и 280-мм орудий в 1958–1960-х гг. В развернувшейся дискуссии по этому вопросу Дж. Даллес выступал против размещения оружия в Южной Корее, отмечая негативные политические последствия развертывания ракет, способных нести ядерный заряд, а также необходимость с нуля создавать инфраструктуру для их введения. Однако в конечном счете в Совете национальной

¹ Memorandum for the Record, by Walter Treumann of the Office of Northeast Asian Affairs // Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Vol. XV: Korea, Part 2. W., DC, 1984. P. 1805.

² Ibid. P. 1805.

безопасности США возобладала иная точка зрения, сторонники которой в соответствии с концепцией «нового взгляда» считали, что США и РК не могут быть «вечно связаны условиями перемирия» и нуждаются в надежном средстве сдерживания своих оппонентов в регионе¹. Кроме этого, как указывал Р. Катлер, введение оружия двойного назначения могло позволить США сэкономить около 127 млн долл. за четыре года².

Таким образом, в 1950-х гг. в южнокорейском руководстве преобладала идея силового объединения Кореи в рамках Корейской войны, а после ее завершения – под лозунгом «марша на Север» президента Ли Сынмана. Идея «марша на Север» являлась отражением идеологического курса «ильминджуй» («национальное единение»), разработанного по инициативе Ли Сынмана и представлявшего собой синтез националистических и демократических идей в сочетании с жестким антикоммунизмом³. Идея «марша на Север» (как при поддержке США, так и в одностороннем порядке) продвигалась и после Корейской войны на протяжении всего периода I Республики (1948–1960), негативно влияя на отношения между РК и США, которые не желали нецелесообразных с военной точки зрения шагов Сеула. Впрочем, угрозы Ли Сынмана провести «марш на Север» можно рассматривать скорее как инструмент политического шантажа, направленного на получение военной помощи и предоставления гарантий безопасности со стороны США. В этом смысле политический курс РК можно назвать удачным, поскольку он привел к формальному закреплению союзнических отношений с США в рамках Договора о взаимной обороне 1953 г. и Согласованного протокола американо-корейских переговоров 1954 г. Кроме того, при содействии США удалось сформировать национальные ВС РК, а затем и значительно увеличить их численность, добившись к концу 1950-х гг. численного превосходства над силами КНДР. Такая политика предотвратила возобновление межкорейского военного

¹ Memorandum of a Conversation, Washington, November 28, 1956 // Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XXIII: Korea, Part 2. W., DC, 1993. P. 357.

² Memorandum of Discussion at the 326th Meeting of the National Security Council, Washington, June 13, 1957 // Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XXIII: Korea, Part 2. W., DC, 1993. P. 445.

³ 안호상. 일민주주의의 본질. 서울, 1950 (Ан Хосан. Сущность ильминджуй. Сеул, 1950). С. 86.

конфликта, но необходимо отметить, что попытка мирными средствами достичь главной цели правительства I Республики – объединения Кореи на основе РК – также потерпела поражение.

1.2. Военно-политический курс Пак Чонхи: война во Вьетнаме и политика «самостоятельной обороны» (1961–1979)

На волне апрельского восстания против диктатуры Ли Сынмана в 1960 г. к власти пришло демократическое руководство, пытавшееся внедрить парламентскую форму правления на основе Конституции II Республики. Однако разобщенность демократических сил, неспособность решать экономические проблемы, отсутствие широкой общественной поддержки привели к падению II Республики в результате военного переворота 15 мая 1961 г. За семь месяцев ее существования демократическое руководство не имело возможности заняться оборонной сферой и внести какие бы то ни было изменения в военную политику южнокорейского государства.

Инициатор государственного переворота 1961 г. и национальный лидер РК периода 1961–1979 гг., генерал-майор Пак Чонхи прилагал особые усилия для легитимизации режима, созданного военной элитой. Данной цели служили принятие конституций политических систем III и IV Республик. Существенному расширению социальной опоры режима Пак Чонхи в 1961–1979 гг. служила идеологическая концепция «национальной самобытности» (кор. минчжок чучхесон), авторство которой приписывается лично Пак Чонхи¹. Концепция чучхесон призвана подчеркнуть особое национальное самосознание корейцев, сложившееся на протяжении их многовековой истории. Модернизация Южной Кореи, ставшая главной целью военного руководства, означала не простое восприятие ценностей или институтов западного общества, а их преломление через традиции и реалии корейского общества, причем главную роль в этом превращении должен был играть «здоровый» национализм, представлявший движущей силой самой модернизации. Таким же образом в идеологии авторитарного режима Пак Чонхи интерпретировалось понятие «демократия», ставшее

¹ Ермолаева Е.М. Республика Корея в авторитарный период: идеология, власть и общество. Владивосток, 2021. С. 112–113.

демократией «кореезированной», она же «управляемая» демократия или «администрируемая» демократия. Достаточно часто авторитарный режим в Южной Корее, установившийся в период правления Пак Чонхи, называют «диктатурой развития»¹ и «государством развития» (англ. *developmental state*)². В этот период в РК сложился военно-бюрократический режим, в значительной степени опиравшийся на ВС и аппарат национальной безопасности при выработке государственной политики³, при этом сделавшего значительный вклад в экономическое развитие РК. С точки зрения целей и задач военной политики, для этого периода характерно сочетание двух принципиальных целей, определявших ее содержание: стремление обеспечить национальную безопасность в контексте биполярного противостояния и проблемы межкорейских отношений, а также необходимость обеспечить устойчивое экономическое развитие РК, находившейся в упадке в условиях национального раскола и конфронтации. Эффективным ответом на вызовы времени Пак Чонхи видел активное продвижение военных интересов РК через военнотехническое сотрудничество, военную дипломатию и развитие ВПК в рамках курса на повышение экспортного потенциала страны.

Принципиальным фактором формирования военной политики государства является тесное сотрудничество РК с США на базе союзнических отношений, закрепленных Договором о взаимной обороне 1953 г. и рядом других документов. Именно поддержка США позволила РК добиться существенных успехов в экономическом развитии и укреплении военного потенциала. Военный альянс с США значительно повлиял также на общий военно-политический курс и стратегическое планирование в РК; наиболее явным примером этого влияния является участие РК в боевых действиях во Вьетнаме на стороне США и Республики Вьетнам в 1964–1973 гг.

Среди угроз и вызовов безопасности РК ключевым аспектом являлась конфронтация с КНДР, отношения двух корейских государств оставались напряженными ввиду безуспешных попыток урегулировать корейский вопрос дипломатическими методами.

¹ Ланьков А.Н. Взлет и падение «диктатуры развития» в Южной Корее // Отечественные записки. 2013. № 6. С. 80.

² Eckert C.J. *Park Chung Hee and Modern Korea: The Roots of Militarism, 1866–1945*. Cambridge, Massachusetts, 2016. P. 1–8.

³ Толстокулаков И.А. Указ. соч. С. 97–98.

Сохранение напряженной ситуации в районе демилитаризованной зоны в конце 1960-х гг. вызывало у южнокорейского руководства серьезные опасения, что КНДР может провести диверсионные операции с целью спровоцировать народные восстания на территории РК и добиться смены южнокорейского режима¹. Подобная обстановка обусловила дальнейшее сближение РК и США как тесных военно-политических союзников.

Следует отметить, что сотрудничество с США было осложнено неуверенностью Сеула в том, что Вашингтон в достаточной степени заинтересован в военно-техническом сотрудничестве и предоставлении РК гарантий безопасности в рамках союзного договора. При этом в 1960-е гг. Пак Чонхи придерживался более гибкого курса в отношениях с США по сравнению с администрацией Ли Сынмана, в частности, он сделал ряд уступок Вашингтону, включая участие в войне во Вьетнаме и предпринятые усилия по нормализации отношений с Японией. Однако неудача проамериканских сил во Вьетнаме и последовавший за ним пересмотр стратегии США в АТР укрепили недоверие РК к союзнику, что привело к росту националистических настроений и стремлению снизить свою зависимость от Вашингтона в военно-политических вопросах. Кристаллизацией данных процессов стало провозглашение Пак Чонхи политики «самостоятельной обороны» (1968–1979), направленной на укрепление военного потенциала собственными силами, ускоренное развитие военной промышленности и даже на разработку ядерного оружия.

В этой связи логично обратиться к тому, как военно-политический курс РК трансформировался под влиянием ситуации в Корее и динамики отношений с США, какие методы военной политики были избраны южнокорейским руководством и как они помогли справиться с задачей укрепления безопасности страны и развития экономики.

Если в условиях политической турбулентности 1960–1963 гг. в РК задачи военной политики были ограничены вопросом обеспечения минимально достаточного уровня национальной безопасности на фоне разрушенной войной экономики, то новое руководство сделало ставку на продвижение всестороннего сотрудничества с США, за счет которого планировалось добиться больших объемов

¹ The Park Chung Hee Era: The Transformation of South Korea. Cambridge, Massachusetts, 2011. P. 174–178.

экономической помощи и расширения гарантий безопасности. В сравнении с политикой Ли Сынмана курс Пак Чонхи отличался большей гибкостью в вопросах отношений с Вашингтоном: для получения наиболее выгодных условий по предоставлению кредитов и иной помощи Сеул был готов идти на уступки и по ряду вопросов действовать в интересах США. Так, в качестве одного из рычагов воздействия на США Южной Корея выдвинула идею участия своего воинского контингента в войне во Вьетнаме.

Подчеркнем, что предложение об участии в войне было инициативой именно южнокорейской стороны¹, которая таким образом могла выполнить сразу несколько важных задач своей военной политики. Во-первых, участие южнокорейских солдат в военном конфликте за рубежом считалось серьезным обоснованием для расширения вклада США в обеспечение безопасности РК, которая временно лишалась части собственного контингента для его размещения во Вьетнаме. Во-вторых, подобный жест способствовал росту доверия Вашингтона к новому руководству РК, особенно на фоне скандалов, связанных с администрацией Ли Сынмана². В-третьих, вьетнамская инициатива позволила укрепить связи РК и США в рамках двустороннего альянса в контексте желания США сократить программы помощи РК и сократить (и даже вывести полностью) американский военный контингент с полуострова. Также она могла повысить международный престиж РК: по мнению Пак Чонхи, участие в боевых действиях представило Южную Корею в более выгодном свете по сравнению с Японией и другими странами, оказывавших Южному Вьетнаму лишь невоенную поддержку. В-четвертых, Вьетнам был выгоден для РК в качестве дополнительного источника доходов и нового рынка сбыта продукции и услуг: так, в период 1966–1967 гг. доходы РК от экспорта во Вьетнам составили свыше 120 млн долл.³

Опасения Сеула насчет сокращения объемов поддержки США были небезосновательными. Немалый вес в американских военных

¹ Bae K. The Vietnam War, Korea's Opportunity for More Reliable Security Assurances // *The Korean Journal of Defense Analysis*. 2015. Vol. 27. № 3. P. 371–372.

² Baek G. Park Chung-hee's Vietnam Odyssey: A Study in Management of the U.S.-ROK Alliance // *The Korean Journal of Defense Analysis*. 2013. Vol. 25. № 2. P. 149–151.

³ Memorandum of Conversation // *Foreign Relations of the United States*. 1964–1968. Vol. XXIX: Part 1, Korea. W., DC, 2000. P. 290.

и политических кругах имел взгляд, согласно которому военное сотрудничество с РК должно быть значительно сокращено ввиду больших затрат и нецелесообразности с точки зрения стратегических интересов США¹. Еще до прихода к власти Пак Чонхи, администрация Дж. Кеннеди планировала переосмыслить формат сотрудничества с Сеулом: группа аналитиков под руководством генерал-майора Дж. Кэри предлагала вариант сокращения численности ВС РК на 135 тыс. чел. за три года до уровня 460 тыс. чел.². Позже администрация Л. Джонсона сформулировала цель сократить численность, как ВС РК (на 70 тыс. чел., или 12 % до уровня 510 тыс. за период 1964–1966 гг.), так и военного контингента США в Корею (на 12 тыс. чел., или 19 % до уровня ок. 50 тыс. к концу 1964 г.), а также уменьшить объемы финансирования по программе военной поддержки (англ. Military Assistance Program, MAP) с 200 до 153 млн долл. в год³. Все эти планы, однако, не были реализованы в полном объеме не только по экономическим и военно-стратегическим соображениям, но и по причине существующих разногласий между Сеулом и Вашингтоном. Жесткие заявления об одновременном сокращении ВС РК и ВС США в РК, могли существенно подорвать доверие Южной Кореи, особенно на фоне нерешенных проблем, таких как подписание соглашения о статусе ВС США в РК, где главным камнем преткновения являлся вопрос предоставления РК уголовной юрисдикции над американскими военнослужащими.

Подобные перспективы не соответствовали интересам РК, напротив, искавшей дополнительные кредиты с целью поддерживать численность своих ВС на уровне не менее 600 тыс. чел. Сохранение подобного уровня численности было принципиальным для РК, как компенсация нехватки рабочих мест, и эта задача требовала увеличения военного бюджета. Учитывая, что это могло негативно повлиять на состояние национальной экономики и выполнение первого пятилетнего плана экономического развития (1962–1966 гг.),

¹ Memorandum from Robert W. Komer of the National Security Council Staff to President Kennedy // Foreign Relations of the United States. 1961–1963. Vol. XXII: Northeast Asia. W., DC, 1996. P. 647–648.

² Memorandum for the Record // Foreign Relations of the United States. 1961–1963. Vol. XXII: Northeast Asia. W., DC, 1996. P. 562–564.

³ Memorandum from Robert W. Komer of the National Security Council Staff to President Johnson // Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XXIX: Part 1, Korea. W., DC, 2000. P. 3–4.

РК не устраивала сама возможность сокращения военной поддержки США относительно объемов 1959 г.¹ Желая получить дополнительный источник доходов, а также приобрести крепкие аргументы для обоснования сохранения или даже увеличения объемов американской военной помощи, в марте 1964 г. премьер-министр РК Ким Хёнчхоль впервые объявил об инициативе ввода южнокорейских войск во Вьетнам, которая, впрочем, не была поддержана, т. к. США не считали, что оперативная обстановка требует ввода дополнительных боевых подразделений².

Получив отказ, Пак Чонхи решил согласовать свой план напрямую с правительством Южного Вьетнама. Уровень контактов между двумя государствами возрос, РК посетила военная делегация из Вьетнама, а штат вьетнамского посольства в Южной Корее был увеличен³. В марте 1964 г. в Сайгоне на встрече лидера правящей Демократической республиканской партии РК Ким Джонхилия и президента Республики Вьетнам Нго Динь Зьема последний одобрил идею участия южнокорейских войск в конфликте и вскоре РК разработала план военной поддержки, предполагавший размещение во Вьетнаме 3–4 тыс. военнослужащих. Обстановка на фронте менялась, и уже к концу 1964 г. США пришлось изменить свою стратегию во Вьетнаме и запросить поддержки у РК. Несмотря на то, что Пак Чонхи стремился отправить на фронт именно боевые подразделения, в сентябре 1964 г. по просьбе Л. Джонсона для отправки был сформирован контингент численностью около 150 чел., состоящий в основном из медицинского персонала. Однако уже к декабрю президент США был вновь вынужден обратиться к Пак Чонхи, на этот раз с просьбой выделить инженерные или строительные войска (в январе 1965 г. парламент РК одобрил отправку инженерных подразделений морской пехоты численностью 2146 чел⁴.), а в апреле 1965 г. – около 4000 чел. боевого состава. Такое развитие событий соответствовало интересам Пак Чонхи и позволило ему в обмен на предоставление

¹ Memorandum of Conversation // Foreign Relations of the United States. 1961–1963. Vol. XXII: Northeast Asia. W., DC, 1996. P. 530.

² Bae K. Op. cit. P. 372.

³ Editorial Note // Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XXIX: Part 1, Korea. W., DC, 2000. P. 15–17.

⁴ Glassman J. The Chaebol and the US Military-Industrial Complex: Cold War Geopolitical Economy and South Korean Industrialization // Environment and Planning A. 2014. Vol. 46. № 5. P. 1165.

войск предъявить ряд требований к США, включая выделение средств на повышение жалования всех военнослужащих РК (включая дислоцированных в Южной Корее), заморозку процесса сокращения военной помощи по программе MAP, а также предоставление гарантий того, что численность войск США в РК останется на текущем уровне¹. В этих условиях руководство США склонялось к тому, чтобы воздержаться от резких шагов по сокращению военной поддержки, а также уступить РК в вопросе предоставления уголовной юрисдикции над военным контингентом США, находящимся в РК, поскольку данные уступки помогли бы создать более подходящую атмосферу для успешного сотрудничества по участию во вьетнамской кампании².

Несмотря на то, что Л. Джонсон лично пообещал Пак Чонхи не подвергать пересмотру объемы военной помощи и не сокращать численность американских ВС в Корее, Сеул не был уверен в том, что эти обещания будут соблюдены. Действительно, в политических кругах США в рамках межведомственного спора обсуждалось дальнейшее сокращение программ поддержки несмотря на достигнутые между Сеулом и Вашингтоном договоренности. Фактически, позицию РК в Вашингтоне защищал посол США в Южной Корее У. Браун, которому удалось убедить американское руководство в том, что сокращения усугубят неуверенность РК в соблюдении США своих обязательств в рамках двустороннего альянса. Пак Чонхи продолжал выражать готовность оказывать поддержку крупномасштабных наступательных операций США, и инициировал подписание Базового договора об отношениях между Южной Кореей и Японией и 22 июня 1965 г. вопреки общественному мнению в РК³. Отправки воинского состава во Вьетнам продолжались, и в 1965 г. там были развернуты южнокорейские силы численностью около 20 тыс. чел. На 1966 г. от США поступили официальные запросы на развертывание бригады (к июлю) и дивизии (к октябрю).

¹ Memorandum from the Joint Chiefs of Staff to Secretary of Defense McNamara // Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XXIX: Part 1, Korea. W., DC, 2000. P. 41–43.

² Letter from the Ambassador to Korea (Brown) to the Assistant Secretary of State for Far Eastern Affairs (Bundy) // Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XXIX: Part 1, Korea. W., DC, 2000. P. 45–46.

³ Асмолов К.В. Корейская политическая культура: Традиции и трансформация. М., 2017. С. 282.

Подобные требования становились все более трудновыполнимыми для РК, и именно в 1966 г. начался период активного политического торга. В ответ на запросы США Пак Чонхи сформулировал список из 10 встречных требований, в число которых входили компенсация 75 % военного бюджета РК за счет США, предоставление ряда кредитов на развитие промышленного комплекса РК, предоставление оборудования и техники, оплата всех издержек, связанных с развертыванием корейских сил во Вьетнаме и предоставление выгодных условий по заключению офшорных сделок с РК, включая придание РК приоритетного статуса по отношению к Японии и другим азиатским странам в процессе выбора подрядчика. Вашингтон счел эти требования нереалистичными¹, и вскоре был предложен новый вариант списка, впоследствии ставшего широко известным как «меморандум Брауна» (или «письмо Брауна»). Сторонам удалось согласовать предоставление новой военной техники (в том числе, транспортных самолетов С-54) и промышленного оборудования для производства боеприпасов, увеличение размера жалования корейского контингента во Вьетнаме, в 30 раз превышающего размер жалования служащих в ВС РК, предоставление кредитов на сумму свыше 150 млн долл. по программе Агентства по международному развитию США (англ. Agency for International Development, AID), а также выделение особого займа в размере 15 млн долл. на организацию экспорта южнокорейской продукции во Вьетнам в 1966 г.² Общая сумма помощи по предложенному на 1966–1967 гг. плану составляла 325 млн долл., и эти условия устраивали США.

К весне 1966 г. численность южнокорейских сил во Вьетнаме составляла около 45 тыс. чел. Запросы США на увеличение контингента продолжались, но РК становилось все труднее их выполнять по причине нараставшей напряженной ситуации на полуострове. Во второй половине 1960-х гг. участились инциденты в районе демилитаризованной зоны и случаи проникновения северокорейских отрядов на территорию РК. Южнокорейское руководство считало, что КНДР стремится проводить диверсионные операции с целью подорвать работу промышленных объектов, спровоцировать

¹ Telegram from the Embassy in Korea to the Department of State // Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XXIX: Part 1, Korea. W., DC, 2000. P. 148.

² Telegram from the Department of State to the Embassy in Korea // Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XXIX: Part 1, Korea. W., DC, 2000. P. 157–160.

народные восстания на территории РК. Новым приоритетом военной политики РК стало противодействие проникновению северокорейских диверсантов на территорию Южной Кореи, для чего требовалась обновление экипировки и обучение служащих полиции и береговой охраны¹. В результате обстрела северокорейскими береговыми батареями кораблей РК в начале 1967 г. был потоплен один южнокорейский эсминец, что заставило Сеул обратиться за помощью Вашингтона². К октябрю 1967 г. США предоставили один эсминец вместо трех, затребованных премьер-министром РК Чон Ильгвоном, чем южнокорейская сторона осталась недовольна, отмечая, что обязательства Вашингтона в рамках военного сотрудничества с Сеулом реализованы лишь на 30 %, а войска РК по-прежнему экипированы устаревшими вооружениями перед лицом растущей угрозы со стороны Севера³.

В 1968–1969 гг. состоялся ряд значимых инцидентов – атака группы северокорейских диверсантов на резиденцию президента РК в Сеуле 21 января 1968 г., захват КНДР американского разведывательного судна «Пуэбл» 23 января 1968 г., крушение разведывательного самолета США ЕС-121 в результате атаки истребителя ВВС КНДР 15 апреля 1969 г. Эти события вызвали бурную реакцию в РК и стали мощным стимулом к пересмотру военно-политического курса государства. Учитывая излишне сдержанную, с точки зрения южнокорейского руководства, реакцию Вашингтона на произошедшие провокации, Пак Чонхи принял решение о последовательном сокращении сил РК, развернутых во Вьетнаме, и, в целом, уменьшении зависимости от США в вопросах военной политики. В 1966 г. во Вьетнаме находилось около 45 тыс. военнослужащих РК, и на следующий запрос Джонсона о выделении дополнительного контингента Пак ответил отказом, предложив взамен отправить во Вьетнам резервистов. В ходе последующего обсуждения стороны согласовали отправку легкой дивизии в случае, если США организует продажу РК дополнительных эсминцев и вертолетов, содействует

¹ Telegram from the Embassy in Korea to the Department of State // Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XXIX: Part 1, Korea. W., DC, 2000. P. 270–272.

² Memorandum of Conversation // Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XXIX: Part 1, Korea. W., DC, 2000. P. 237.

³ Telegram from the Embassy in Vietnam to the Department of State // Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XXIX: Part 1, Korea. W., DC, 2000. P. 284–288.

формированию артиллерийского батальона, обеспечит технику для противодиверсионных операций, а также поддержит создание логистического корпуса во Вьетнаме с 5 тыс. гражданскими служащими и обеспечит замену дивизии в РК¹. Однако это не разрешило нараставших противоречий, к которым добавилось недоверие Пак Чонхи к тому, что США проводили закрытые переговоры с КНДР по вопросу урегулирования инцидента «Пуэбло». Стоит отметить, что Сеул зачастую обострял ситуацию со своей стороны: известно, что под покровительством министра обороны Ким Сонына действовал отряд спецназа, совершавший вылазки на территорию Северной Кореи².

В сложившихся условиях Пак Чонхи стремился к сохранению сотрудничества с США, и даже его углублению, периодически требуя дополнений к Договору о взаимной обороне, которые бы приравняли потенциальную атаку на территорию РК к атаке на территорию США, а также заключения совместной декларации 16 наций-союзников в Корейской войне об их поддержке Южной Кореи в случае нового конфликта на Корейском полуострове³. Одним из других важных последствий северокорейских атак 1968 г. стало создание новой программы совместных командно-штабных учений США и РК Focus Lens⁴. Тем не менее, со второй половины 1960-х гг. РК все более отчетливо стала следовать курсу на повышение самостоятельности в военных делах, и это также соответствовало интересам США: администрация Л. Джонсона поддерживала это начинание, и к концу своего срока объявила о дальнейших сокращениях программы MAP и численности своих сил в Корее (к 1970 г. руководство США полагало, что сокращение ВС РК до уровня 18–19 дивизий позволит успешно противостоять потенциальной совместной атаке со стороны КНР и КНДР). Одновременно с этим, Южная Корея прилагала усилия

¹ Memorandum from the Under Secretary of State (Katzenbach) to President Johnson // Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XXIX: Part 1, Korea. W., DC, 2000. P. 327–328.

² Notes of the President's Meeting with Cyrus R. Vance // Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XXIX: Part 1, Korea. W., DC, 2000. P. 377.

³ Telegram from the President's Special Assistant (Rostow) to President Johnson in Texas // Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XXIX: Part 1, Korea. W., DC, 2000. P. 411–414.

⁴ Collins R. A Brief History of the US-ROK Combined Military Exercises // 38North. 2014. Feb. 26. URL: <http://38north.org/2014/02/rcollins022714/>

к углублению сотрудничества с другими странами региона, став в июне 1966 г. членом Азиатско-Тихоокеанского совета (АЗПАК). Для Пак Чонхи принципиальными были не только вопрос диверсификации международных связей в области безопасности, но и повышение общего престижа государства и усиление его влияния в качестве одного из региональных лидеров антикоммунистического движения, «несущего ответственность за решение проблем Азии»¹.

Переломным моментом стал приход в США к власти администрации Р. Никсона в 1969 г. и объявление т. н. доктрины Никсона (или Гуамской доктрины), направленной на пересмотр стратегии США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. США стремились к уменьшению своего вклада в обеспечение безопасности своих союзников в АТР, и в случае РК американская сторона объявила о плане сокращения своего военного контингента на полуострове на треть (около 20 тыс. чел.). Вывод столь значительного количества войск не устраивал РК, предложившей взамен отправку очередной группировки военнослужащих с целью сохранить присутствие двух американских дивизий в РК. Однако в свете политики «вьетнамизации» администрации Никсона (т. е. сокращения участия третьих сторон в конфликте между Северным и Южным Вьетнамом и попытки США добиться «почетного мира»), США больше не интересовало активное вовлечение РК в боевые действия. Несмотря на то, что участие в конфликте приносило РК доход, трения с США и негативная международная реакция на войну в целом заставили Пак Чонхи инициировать вывод 10 тыс. морских пехотинцев из Вьетнама. Реакция США на это была зеркальной: было объявлено о выводе 14 тыс. служащих в ВС США в РК к 1973 г., а также о возможности дальнейших сокращений. Оставшиеся войска РК были выведены из Вьетнама в период с января по июнь 1973 г. С подписанием в том же году Парижского соглашения приостановился и вывод американских сил из РК.

Что касается реализации доктрины Никсона в отношении РК, впервые задача по сокращению военного присутствия США в РК в два раза была поставлена Р. Никсоном в записке советнику

¹ Letter from the Ambassador to Korea (Brown) to the Assistant Secretary of State for Far Eastern Affairs (Bundy) // Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XXIX: Part 1, Korea. W., DC, 2000. P. 190.

по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджеру 24 ноября 1969 г., которому было поручено разработать соответствующий план до конца года¹. Основные обсуждения по его деталям проходили в первой половине 1970 г. на собраниях Совета национальной безопасности. Американским стратегам необходимо было выработать такое решение, которое бы позволило добиться оптимального сокращения количества военнослужащих США на Корейском полуострове без снижения обороноспособности РК и ослабления позиций США в регионе.

К началу 1970 г. в РК было дислоцировано всего 18 дивизий ВС РК. Еще 3 дивизии, одна из которых была укомплектована на треть, были размещены во Вьетнаме. Общая численность ВС РК составляла более 500 тыс. чел. (против 350 тыс. чел. ВС КНДР), а численность ВС США в РК – около 64 тыс. чел. (2 дивизии). Позиция группы советников из Министерства обороны и Государственного департамента сводилась к тому, что вывод одной из двух американских дивизий при условии сохранения 18 или 19 южнокорейских не повлечет за собой никаких рисков. При этом достаточно модернизировать лишь 16 дивизий РК – такая конфигурация позволит РК без труда отразить возможную атаку со стороны КНДР².

Рекомендации военных были более строгими. Представители ОКНШ ВС США настаивали на том, что оптимальным уровнем является присутствие 21 дивизии в ВС РК – 19 южнокорейских и 2 американских. С некоторым риском допустима конфигурация из 17 сухопутных дивизий ВС РК, 1 дивизии морской пехоты ВС РК и 2 дивизий ВС США. Учитывая сложный ландшафт Корейского полуострова, близость Сеула к возможной линии фронта, нестабильную политическую обстановку, ОКНШ объявило неприемлемым сокращение ВС РК ниже уровня 18 дивизий. Итоговым вердиктом ОКНШ, изложенным в меморандуме представителя ОКНШ при Совете национальной безопасности США генерал-лейтенанта Ф. Унгера, значилось сокращение военного контингента США в РК до уровня

¹ Memorandum from President Nixon to the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972. W., DC, 2010. P. 117.

² Memorandum from Laurence E. Lynn, Jr., of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972. W., DC, 2010. P. 134–138.

1 и 1/3 дивизий при условии модернизации 18 южнокорейских дивизий¹.

Другим важным вопросом стало согласование сокращений с южнокорейской стороной. Президент РК Пак Чонхи воспринял идею сокращений американского контингента негативно, считая, что действия США являются несоблюдением союзнических обязательств. После обмена письмами между Пак Чонхи и Р. Никсоном и ряда встреч между дипломатическими представителями двух государств, РК предъявила ряд встречных условий, при которых южнокорейская сторона была готова считать приемлемыми планируемые сокращения.

Во-первых, правительство РК предъявило требование о номинальном сохранении двух американских дивизий – с количественными сокращениями личного состава, но с сохранением организационно-командной структуры двух присутствующих в РК дивизий США². Такое требование в целом устраивало США, и в дальнейшем обсуждение вопроса сокращений велось не о количестве дивизий, а о количестве военнослужащих США, подлежащих выводу из РК. Сеул не возражал против вывода 20 тыс. чел³.

Во-вторых, сокращения должны быть компенсированы финансовой поддержкой США по модернизации южнокорейских ВС. Обсуждение этого вопроса затянулось на достаточное долгое время и продолжалось весь 1970 г. США были готовы предоставить помощь РК в объеме 1,5 млрд долл. по программе MAP, рассчитанную на пятилетний период 1971–1975 гг.⁴

На переговорах с министром обороны США в Гонолулу в июле 1970 г. министр обороны РК Чон Рэхёк дал отрицательную оценку

¹ Memorandum from the Joint Chiefs of Staff Representative to the National Security Council Review Group (Unger) to the Chairman of the Review Group (Kissinger) // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972. W., DC, 2010. P. 132–133.

² Memorandum of Conversation // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972. W., DC, 2010. P. 168–170.

³ Telegram from the Commander, United States Forces in Korea (Michaelis) to the Commander in Chief, Pacific (McCain) // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972. W., DC, 2010. P. 180.

⁴ Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972. W., DC, 2010. P. 181–182.

возобновления выплат по программе MAP. С 1966 г. по двустороннему соглашению финансирование РК через программу MAP заменялось офшорными закупками США у РК той техники и оборудования, которая должна изначально поставляться по MAP¹. Эти поставки шли в Южный Вьетнам, и такая схема была выгодна для РК: вкупе с оказанием строительных и прочих услуг для Южного Вьетнама южнокорейскими компаниями, замена MAP помогала экономить военный бюджет РК. На переговорах американская сторона настаивала на возобновлении программы MAP, а также обязалась оставить в распоряжении РК технику и оборудование подлежащих выводу подразделений ВС США, содействовать развитию предприятий военной промышленности². Характер этого обсуждения свидетельствовал о том, что вьетнамский фактор укрепления военнополитического сотрудничества между Сеулом и Вашингтоном в значительной степени потерял свою силу – США больше не были заинтересованы в активном участии РК в войне во Вьетнаме.

РК пришлось согласиться на предложения США также и по внутривнутриполитическим причинам. На президентских выборах 1971 г. противником Пак Чонхи был Ким Тэжун – оппозиционный политик (ставший впоследствии 8-м президентом Южной Кореи), критиковавший в том числе недоговороспособность Пак Чонхи с США и преувеличение северокорейской угрозы³. Популярность Ким Тэжуна побудила Пак Чонхи продемонстрировать дипломатические успехи и искать компромисса с США по вопросу сокращений. Остаток 1970 г. был посвящен согласованию совместного заявления США и РК, финальная версия которого была принята 6 февраля 1971 г. В тексте заявления были четко прописаны договоренности о выводе 20 тыс. американских военнослужащих и выделении 1,5 млрд долл. на модернизацию ВС РК, а также подчеркнуто, что достигнутые соглашения ни в коей мере не влияют

¹ Sarantakes N.E. In the Service of Pharaoh? The United States and the Deployment of Korean Troops in Vietnam, 1965–1968 // *Pacific Historical Review*. 1999. Vol. 68. № 3. P. 425–449.

² Telegram from the Commander in Chief, Pacific (McCain) to the Department of State // *Foreign Relations of the United States*. 1969–1976. Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972. W., DC, 2010. P. 170–173.

³ Memorandum from Secretary of State Rogers to President Nixon // *Foreign Relations of the United States*. 1969–1976. Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972. W., DC, 2010. P. 197–198.

на приверженность США защите РК в соответствии с союзническими обязательствами, закрепленными в Договоре о взаимной обороне 1953 г.¹

В условиях усиления конфронтации с КНДР и сокращения масштабов сотрудничества с США, РК была вынуждена обратиться к идее обеспечения национальной безопасности собственными силами за счет развития военной промышленности. Политика «самостоятельной обороны» была впервые провозглашена в выступлении Пак Чонхи в 1968 г.,² ее основной целью стало создание эффективного военного потенциала за счет стимулирования производства военной техники и вооружений в РК. Концепция «самостоятельности» включала в себя построение «самостоятельной экономики» и «самостоятельной обороны», широко продвигался лозунг «богатая нация, сильная армия». Подобная политика параллельного развития экономики и ВС была своего рода ответом на северокорейский политический курс «пёнджин», проводившейся в то же время и направленной на достижение баланса между экономическим развитием и военным потенциалом. Отдельную обеспокоенность южнокорейского руководства вызывал диспаритет в военном развитии между Северной и Южной Кореей (значительное численное превосходство ВС КНДР, активное развитие ядерной программы Пхеньяном и т.д.³).

Стремление к укреплению самостоятельности прослеживается и в основном доктринальном документе военной политики РК – Белой книге обороны, впервые изданной в 1968 г. В Белой книге 1968 г. в качестве цели развития отношений с США указана поддержка существующих соглашений, но с сохранением автономии РК по вопросам безопасности. Гораздо большее внимание в документе уделено не внешним, а внутренним аспектам военной политики, в частности, подготовке промышленной базы для нужд развития ВС, проведению перспективных НИОКР, оптимизации

¹ U.S. and Korea Agree on U.S. Troop Reduction and Korean Modernization // The Department of State Bulletin. 1971. March, 1. P. 263.

² 박정희. 향토예비군설립 연설 // 대통령기록관. 1968.02 (Пак Чонхи. Выступление по случаю создания Армии резерва РК, февраль 1968 г. // Президентский архив Республики Корея). URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02064&artid=1311426

³ Kim Seung-young. Security, nationalism and the pursuit of nuclear weapons and missiles: The South Korean case, 1970–82 // Diplomacy & Statecraft. 2001. Vol. 12. № 4. P. 56.

управления снабжением, развитие военных резервов и др.¹. Отмечалась и приоритетная роль ВС в крупных строительных проектах и содействие экономическому развитию в качестве одной из задач военной политики². Главной же целью военной политики оставалось объединение Кореи на основе «принципов либеральной демократии и сохранения независимости», в связи с чем важной составляющей политики была ее идеологическая направленность: Сеул стремился стать одним из лидеров антикоммунистического движения в Азии и укрепить в этом качестве свой международный престиж. По мнению Пак Чонхи, этого было невозможно добиться без экономического развития РК на основе всесторонней модернизации³.

В ноябре 1971 г. Пак Чонхи назначил на пост главы Второго экономического секретариата О Вончхоля, прежде занимавшего должность помощника заместителя министра в Министерстве торговли и промышленности⁴. Задачей нового ведомства было курирование становления независимой военной промышленности государства. Под руководством О Вончхоля был разработан Долгосрочный план развития тяжелой и химической промышленности на период 1972–1981 гг., предусматривавший ускоренное развитие отдельных гражданских отраслей промышленности с целью организации массового производства вооружений⁵. Реализация плана сопровождалась и развитием организационной инфраструктуры: в августе 1970 г. было создано Агентство оборонных разработок, ADD (англ. Agency for Defense Development, кор. Кукпан квахак ёнгусо), в чьи функции входило проведение НИОКР в сфере производства корейских вооружений. По замыслу Пак Чонхи, в национальную систему производства оружия должен был быть встроен ряд отобранных крупных частных предприятий (кор. чэболь, финансово-промышленная группа). Несколько позже, в 1976 г. была основана

¹ 國附白書 1967. 서울, 1968 (Белая книга обороны 1967 г. Сеул, 1968). С. 135–137.

² 國附白書 1968. 서울, 1969 (Белая книга обороны 1968 г. Сеул, 1969). С. 58.

³ 조영갑. 한국 국방정책의 역사적 변천과 특징 정립에 관한 연구 // 군사 (Чо Ёнгап. Исследование исторических изменений и их влияния на военную политику Республики Корея // Военная история). 2007. № 64. С. 276.

⁴ Kwon P.B. Beyond Patron and Client: Historicizing the Dialectics of US-ROK Relations amid Park Chung Hee's Independent Defense Industry Development in South Korea, 1968–1979 // Seoul Journal of Korean Studies. 2017. Vol. 30. № 2. P. 195.

⁵ Федоровский А.Н. Феномен чэболь. Государство и крупный бизнес в Республике Корея. М., 2008. С. 75.

Ассоциация военной промышленности Кореи (наряду с ADD существующая по сей день) в качестве центрального ведомства, координирующего работу причастных чеболей. Принципиальное значение для индустриализации имело осуществление военного переворота и провозглашение IV Республики в результате принятия конституции «Юсин» в 1972 г., которые позволили Пак Чонхи получить практически неограниченную власть на посту президента и осуществлять непосредственный контроль над промышленной политикой.

Заместитель главы оперативной группы при Втором экономическом комитете Ким Кванмо в 1972 г. занимался созданием «дорожной карты» предстоящей индустриализации. Им был разработан план «О реструктуризации промышленности в рамках индустриализации тяжелой и химических отраслей», который впоследствии лег в основу Долгосрочного плана развития тяжелой и химической промышленности и содержал в себе детальные программы по созданию системы производства вооружений на основе гражданской промышленности. Среди основных задач плана были адаптация гражданских предприятий под производство технологий двойного назначения, приоритизация массового производства и экспорта, конвергенция частного и государственного секторов экономики, развитие человеческого капитала и повышение квалификации, а ключевым сектором для развития виделось машиностроение¹.

Планирование военной политики и индустриализации в целом занимало важное место в доктрине «самостоятельной обороны». Еще с конца 1960-х гг. правительство РК ежегодно выпускало «Базовый план обороны», а на период 1974–1981 гг. был разработан первый план «Юльгок», названный в честь корейского мыслителя Ли И (он же Ли Юльгок) периода династии Ли (1392–1910). План «Юльгок» представлял собой комплексный план модернизации ВС и реализовывался в три этапа с 1974 по 1992 гг. Стержневой целью первого плана «Юльгок» стало достижение РК минимального военного потенциала, достаточного для противодействия потенциальной северокорейской угрозе, а непосредственными показателями являлась модернизация процесса производства винтовок M16 на заводах в РК, а также укрепление потенциала противовоздушной обороны за счет закупок

¹ Kwon P.B. Mars and Manna: Defense Industry and the Economic Transformation of Korea under Park Chung Hee // Korea Journal. 2018. Vol. 58. № 3. P. 21–22.

военной техники (в т. ч. истребителей F-4)¹. Завод по производству винтовок M16 можно назвать первым крупным успехом РК в области военной промышленности: еще в 1968 г. Сеулу удалось наладить тестовое производство оружия по низкой себестоимости², а в 1972 г. было завершено строительство завода при финансовой поддержке США в объеме 42 млн долл.³ До выполнения основных задач первого плана «Юльгок» (изначально предполагался пятилетний срок) Пак Чонхи согласовал с США сохранение численности личного состава ВС США в РК на прежнем уровне⁴.

Что касается планирования процесса индустриализации, то 12 января 1973 г. был официально представлен План индустриализации на 1973–1979 гг., который представлял собой комплексную программу по селективной финансовой и административной поддержке избранных компаний тяжелой и химической промышленности. Официальная цель Плана индустриализации заключалась в ускорении экономического роста государства и увеличении объемов экспорта продукции корейского производства. Предполагалось, что выход на внешние рынки станет первичным приоритетом, а доходы, полученные за счет продаж корейской продукции, будут reinvestированы в развитие химической и тяжелой промышленности. Официально было объявлено о цели добиться ежегодного объема экспорта в 10 млрд долл. к началу 1980-х гг.⁵ При этом, фактическая связь общего курса на проведение индустриализации с программами по созданию вооружений корейского производства

¹ 이준구. 한국의 연합국방 전략선택과 방위산업발전사 분석 // 한국정치외교사논총 (Ли Чжунгу. Анализ комбинированной стратегии национальной безопасности и развития военной промышленности Республики Корея // Журнал истории политики и дипломатии Кореи). 2019. № 39. С. 155.

² Memorandum of Conversation // Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XXIX: Part 1, Korea. W., DC, 2000. P. 449–453.

³ 장용운. 베트남전쟁이 한국군 현대화에 미친 영향 // 국방정책연구 (Чан Ёнун. Влияние войны во Вьетнаме на модернизацию вооруженных сил Республики Корея // Исследования военной политики). 2011. Т. 26. № 4. С. 221.

⁴ Memorandum of Conversation, Seoul, August 27, 1975 // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. E-12: Documents on East and Southeast Asia. W., DC, 2010. P. 1–3.

⁵ Kwon P.B. Beyond Patron and Client: Historicizing the Dialectics of US-ROK Relations amid Park Chung Hee's Independent Defense Industry Development in South Korea, 1968–1979 // Seoul Journal of Korean Studies. 2017. Vol. 30. № 2. P. 196–197.

не афишировалась публично, поскольку это могло дестабилизировать международную обстановку на фоне инициированной президентом США Р. Никсоном «разрядки» в отношениях с КНР.

План индустриализации предполагал работу по нескольким направлениям:

1. Выработка программ по развитию ряда гражданских отраслей, связанных с производством военных технологий: судостроение, электроника, тяжелое машиностроение, химическая и нефтехимическая промышленность и металлургия.

2. Строительство крупных промышленных комплексов с целью наладить массовое производство вооружений по низким ценам, что дало бы РК возможность экспортировать свою продукцию.

3. Развитие человеческих ресурсов путем осуществления государственной поддержки образования и подготовки кадров для работы в вышеупомянутых отраслях.

4. Создание законодательных и институциональных механизмов взаимодействия государственного и частного секторов, включая субсидирование чеболей¹.

Последнее направление имело большое значение для проведения индустриализации и фактически стало двигателем развития военной промышленности государства. В феврале 1973 г. был выпущен закон «Об особых мерах по военным закупкам»², в котором был закреплен порядок взаимодействий государственного и частных секторов и обозначен приоритет масштабных инвестиций частного бизнеса в военную промышленность. Фактически, закон (при Пак Чонхи дополненный дважды – в 1977 и 1979 гг.) оформлял нормативную базу, в рамках которой чеболи закреплялись в качестве производителей вооружений, а государство обеспечивало им практически неограниченную поддержку в виде различных льгот, субсидий, низкопроцентных кредитов и налоговых скидок. По закону предусматривались закупки импортного сырья и строительство помещений

¹ Kwon P.B. Building Bombs, Building a Nation: The State, Chaeboöl, and the Militarized Industrialization of South Korea, 1973–1979 // The Journal of Asian Studies. 2019. Vol. 79. № 1. P. 4.

² 군수조달에 관한 특별조치법 // 국가법령정보센터 (Закон «Об особых мерах по военным закупкам» // Информационный центр законодательства Республики Корея). URL: <http://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=5748&viewCls=lsRvsDoclnfoR#>

за государственный счет. Для финансирования процесса индустриализации в 1973 г. был создан Государственный инвестиционный фонд, а в 1975 г., на фоне сокращения военной помощи США, был введен налог на оборонные нужды, чтобы восполнить приток средств в финансирование оборонных проектов. Значительная поддержка производства обеспечивалась также и посредством сотрудничества с Агентством оборонных разработок, осуществлявшего как самостоятельные НИОКР, так и трансфер иностранных военных технологий. Агентство напрямую работало с подрядчиками при финансовой поддержке государства, передавая им западные технологии и оказывая техническую помощь для создания прототипов корейской техники и оружия.

Важной частью процесса индустриализации стало развитие человеческих ресурсов. Закон «Об особых мерах по военным закупкам» 1973 г. предоставлял квалифицированным рабочим, занятым в проектах оборонной промышленности, освобождение от воинской службы. Освобождение также могли получить студенты, обучающиеся в технических вузах, которым, помимо этого, предоставлялись различные стипендии, оплата обучения государством, скидки на общежития. По завершении обучения, студенты распределялись на работу на предприятиях, задействованных в программе индустриализации. Интересно, что государство защищало поддерживало чеболи в любых разногласиях по вопросам трудовых отношений и накладывало ограничения на стоимость рабочей силы, сохраняя ее на низком уровне, тем самым создавая для корпораций максимально удобные условия для скорейшего выхода на внешние рынки.

Несмотря на значительные привилегии, требования к чеболям были высоки, и те компании, которые не желали участвовать в проектах, связанных с производством оружия, либо не могли выполнить установленные государством квоты и поддерживать требуемые стандарты качества, облагались штрафами. Учитывая, что к 1974 г. большая часть чеболей была задействована в оборонной промышленности, новое законодательство фактически позволяло Пак Чонхи закрепить систему легализованного принуждения и получить практический полный контроль над крупным частным бизнесом. Проведенные преобразования существенно повысили роль Министерства торговли и промышленности, которое в сотрудничестве со Вторым экономическим секретариатом осуществляло

контроль над имплементацией закона «Об особых мерах по военным закупкам» и принимало все ключевые решения, касающиеся развития военной промышленности в обход Министерства обороны.

Важное значение имела идеологизация политики индустриализации: не только отношения между государством и чеболями основывались на жестком подчинении и дисциплине, но и сам процесс производства был максимально военизирован. Дисциплина на предприятиях и охранный режим соответствовали нормам, принятым на военных объектах, культивировалась атмосфера «индустриальной войны» и соперничества с КНДР в промышленном и экономическом развитии, на территории производственных объектов часто можно было встретить лозунги «богатая нация, сильная армия», «в одной руке производство, в другой руке – битва» и др.¹. Милитаризация трудовой культуры стала неотъемлемым элементом проводимой в стране индустриализации и имела многие сходства с процессами, проходившими в то же время в Северной Корее.

Отдельно следует остановиться на программе по созданию южнокорейских баллистических ракет, инициированной Пак Чонхи в 1970-е гг. В то время одним из главных вызовов безопасности Сеула являлась растущая угроза со стороны КНДР, которая обладала превосходством над РК в уровне развития промышленности, плотно работала над созданием ракетного оружия (программа «Хвасон» на основе советской Р17) во второй половине 1970-х гг., а в 1959 г. в сотрудничестве с СССР начала работу по созданию ядерной инфраструктуры, впоследствии переведя её на «военные рельсы». Подобное положение дел требовало укрепления оборонных возможностей государства, при этом зыбкие гарантии безопасности, предоставленные США (с 1953 г. США размещали на территории РК ракетные комплексы MIM-14 Nike Hercules, MGR-1 Honest John, MIM-23 Hawk и другие, оставляя за собой право управления ими; лишь во время президентства Дж. Картера часть ракетного оружия была передана вооруженным силам Южной Кореи²) не устраивали Пак Чонхи. На фоне неудачной военной кампании США во Вьетнаме и провозглашения доктрины Никсона в 1969 г., следствием чего стало предоставление большей свободы странам-союзникам

¹ Kwon P.B. Op. cit. P. 15.

² Hayes P. The Two Koreas and the International Missile Trade // The International Missile Bazaar: The New Suppliers Network. Colorado, 1994. P. 136.

США в вопросах обеспечения безопасности и, в частности, сокращение численности американского военного контингента в Южной Корее, военно-политическое руководство РК стало прилагать усилия по созданию промышленной базы, которая позволила бы успешно развивать собственные оборонные технологии. Несмотря на заявление министра обороны США Д. Шлезингера в июне 1975 г. о намерении США обеспечить ядерный щит над Южной Кореей и начало совместных военных учений между двумя государствами в 1976 г., взаимное доверие не было восстановлено¹. Таким образом, военно-политический альянс между США и Южной Кореей переживал кризисное состояние, и Сеул опасался остаться один на один с Пхеньяном в случае возможного отказа Вашингтона от исполнения обязательств по военной поддержке своего союзника (состояние «покинутости» (англ. *abandonment*) в терминологии Г. Снайдера²).

В 1971 г. по указанию Пак Чонхи началась работа по созданию ракетного оружия, а в 1972 г. Агентство оборонных разработок получило официальный приказ Министерства обороны разработать тактические ракеты малой дальности и ракеты большой дальности класса «земля–земля»³. Согласно Плану развития авиационно-космической промышленности, предложенному 15 сентября 1972 г., основными задачами становились создание неуправляемой авиационной ракеты в течение двух лет, ракеты средней дальности «земля–земля» в течение четырёх лет и ракеты большой дальности «земля–земля» в течение семи лет.

Основой будущей южнокорейской ракеты стала зенитная ракета американского комплекса MIM-14 Nike Hercules. В 1972 г. Сеул достиг договоренности с Вашингтоном по проведению обратного инжиниринга ракеты Nike Hercules в обмен на обязательство ограничить дальность действия ракеты до 180 км и её полезную нагрузку до 500 кг. Главная задача обратного инжиниринга легла на плечи Агентства оборонных разработок и заключалась в переоборудовании зенитной ракеты Nike Hercules в баллистическую ракету, т. е.

¹ Kim Seung-young. Security, nationalism and the pursuit of nuclear weapons and missiles: The South Korean case, 1970–82 // *Diplomacy & Statecraft*. 2001. Vol. 12, № 4. P. 64.

² Snyder G.H. The Security Dilemma in Alliance Politics // *World Politics*. 1984. Vol. 36. № 4. P. 466.

³ South Korea. Missile. Nuclear Threat Initiative. URL: <http://www.nti.org/learn/countries/south-korea/delivery-systems>

в создании системы, способной поражать наземные цели. Кроме того, необходимо было понизить уровень вероятного отклонения и увеличить изначальную дальность действия (140 км), не выходя за рамки ограничений. При участии Консультативной группы военной помощи США в Южной Корее было создано подразделение, ответственное за обслуживание американских ракет Nike Hercules и Hawk. В январе 1975 г. группа из 55 корейских военнослужащих прошла обучение в компании Raytheon и в ВС США в рамках программы Министерства обороны РК по улучшению ракет Nike Hercules, конечной целью которой было успешное проведение обратного инжиниринга и создание корейской модификации ракеты¹. Помимо этого, были достигнуты соглашения с авиастроительной компанией McDonnell Douglas по приобретению необходимых технологий, а техническим обслуживанием ракет занялась южнокорейская электротехническая компания Goldstar, ныне являющаяся частью корпорации LG². Впоследствии обязательство по ограничению дальности действия ракеты было закреплено в Меморандуме о взаимопонимании между США и РК 1979 г.,³ став отправной точкой формирования нормативной базы между двумя государствами по вопросу ракетостроения.

Позже план развития авиационно-космической промышленности был включен в общий план «Юльгок», ставший отражением политики Пак Чонхи, направленной на укрепление оборонных возможностей государства и сокращения разрыва в уровне развития ВПК и технологий между РК и КНДР. План «Юльгок» был принят 15 марта 1974 г., вскоре после февральского инцидента в территориальных водах Южной Кореи, когда несколько кораблей береговой охраны КНДР потопили два южнокорейских рыболовецких судна вблизи о. Пэннёндо. План являлся долгосрочным, проводился в несколько этапов при президентах Пак Чонхи, Чон Духване и Ро Дэу вплоть до 1991 г. и предполагал качественные реформы в военной сфере, в том числе по вопросам как приобретения, так и собственной разработки вооружений и военных технологий⁴.

¹ Hayes P. Op. cit. P. 137.

² Kim Seung-young. Op. cit. P. 63.

³ Hyunmoo // Global Security. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/world/rok/hyunmoo.htm>

⁴ 최성빈, 고병성, 이호석. 한국 방위산업의 40년 발전과정과 성과 // 국방정책연구 (Чхве Сонбин, Ко Бёнсон, Ли Хосок. Процесс развития и достижения южнокорей-

Строительство ракеты было ускорено в соответствии со сроками, предусмотренными в планах, и в 1978 г. после трёх испытаний (первое из которых состоялось 26 сентября 1978 г. на территории пров. Сев. Чхунчхон) была представлена твердотопливная ракета ННК-1. Первая южнокорейская ракета имела дальность действия 180 км при нагрузке 500 кг и являлась двухступенчатой: в качестве первой ступени использовалась собственная разработка «Пэкком», в качестве второй – ракета, созданная на основе Nike Hercules. В том же году состоялось испытание ННК-2, значительно превышавшей характеристики предыдущей модели: в зависимости от нагрузки в боевой части, мощности ускорителей и способа компоновки ступеней дальность действия ракеты могла достигнуть 250 км. Обе системы также получили общее название «Хёнму». Также в 1978 г. Южная Корея получила оборудование компании Lockheed для производства твердотопливных ракетных двигателей, приобретённое тремя годами ранее за 2 млн долл. Оборудование могло быть также использовано для разработки ракет космического назначения.

В начале 1980-х гг. наступил спад в развитии ракетной программы. С одной стороны, это было связано с убийством Пак Чонхи, поддерживавшим развитие собственных военных технологий и сыгравшим одну из ключевых ролей в создании ракетных вооружений Южной Кореи. В первые годы администрации его преемника Чон Духвана приоритет отдавался не производству, а приобретению оружия и технологий. С другой стороны, успешные ракетные испытания вызвали обеспокоенность США, подкрепленную подозрениями в тайном проведении ядерной программы в Южной Корее после ратификации последней Договора о нераспространении ядерного оружия в 1975 г., что, предположительно, продолжалось вплоть до убийства Пак Чонхи в 1979 г.¹ Кроме этого, ядерное испытание Индии, проведённое 18 мая 1974 г., побудило США усилить контроль над деятельностью своих союзников. Впоследствии Вашингтон потребовал соблюдения условий Меморандума 1979 г., в результате чего производство южнокорейских ракет было поставлено под

ской оборонной промышленности в последние 40 лет // Исследования оборонной политики. 2010. № 26 (1). С. 73–117.

¹ Дьячков И.В. Ядерная программа Южной Кореи: генезис, развитие, влияние на регион // Вест. Тамбовского госуниверситета. 2014. № 9. С. 147.

американский контроль, а штат Института по развитию обороны был значительно сокращён. Тем не менее, ракетная программа не была свёрнута полностью¹.

После покушения на Чон Духвана в Бирме в октябре 1983 г. работа по строительству ракет была возобновлена. Перед Агентством оборонных разработок была поставлена задача завершить проект NHK к Олимпийским играм в Сеуле 1988 г. Обновлённая версия этой ракеты с улучшенной системой наведения и способностью нести кассетные бомбы в боевой части была впервые испытана 21 сентября 1985 г. В 1987 г., ракета, получившая название «Хёнму-1» была представлена на параде и принята на вооружение. Дальность действия этой системы составила 180 км при круговом вероятном отклонении в 100 м и нагрузке 480 кг, что было существенным достижением для Южной Кореи. При этом инспекции специалистов из США установили, что оборудование «Хёнму-1» более мощными ускорителями и вертикальная установка трёх одинаковых ступеней позволяли увеличить дальность стрельбы до 250 км (аналогичным образом увеличивалась дальность предшествующей модели NHK-2). Подобная компоновка ракеты нарушала условия договорённости с США, и по результатам инспекций в 1990 г. объёмы производства были сокращены (всего на вооружение было принято около 200 единиц в период 1990-х гг.) в обмен на поставки ракетных комплексов малой дальности MGM-140A ATACMS Block 1, сходными с «Хёнму-1» по характеристикам².

На основании проведенного исследования можно прийти к следующим выводам. В период правления Пак Чонхи основной целью военной политики Южной Кореи стало построение самостоятельного военного потенциала, способного обеспечить оборону государства без внешней помощи. Провозглашение политики «чаджу кукпан» («самостоятельная оборона») произошло на фоне проблем внутри альянса между США и РК, на фоне изменения политического курса США, которые на фоне неудачной военной кампании во Вьетнаме

¹ 이은영. ADD 무기개발 3총사의 핵·미사일 개발 비화 // 신동아 (Ли Ынён. Секретная история разработки ядерного и ракетного оружия в Агентстве оборонных разработок // Син Тон-А). 2006. 13 дек. URL: <http://news.donga.com/SHINDONGA/Library/3/02/13/105990>

² Евсеев В.В. Перспективы развития ракетной программы в Республике Корея // Россия и Корея в меняющемся мире. М., 2014. С. 76.

начиная с 1969 г. проводили значительные сокращения численности военного контингента США в РК. Конфронтация на Корейском полуострове также стала важным катализатором политики Пак Чонхи. Рост военного потенциала Северной Кореи в 1960–1970-е гг., ряд вооруженных столкновений между КНДР и РК в демилитаризованной зоне, проникновения северокорейских диверсантов на территорию РК и захват КНДР американского разведывательного корабля «Пуэбло» в 1968 г. побудили Пак Чонхи принять меры по форсированному развитию военной промышленности, инициировать программу по созданию ядерного оружия.

1.3. Военная политика президента Чон Духвана (1980–1988): обновление альянса с США и развитие ракетной программы

В период конца IV и на протяжении V Республики в Южной Корее (1980–1988) установилось авторитарное правление, сохранявшее многие черты политического режима Пак Чонхи периода «Юсин» (1972–1981), включая высокую роль военных в управлении государством и широкие полномочия президента, практически сводящиеся к диктатуре. Данный период тесно связан с фигурой Чон Духвана, занявшего пост президента РК в 1980 г. в результате военного переворота. В военно-политическом курсе Чон Духван продолжил многие инициативы своего предшественника, включая план «Юльгок», однако внес и значительные коррективы, имевшие более компромиссный характер в сравнении с основными направлениями радикальной военной политики Пак Чонхи¹.

Для военной политики нового режима был характерен фракционализм и высокая степень влияния организации «Ханахве», состоявшей из военных кругов, приближенных к Чон Духвану. Группировка, основанная еще в 1960-х гг. на идеях «клановой» лояльности и содействия ее участникам в карьерном продвижении, в ходе переворота 1979–1980 гг. фактически сосредоточила государственную власть в руках своих членов во главе с Чон Духваном². Тем не менее, эта консолидация не была абсолютной, и, хотя новый режим в целом

¹ Волощак В.И. Военно-политический курс Южной Кореи в период IV–V Республик под управлением Чон Духвана // Вест. Московского ун-та. Сер. 8: История. 2021. № 4. С. 155.

² Тихонов В.М., Кан Мангиль. Указ. соч. С. 231.

был выстроен на принципе сильной власти президента в духе конституции «Юсин», полностью подчинить все сферы политической и общественной жизни государства новой администрации не удалось. Попытка установить авторитарное правление в пике растущим либеральным настроениям южнокорейского общества вызвали протестную реакцию, наиболее ярко выраженное студенческими выступлениями в г. Кванджу в мае 1980 г. Жестокое подавление восстания в Кванджу правительственными силами, по разным оценкам, унесло жизни от 200 до 2 тыс. чел¹. Чон Духван столкнулся с острой необходимостью легитимации нового режима и был вынужден пойти на меры по ограниченной либерализации своего политического курса.

В качестве основного вызова безопасности руководство РК в этот период видело военную угрозу со стороны КНДР². Разница в уровне военных потенциалов между двумя корейскими государствами, контекст глобальной биполярной конфронтации, невозможность разрешить проблему объединения Кореи дипломатическими средствами наряду с накопившимся за три десятилетия существования РК и КНДР опытом вооруженных столкновений и приграничных инцидентов обуславливали напряжённость на Корейском полуострове. Для противодействия северокорейской угрозе РК придерживалась принципов национальной обороны, нацеленных на «противодействие возобновлению Корейской войны, защиту населения от вторжения противника, поддержку идеи мирного объединения Кореи и содействие миру и стабильности в регионе». Добиться поставленных целей Сеул, согласно Белой книге обороны 1988 г., предполагал за счет продвижения подхода мирного реагирования на северокорейские провокации и опоры на военно-политический альянс с США³.

Общая тенденция ограниченной либерализации коснулась и военной политики, проводимой руководством V Республики.

¹ Толстокулаков И.А. Политическая модернизация в Южной Корее. Опыт историко-политологического анализа. Ч. 1. Владивосток, 2007. С. 323.

² 전두환. 제32주년 국군의날 담화, 01.10.1980 // 대통령기록관 (Чон, Духван. Речь по случаю 32-го Дня вооруженных сил Республики Корея, 01.10.1980 // Президентский архив Республики Корея). URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1306700

³ 國附白書 1988. 서울, 1988 (Белая книга обороны 1988 г. Сеул, 1988). С. 101.

Нововведения были продиктованы изменениями в международной обстановке. Во-первых, Второй нефтяной шок 1979 г. и экономический спад на рубеже 1970–1980-х гг. привели к необходимости реформирования экономического курса государства – либерализации импорта, перераспределения приоритетов в промышленной политике и др. Во-вторых, Чон Духван столкнулся с проблемой легитимации нового режима и перед ключевым военно-политическим союзником Южной Кореи – США. Для укрепления доверия Вашингтона, Чон Духвану пришлось скорректировать радикальную доктрину «самостоятельной обороны» Пак Чонхи, в частности, отказавшись от проведения программы по созданию ядерного оружия. Отношения между союзниками в период 1980-х гг. развивались также и на фоне значительного ухудшения отношений между США и странами Восточного блока. Значимым событием для Южной Кореи стал террористический акт в Рангуне в 1983 г., в ходе которого северокорейские агенты совершили покушение на правительственную делегацию РК, находившуюся с визитом в Бирме, убив ряд высокопоставленных чиновников. Данный инцидент способствовал ухудшению отношения США к Бирме и КНДР, являвшимися дружественными Китаю нациями¹. Кроме того, Рангунский теракт стал стимулом к укреплению военного потенциала РК – именно после него Чон Духван принял решение возобновить приостановленную программу по созданию баллистической ракеты «Хёнму».

В 1970–1980-х гг. изменились также и формы военной помощи США Южной Корее. Программа военной помощи США MAP, предполагавшая организацию безвозмездных поставок военной техники и услуг, и участником которой Южная Корея была со времен I Республики, в начале 1970-х гг. была заменена на поддержку в рамках программы FMS (англ. Foreign Military Sales). Последняя представляла собой систему продаж вооружений, оборудования и услуг американских поставщиков через Агентство по сотрудничеству в области оборонной безопасности Министерства обороны США. В 1981 г. сотрудничество между РК и США по программе FMS прекратилось и было заменено на предоставление кредитования на военные

¹ Cable from Ambassador Katori to the Foreign Minister, 'Prime Minister Visit to China (Foreign Ministers' Discussion – The State of the Korean Peninsula), March 26, 1984 // Wilson Center Digital Archive, History and Public Policy Program Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/119557>

закупки. Поскольку финансирование по программе МАР покрывало часть военных расходов РК и в статистике учитывалось как часть военного бюджета государства, при Пак Чонхи было возможным опережение роста военного бюджета как относительно ВВП страны, так и относительно государственного бюджета. С 1976 г., по мере сокращения объемов финансирования по программе МАР, темпы роста военного бюджета относительно темпов роста ВВП стали падать: в среднем за период правления Пак Чонхи этот показатель составлял 102 %, в то время как в период 1980–1987 г. рост военного бюджета составлял лишь 83 % от роста ВВП. Доля военного бюджета в государственном бюджете РК как при Пак Чонхи, так и при Чон Духване была достаточно высока и составляла около трети – 27,2 % в период 1962–1979 гг. и 28,9 % в период 1980–1987 г. Это свидетельствовало о высоком приоритете задачи укрепления обороноспособности государства и в значительной степени было продиктовано стремлением Южной Кореи преодолеть военно-техническое отставание от Северной Кореи.

Немаловажную часть военного бюджета РК, помимо финансовых вливаний США и доходов государственного бюджета, составляли оборонный налог и сбор добровольных пожертвований на оборонные нужды. Налог на оборонные нужды представлял собой дополнительный временный налог, поступления с которого не учитывались в статистике военного бюджета. Объем поступлений по налогу составлял 2 % от ВВП государства, и, в совокупности с объемом военного бюджета (примерно 4 % от ВВП в среднем за период V Республики), общие расходы РК на оборону составляли, таким образом, 6 % от ВВП, что было установлено в качестве правила при распределении расходов госбюджета, начиная с 1976 бюджетного года¹. Как следует из совместного заявления по итогам встречи Чон Духвана с президентом США Р. Рейганом в 1983 г., последняя цифра была согласована с Вашингтоном². Оборонный налог соби-

¹ 전제국. 국방기획관리제도의 이상과 현실: 제도 개선 방안을 중심으로 // 국방연구 (Чон Черук. Теория и практика системы военного планирования и управления: анализ мер по совершенствованию системы // Военные исследования). 2013. № 4 (56). С. 113.

² Joint Statement Following Meetings with President Chun Doo Hwan of the Republic of Korea, November 14, 1983 // Ronald Reagan Presidential Library. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/joint-statement-following-meetings-president-chun-doo-hwan-republic-korea>

рался с 1976 г. после его законодательного закрепления годом ранее до 1980 г., после чего дважды продлялся на пятилетний срок и окончательно был упразднен в 1990 г.

Кроме оборонного налога, с 1973 по 1988 г. в Южной Корее существовала практика сбора квазианалоговых платежей с физических и юридических лиц в виде пожертвований на оборонные нужды. За 15 лет существования системы пожертвований государству удалось получить собрать около 60,9 млрд вон. Эти средства были использованы на закупку истребителей F-4D, вертолетов MD-500 и разработку корейских бронеавтомобилей (25,7 млрд вон); укрепление военных объектов (11,9 млрд вон); строительство оборонительных позиций (600 млн вон); развитие резервов (200 млн вон) и другие проекты. Однако в связи с возросшим количеством конфликтов интересов и коррупционных случаев, в 1988 г. практика сбора пожертвований была ликвидирована¹.

Важным элементом военной политики государства стало продолжение плана «Юльгок», начатого еще во времена IV Республики и направленного на модернизацию ВС РК с целью добиться превосходства военного потенциала над КНДР. При Чон Духване план был продлен на второй этап и подлежал реализации на период 1982–1986 гг. На 2-й план «Юльгок» было выделено свыше 5,3 триллионов вон из военного бюджета (30,5 %), а основными его приоритетами, в отличие от предыдущего этапа, стали не закупка вооружений и технологий, а стимулирование разработок собственной военной техники. Задел, созданный при Пак Чонхи в период «самостоятельной обороны», позволил во время реализации 2-го плана «Юльгок» перейти от количественного совершенствования военного потенциала страны к качественному, наладить массовое производство корейской техники. Основной акцент был сделан на производстве самоходной артиллерии, танков и бронеавтомобилей, а также боевых кораблей основных классов, включая корветы типа «Тонхэ» и фрегаты типа «Ульсан» водоизмещением 1800 т². Также, согласно задачам 2-го плана «Юльгок» в 1982–1986 гг. в Южной

¹ 박광범. '방위성금' 부활론 고개...부작용 탓 25년전 폐지 // 머니투데이 (Пак Кванбоп. Идея возрождения оборонных фондов, упраздненной 25 лет назад ввиду нежелательных последствий // Money Today). 2013. 13 дек. URL: <https://news.mt.co.kr/mtview.php?no=2013101309531271186>

² Hamm Taik-young. Op. cit. P. 84.

Корее по лицензии производились американские истребители F-5¹. Планом был предусмотрен и импорт вооружений, в том числе противокорабельных крылатых ракет Exocet и Harpoon, различной авиатехники, радаров ПВО и др.

Во исполнение плана «Юльгок» руководством РК был пересмотрен подход к военному планированию, в результате чего в южнокорейских ВС была принята новая программа, построенная по образцу системы «планирование – программирование – бюджетирование» (англ. Planning, Programming and Budgeting System, PPBS), разработанной Министерством обороны США. Система представляла собой стандартизированный алгоритм действий по управлению различными программами и проектами по развитию и модернизации ВС страны, осуществляемый причастными ведомствами. Данная система была принята в РК еще во времена Пак Чонхи и была полностью внедрена в управленческий процесс в 1980 г. В 1986 г. к алгоритму PPBS добавилось еще две составляющих – «исполнение» и «оценка» (англ. execution и evaluation, PPBEES). Помимо этого, руководством РК разрабатывался и вводился ряд других документов по военному планированию, помимо плана «Юльгок», в том числе Долгосрочный совместный военно-стратегический план (1983) и Долгосрочный программный документ по военной политике (1984). Эти меры помогли централизовать и грамотно организовать процесс принятия решений по военным проектам с горизонтом планирования от 10–15 лет, что является важным в условиях высоких темпов научного прогресса в сфере военных технологий, внедрение которых требует при этом значительных временных и финансовых затрат. Таким образом, РК удалось перейти от единичных проектов к массированному производству военной техники, а также выработать комплексные общие принципы военного планирования и модернизации ВС.

Частично усилия по модернизации ВС РК финансировались США по вышеупомянутым программам кредитования и FMS, что рассматривалось США в качестве компенсации для Южной Кореи издержек, связанных с реализацией политики администрации Дж. Картера по сокращению своего военного контингента в РК. Так,

¹ 조영갑. 한국 국방정책의 역사적 변천과 특징 정립에 관한 연구 // 군사 (Чо Ёнгап. Исследование исторических изменений и их влияния на военную политику Республики Корея // Военная история). 2007. № 64. С. 118.

на 1979–1980 гг. было запланировано предоставление РК помощи в объеме свыше 260 млн долл., в том числе: 35 млн долл. на приобретение противотанковых ракетных комплексов BGM-71 TOW и оборудования для танков М-48; 52 млн долл. на модернизацию ракет «земля–воздух» Hawk и объектов ПВО; 125 млн долл. на обновление орудий и радарных систем истребителей F-4 и F-5; 30 млн долл. на покупку транспортных самолетов C-130; 20 млн долл. на приобретение противокорабельных ракет Harpoon¹. Несмотря на то, что полностью планы по закупкам реализовать не удалось, эти усилия помогли РК качественно и количественно улучшить свой военный потенциал, заменить устаревшие образцы вооружений, создать технологический задел для массированного выпуска танков и другой техники в следующем десятилетии.

Приход к власти администрации Чон Духвана является также поворотным моментом в истории развития южнокорейского ракетного и ядерного оружия. Изначально создание ядерного оружия и баллистических ракет было инициировано Пак Чонхи в 1970-е гг. в контексте провозглашения политики «самостоятельной обороны» в целях снижения зависимости от США в вопросах обороны. Однако Чон Духван не был готов к продолжению столь решительного курса. Новому режиму, пришедшему к власти в ходе военного переворота и причастному к жестокому подавлению последовавших общественных протестов, требовалась легитимация не только перед внутренней аудиторией, но и перед ключевым военно-политическим союзником – США. В результате новая администрация приняла решение о заморозке ядерной программы, и в ноябре – декабре 1982 г. был существенно сокращен штат сотрудников Агентства оборонных разработок, головной научно-исследовательской организации, ответственной за развитие собственных южнокорейских военных технологий. Число сотрудников сократилось с 2598 до 1759 (до уровня 67 % от прежнего состава), а к 1985 г. количество ученых, работающих в Агентстве, составило 875 чел. (около половины исследовательского состава конца 1970-х гг.)². Подобные сокращения

¹ 이필중. 한국 국방예산의 소요와 배분에 관한 연구 (1953-현재) // 국방정책연구 (Ли Пхильджун. Исследование расчета и распределения средств военного бюджета (1953 – н. д.) // Исследования военной политики). 2016. № 3 (32). С. 203.

² 방위산업의 시련과 도전(19), 전두환 정권과 국방과학연구소의 구조조정 // 글로벌디펜스뉴스 (Вызовы и испытания военной промышленности: реструктуризация

можно также рассматривать как компромиссную реакцию руководства РК на отказ администрации президента США Дж. Картера от реализации планов по выводу военного контингента и ядерного оружия США с территории Корейского полуострова, что могло бы снизить уровень обороноспособности РК перед лицом северокорейской угрозы.

Что касается развития ракетной программы, то Чон Духван продолжил линию предыдущей администрации, поддержав договоренности между Сеулом и Вашингтоном об ограничениях разработки южнокорейских баллистических ракет. Изначально работа по созданию баллистических ракет «Пэкком» и «Хёнму» началась в 1971–1972 гг. при негласном обязательстве РК ограничить дальность действия разрабатываемых ракет до 180 км и их полезную нагрузку – до 500 кг, что потенциально позволяло бы Южной Корее нанести ракетный удар по Пхеньяну (но не по северным районам КНДР, где располагалась значительная часть промышленных предприятий). Однако это обязательство не было закреплено формально в течение нескольких лет, до тех пор, пока в 1978–1979 гг. не состоялся обмен письмами между министром обороны РК Но Джэхёном и командующим военным контингентом США в РК Дж. Викхэмом, договорившихся ограничить разработку ракет в обозначенных ранее пределах; а в 1979 г. на базе их корреспонденции между РК и США был заключен Меморандум о взаимопонимании, в котором были официально обозначены ограничения в 180 км и 500 кг¹. Эти ограничения были установлены еще при администрации Пак Чонхи, и Чон Духван их также поддержал, не только не оспорив условия Меморандума, но и фактически затормозив разработку баллистических ракет. В ходе вышеупомянутых сокращений штата Агентства оборонных разработок были уволены также и ведущие исследователи Ли Кёнсу и Чхве Хохён, возглавлявшие работы по ракетной программе.

Таким образом, в начале 1980-х гг. возникает пауза в развитии южнокорейских ракетных вооружений, которую можно считать политически мотивированной: Чон Духвану требовалось заручиться

администрации Чон Духвана и Агентства оборонных разработок // Global Defense News). 2016. 18 янв. URL: <http://www.gdnews.kr/mobile/article.html?no=3117>

¹ 김지일. 새로운 미사일 지침 개정에 대한 사례연구 적용 // 국가전략 (Ким Джииль. Новая редакция ракетных договоренностей: кейс-стади // Государственная стратегия). 2018. № 4 (24). С. 107.

поддержкой США для обеспечения легитимации собственной власти, а изменение позиции Вашингтона по вопросу вывода американских войск и ядерного оружия с территории РК снизило и необходимость продолжать радикальную политику «самостоятельной обороны». Кроме того, приостановка ракетных проектов Агентства оборонных разработок и роспуск существенной части его сотрудников были осуществлены Чон Духваном в рамках борьбы с коррупционными нарушениями (по этой же причине был реформирован процесс распределения средств на военные проекты и внедрена система бюджетирования PPBS).

Однако после теракта в Рангуне, совершенного северокорейскими агентами в 1983 г., в ходе которого погибли министр иностранных дел РК Ли Бомсок, министр экономического планирования Со Сукчун и глава президентского секретариата по экономическим вопросам Ким Джэик, политика Чон Духвана по ограничению развития ракетного оружия была пересмотрена. Террористический акт усилил напряжение в межкорейских отношениях и южнокорейское руководство приняло решение о возобновлении работ по строительству ракет «Хёнму» с целью принять на вооружение ракеты до проведения Олимпийских игр в 1988 г. Также в этот период предпринимаются первые попытки пересмотреть условия Меморандума 1979 г. и расширить рамки дальности действия ракет до 300 км путем вступления РК в Режим контроля за ракетными технологиями (РКРТ), созданный в 1987 г. странами «Большой семерки» в целях контроля экспорта военных технологий. РКРТ представляет собой совокупность неформальных соглашений между государствами-участниками, которые, в числе прочего, берут на себя добровольное обязательство не экспортировать ракеты с дальностью полета 300 км и полезной нагрузкой 500 кг, а также связанные с ними технологии. По замыслу южнокорейского руководства, вступление в РКРТ давало Сеулу возможность обойти формулировку 1979 г. и получить обоснование для увеличения дальности действия ракет «Хёнму», воспользовавшись правилами РКРТ¹. Однако вступление РК в это объединение произошло позже – в 2001 г., к тому моменту данная мотивация была уже неактуальна, а условия Меморандума 1979 г. были

¹ 한미미사일양해각서 // 한국학중앙연구원의 한국민족문화대백과사전 (Ракетный меморандум РК-США // Энциклопедия культуры корейского народа, Академия корейских исследований). URL: <http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0075875>

пересмотрены в рамках двусторонних американо-южнокорейских переговоров. Так или иначе, поставленная цель по завершению работ над «Хёнму» была выполнена в срок: в 1985 г. состоялись тестовые пуски обновленной версии ракеты, а в 1987 г. она была торжественно представлена на параде и затем принята на вооружение.

По итогам проведенного исследования можно заключить, что в период президентства Чон Духвана РК отступила от практики понижения уровня военно-технического сотрудничества с США, согласившись на покупку американской военной техники в обмен на отказ от попыток возобновить ядерную программу. При Чон Духване не были пересмотрены ограничения по дальности действия корейских баллистических ракет, наложенных на РК американской стороной по условиям Меморандума 1979 г. Военно-политический курс Чон Духвана можно в целом охарактеризовать как более гибкий и смягченный вариант идей «самостоятельной обороны» Пак Чонхи. В первую очередь, это выразилось в возобновлении программы по строительству баллистических ракет, которая в последние годы IV Республики по причине недостатка финансирования и под давлением США была существенно ограничена и замедлена (а программа по развитию ядерного оружия фактически свернута). Работа, проведенная в первой половине 1980-х гг., помогла провести испытание собственной ракеты «Хёнму-1» и в следующем десятилетии приступить к проектированию крылатых ракет. Чон Духвану удалось добиться значительного прогресса по снижению зависимости от США. По мере экономического роста РК, Вашингтон прекратил предоставление кредитов Сеулу на военные нужды (а с 1991 г., при следующей президентской администрации – начал требовать с корейской стороны выделения средств на частичное покрытие расходов по размещению американского военного контингента в РК). Именно к 1980-м гг. Южная Корея перестала полностью полагаться на кредиты и дотации США для поддержки собственного военного потенциала. Тем не менее, нельзя сказать, что РК удавалось реализовывать полностью самостоятельную военную политику. Режиму Чон Духвана, пришедшему к власти в результате военного переворота и столкнувшемуся с массовыми народными протестами, требовалась легитимация своего положения как на внутреннем уровне, так и на международной арене. Для упрочения связей и отношений с США – своим принципиальным военным союзником – Чон Духвану

пришлось пойти на ряд уступок, в числе которых отказ от разработки ядерного оружия и приостановка ракетной программы (возобновленной лишь после Рангунского теракта 1983 г.). Подобные ограничения были продиктованы интересами США сдерживать рост военного потенциала РК и обеспечить баланс сил на Корейском полуострове, который на тот момент поддерживался в том числе и наличием военного контингента и тактического ядерного оружия США на территории РК.

2. ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ ПОСЛЕ УЧРЕЖДЕНИЯ VI РЕСПУБЛИКИ (1988–2017)

2.1. Демократические реформы президентов Ро Дэу, Ким Ёнсама и Ким Тэчжуна (1988–2003)

Середина и вторая половина 1980-х гг. в Республике Корея пришлось на рост продемократического движения против авторитарного режима Чон Духвана. Июньское демократическое движение 1987 г. привело к демонтажу режима V Республики, пересмотру Конституции, проведению демократических реформ и конкурентных президентских выборов¹.

Политическая система новой VI Республики предполагала большую степень открытости и прозрачности политического процесса. В том числе, в этом русле была выстроена и военная политика Южной Кореи. Позиция администрации нового президента Ро Дэу подразумевала, что основное содержание и направления военно-политического курса РК требуют публичной огласки. С этой целью Республика Корея с 1988 г. возобновила выпуск т. н. Белых книг обороны – ключевых стратегических документов военной политики государства, публикация которых была приостановлена в конце 1960-х гг. Необходимость выпуска Белых книг обороны была обусловлена новыми требованиями к открытости информации и обеспечению политической нейтральности вооруженных сил государства².

В качестве основных национальных интересов РК администрация Ро Дэу объявила защиту либерально-демократических ценностей и мирное объединение Кореи; гарантии свобод и прав человека, реализация концепции общества благосостояния; повышение международного статуса РК и обеспечение вклада в глобальный мир³. Задачами национальной обороны, ведущую роль в обеспечении

¹ Мун Чжэин. Указ. соч. С. 62–74.

² 國附白書 1988. 서울, 1988 (Белая книга обороны 1988 г. Сеул, 1988). С. 22.

³ 國附白書 1989. 서울, 1989 (Белая книга обороны 1989 г. Сеул, 1989). С. 19.

которой отводилась ВС, были обозначены защита государства от вооруженного вторжения противника; военная поддержка процесса мирного объединения Кореи посредством осуществления сдерживания в мирное время; обеспечение вклада в региональный мир и стабильность путем гибкого реагирования на различные угрозы¹.

На формирование военно-политического курса администрации Ро Дэу не могла не повлиять обстановка в регионе и в мире. Распад биполярной системы виделся руководству РК возможностью укрепить свой международный статус и диверсифицировать военно-политические связи, установив сотрудничество с новыми партнерами. Этой цели служила, в частности, т. н. Северная политика Ро Дэу – внешнеполитическая инициатива, направленная на развитие межкорейского диалога, нормализацию отношений с СССР и КНР, установление связей с другими государствами социалистического блока. Большое символическое значение РК придавала проведению XXIV летних Олимпийских игр в Сеуле осенью 1988 г. Это событие неоднократно упоминалось в стратегических документах² и выступлениях президента³ как важное для поддержания статус-кво и укрепления взаимного доверия между соседями по региону Северо-Восточной Азии. Вместе с этим, атмосфера разрядки и примирения на заключительных этапах холодной войны вызывала также и опасения руководства РК по поводу того, что переговоры между США и СССР по контролю над вооружениями могут повлечь за собой изменения в политике США на Корейском полуострове, затронув интересы РК. Стабилизация отношений между США и СССР могла снизить необходимость США в укреплении альянса США–РК, повлечь дальнейшие сокращения американского военного контингента в РК, в некотором смысле повторив тем самым ситуацию периода принятия доктрины Никсона на рубеже 1960–1970-х гг. Это требовало адаптации политики Сеула по выстраиванию отношений в рамках двустороннего военно-политического альянса

¹ 國附白書 1989. Указ. соч. С. 19.

² Там же. С. 63–64.

³ 노태우. 청와대국무회의에서의 지시 // 대통령기록관 (Ро Дэу. Послание Правительству Республики Корея, 9 мая 1988 г. // Президентский архив Республики Корея). URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1307316

с Вашингтоном (которая в дальнейшем выразилась, прежде всего, в согласовании совместного распределения расходов на поддержание функционирования альянса).

Среди внешних угроз безопасности Южной Кореи центральное значение имел фактор КНДР. Несмотря на глобальную тенденцию к снижению военной напряженности, в Белых книгах обороны начала 1990-х гг. отмечалось стремление отдельных региональных держав усилить свои позиции (в числе основных примеров указаны конфликты в Югославии, Афганистане, Мозамбике, Анголе, Кувейте и т. д.)¹. Подобным образом была охарактеризована и роль КНДР – в условиях внутренней нестабильности и тяжелой экономической ситуации начала 1990-х гг., Северная Корея избрала путь закрытости и враждебности по отношению к РК. По оценке руководства РК, фундаментально внешне- и военно-политическая стратегия КНДР не претерпела изменений, будучи направленной на «коммунизацию» всего Корейского полуострова².

На момент 1991 г. численность ВС КНДР составляла около 995 тыс. чел. (против 655 тыс. чел. ВС РК) и увеличилась до 1 млн 5 тыс. чел. к следующему году³. Развертывание КНДР вблизи демилитаризованной зоны баллистических ракет «Хвасон-5» (SCUD-B) дальностью действия 500 км, принятие на вооружение новых истребителей МиГ-29, продолжение работы над созданием ядерного оружия были перечислены военными стратегами РК в качестве основных военных вызовов. К 1988 г. КНДР разместила около 2/3 своих сухопутных сил в районах, близких к ДМЗ (демилитаризованной зоны Корейского полуострова), а территории РК находились в зоне досягаемости северокорейских баллистических ракет и авиатехники (подлетное время оценивалось в 8 мин. до Сеула, 30 мин. – до Пусана)⁴. В этот период Пхеньян также занимался обновлением своего комплекса вооружений и военной техники, приняв на вооружение модифицированный средний танк «Чхонмахо-2», ПЗРК «Игла-1», увеличив дальность действия 170-мм артиллерийских

¹ 國附白書 1991–1992. 서울, 1991 (Белая книга обороны 1991–1992 гг. Сеул, 1991). С. 24.

² Там же. С. 27.

³ 國附白書 1992–1993. 서울, 1992 (Белая книга обороны 1992–1993 гг. Сеул, 1992). С. 126.

⁴ 國附白書 1988. Указ. соч. С. 26.

орудий и 240-мм реактивных систем залпового огня (РСЗО)¹. Ответом на данные военные вызовы РК называла поддержку постоянной боевой готовности на основе развития высокоточного оружия, углубления межродового взаимодействия в ВС, поддержки США в рамках альянса, развития передовых видов вооружений², совершенствование средств наблюдения и раннего предупреждения о ракетных атаках, приобретение техники для перехвата самолетов³. Большие опасения у РК также вызывали проведение диверсионных и инфильтрационных операций КНДР, проникновение диверсантов на территорию, воздушное и водное пространство РК (от проникновения северокорейского Ил-28 в воздушное пространство в районе о. Пэннёндо в январе 1983 г. до взрыва самолета Boeing южнокорейской компании Korean Air агентами КНДР над Андаманским морем в ноябре 1987 г.)⁴.

Тем не менее, в основе стратегии Южной Кореи в отношении КНДР оставался мирный подход и вовлечение Пхеньяна в международные инициативы по урегулированию ситуации вокруг разработки КНДР ядерного оружия. Среди успехов подобного курса можно назвать заключение в конце 1991 г. Соглашения о примирении, ненападении, обменах и сотрудничестве между РК и КНДР, в рамках которого был обозначен ряд мер по укреплению доверия в военной сфере, включая учреждение межкорейского отделения связи и постоянной телефонной линии в Пханмунджоме, создание Совместного военного комитета Севера и Юга, обмен персоналом и информацией, принципиальное согласие по вопросу постепенного сокращения вооружений и др.⁵.

В основе политики по развитию альянса США–РК лежала адаптация Сеула к новой стратегии США по сокращению масштабов военной поддержки РК в контексте снижения военно-политической напряженности на рубеже 1980–1990-х гг. По состоянию на 1989 г.

¹ 國附白書 1992–1993. Указ. соч. С. 57.

² 國附白書 1991–1992. Указ. соч. С. 28.

³ Там же. С. 68.

⁴ 國附白書 1988. Указ. соч. С. 108.

⁵ Agreement on Reconciliation, Non-Aggression and Exchanges and Cooperation between the South and the North, December 13, 1991 // United Nations Peacemaker. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/KR%20KP_911213_Agreement%20on%20reconciliation%20non%20aggression%20and%20exchangespdf.pdf

ВС США в РК составляла ок. 40 тыс. чел., и на ближайшие годы было запланировано их сокращение на 12 тыс. чел. Важным проявлением увеличения военно-политической самостоятельности Сеула являлось согласованное решение о том, что с начала 1990-х гг. Южная Корея перестанет полностью полагаться на финансовую поддержку США и будет выплачивать часть расходов на размещение американского военного контингента в РК. Данное решение было формализовано путем внесения в феврале 1991 г. поправок в Соглашение о статусе сил, регламентирующее порядок размещения ВС США на территории РК. Первая выплата РК в объеме 150 млн долл. была совершена в 1991 г., покрыв часть расходов на техническое обслуживание оборудования, хранение и управление резервами материальных ресурсов, оплату труда наемных южнокорейских служащих в ВС США¹. В 1991 г. на Консультативном совещании по вопросам безопасности США-РК было согласовано, что РК будет нести 1/3 затрат на размещение ВС США до 1995 г. при условии сохранения их численности на уровне 1991 г. К концу 1990-х гг. по завершении передачи РК земельных участков бывших военных баз США и дальнейших сокращений американского военного контингента, объемы доли финансовых затрат РК подлежали сокращению².

Помимо осуществления вклада по совместному финансированию ВС США в РК, Южная Корея предоставила поддержку антииракской коалиции в размере 500 млн долл. в виде финансовых и материальных средств (морского и воздушного транспорта) в связи с кризисом в Персидском заливе. РК предоставила свой вспомогательный военный контингент численностью 154 чел. медицинского персонала и 160 чел. из группы транспортной поддержки ВВС, а также 5 транспортных самолетов С-130³.

Администрация Ро Дэу инициировала военную реформу, направленную на переосмысление роли Южной Кореи в стратегическом ландшафте постбиполярной эпохи, в котором РК необходимо было иметь наступательный потенциал, а структура ВС должна быть значительным образом переработана⁴. 18 августа 1988 г. был сформирован

¹ 國附白書 1991–1992. Указ. соч. С. 200–201.

² 國附白書 1992–1993. Указ. соч. С. 127.

³ 國附白書 1991–1992. Указ. соч. С. 201.

⁴ 노태우. 육군사관학교(陸軍士官學校) 제48기 졸업(卒業) 및 임관식(任官式) 연설, 1992.03.02 // 대통령기록관 (Ро, Дэу. Речь по случаю 48-го выпуска Военной ака-

рован Комитет по выработке долгосрочной военной политики «818», задачей которого была подготовка рекомендаций для правительства по проведению военной реформы. В соответствии с рекомендациями Комитета, 1 октября 1990 г. в ВС РК официально был учрежден Объединенный комитет начальников штабов – орган, состоящий из высших руководителей родов войск. Учреждение ОКНШ сыграло важную роль в повышении межродового взаимодействия в ВС РК. Реформа по плану «818» предполагала создание Объединенного командования, главой которого являлся бы председатель ОКНШ в ранге советника министра обороны, способный напрямую осуществлять оперативное командование ВС согласно его приказам. Однако на волне демократических настроений в обществе и тенденции к либерализации политической жизни государства данная идея не была воплощена в реальность, столкнувшись с неодобрением оппозиционных партий: подобная концентрация власти в руках председателя ОКНШ могла бы привести к чрезмерному вмешательству военных кругов в государственную политику и ограничить полномочия гражданской администрации. По этой причине Объединенное командование не было создано, и частично его функции остались в ведении ОКНШ.

К марту 1992 г. по результатам проведенной ОКНШ и Министерством обороны оценки была завершена реорганизация системы высшего командования, в рамках которой было скорректировано распределение функций в общих сферах военного управления, упрощена иерархия принятия решений в каждой функциональной области, а также проведена поэтапная подготовка к непосредственному осуществлению оперативного командования¹. На низшем уровне командования приоритетными направлениями реформы было упразднение инстанций с дублирующимся функционалом, упрощение и стандартизация структуры подразделений².

Реформирование затронуло также и систему военного планирования. На смену плану «Юльгок», разработанному еще при Пак Чонхи и имевшему долгосрочный и слабо формализованный характер,

демии Республики Корея, 1992.03.02 // Президентский архив Республики Корея). URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1314486

¹ 國附白書 1992–1993. Указ. соч. С. 20.

² Там же. С. 25.

была предложена реализация Среднесрочных планов обороны. Среднесрочным планам, разрабатываемым сроком на пять лет, отводилась центральная роль в определении линии военной политики и стратегии, планировании национальной обороны, распределении ресурсов для создания и поддержки необходимого военного потенциала¹. На основе целей и задач, сформулированных в Среднесрочных планах, определялась структура и общий объем военного бюджета государства, ежегодно проходивших процедуру утверждения Национальной ассамблеей. К примеру, согласно Среднесрочному плану обороны на 1990–1994 гг., к 1994 г. затраты на оборонные НИОКР должны были достичь показателя 2,5 % от всего военного бюджета (с отметки в 1,5 % по состоянию на 1988 г.)² – исходя из этого определялись конкретные объемы бюджета на каждый год. В целом военный бюджет на 1991 г. составлял 7,4 трлн вон (27,6 % государственного бюджета), и предполагалось довести его объемы с 3,13 % до 4 % от ВВП к 1994 г.³

Важным направлением военной политики периода начала VI Республики являлось обновление парка вооружений ВС РК, принятие на вооружение более современной техники. К числу перспективных проектов закупок военной техники в начале 1990-х гг. относятся планы на приобретение ракетных комплексов Patriot, самолетов радиообнаружения и наведения Boeing E-3a, строительство эсминцев Aegis (на замену состоящих у РК на вооружении ракетных комплексов Nike-Hercules, эсминцев KDX-I типа «Квангтхо Великий» и самолетов McDonnell Douglas RF-4C Phantom II). По оценкам Министерства обороны, стоимость обновления этих и других вооружений повлекла значительную нагрузку на военный бюджет⁴. Одним из ответов на этот вызов стало проведение политики на углубление компетенций по развитию современных высокотехнологичных вооружений собственными силами. В феврале 1991 г. Министерство обороны разработало базовые правила разработки и закупок вооружений и военной техники, согласно которым при принятии решений о закупках вооружений приоритет отдавался южнокорейской продукции ВПК, а также подлежала увеличению доля оборонных

¹ 國附白書 1989. Указ. соч. С. 193–194.

² Там же. С. 210.

³ 國附白書 1992–1993. Указ. соч. С. 251.

⁴ 國附白書 1992–1993. Указ. соч. С. 141.

проектов, реализуемых частным бизнесом, а не государством. Важным приоритетом также являлось развитие собственных передовых технологий (в особенности тех, по которым сохранялась зависимость от импорта) в связи с чем, в дополнение к целевым показателям Среднесрочного плана обороны 1990–1994 гг., Министерство обороны дополнительно поставило цель по увеличению объема финансирования оборонных НИОКР до уровня 5–10 % от военного бюджета к началу 2000-х гг.¹ Для вовлечения частного бизнеса в реализацию подобных проектов, государство осуществляло селективную поддержку, обеспечивая отдельно отобранные компании госзаказами и организационной поддержкой, содействуя повышению качества исследовательского и производственного процесса. По состоянию на 1990 г., всего в программе государственной поддержке участвовало 82 компании, занятые в 262 проектах². Промышленный задел, созданный в 1970–1980-х гг. позволил в период администрации Ро Дэу наладить массированное производство самоходных артиллерийских установок К-55, основных боевых танков К-1, броневедомителей К-500, подводных лодок типа 209, а также начали производиться истребители KF-16, вертолеты UH-60, баллистические ракеты «Хёнму».

С периодом Ро Дэу связан и очередной этап в развитии южнокорейской ракетной программы. В 1990 г. Агентством оборонных разработок РК был запущен проект по разработке собственных ракет «земля–воздух» нового образца. Новая разработка Южной Кореи была основана на ракетах для зенитно-ракетного комплекса Crotale французской компании Thomson-CSF. Ракеты Crotale предназначены для противовоздушной обороны и предназначались для оснащения ими кораблей надводных классов. В 1989 г. южнокорейская компания Samsung Aerospace Industries подписала договор Thomson-CSF на производство французских ракет по лицензии в РК, а партнерами по созданию южнокорейской модификации ракеты выступили отделение по аэрокосмическим проектам компании Daewoo Heavy Industries и Goldstar Precision. В это же время происходит и развитие аэрокосмической отрасли в РК. В 1990 г. по указанию Ро Дэу был сформирован Аэрокосмический комитет,

¹ Там же. С. 111–112.

² 國附白書 1991–1992. Указ. соч. С. 259–260.

а также был принят закон «Об управлении предприятиями аэрокосмической промышленности». В законе были прописаны механизмы офсетных сделок для облегчения трансфера технологий и создана правовая основа сотрудничества между государством, частным бизнесом, научно-исследовательскими организациями и университетами при поддержке специального правительственного комитета.

Администрация президента Ким Ёнсама (1993–1998) взяла за основу национальные цели, сформулированные правительством Ро Дэу: защита ценностей либеральной демократии, мирное объединение Кореи, защита прав и свобод человека, создание общества всеобщего благосостояния и повышение международного статуса РК и обеспечение вклада в глобальный мир. Конечным результатом реализации государственной политики было обозначено построение «чистого правительства, сильной экономики, здорового общества и единой родины»¹. Лозунги «оздоровления», «здорового» общества тесно связаны с другим понятием Ким Ёнсама – «корейской болезнью», под которой президент понимал коррупцию и большую власть военных кругов в политической жизни государства².

Важный акцент в военно-политическом курсе Ким Ёнсама связан с идеей «глобализации» – повышения международного престижа государства, создания «элитных и сильных вооруженных сил на уровне передовых стран»³. В 1991 г. Южная Корея стала членом ООН и начала принимать активное участие в миротворческих миссиях под её эгидой. При Ким Ёнсаме состоялась первая отправка воинского контингента РК в рамках миротворческой операции Организации Объединённых Наций, когда подразделение военных инженеров РК приняло участие в миссии в Сомали в июле 1993 г.⁴

¹ 國附白書 1993–1994. 서울, 1993 (Белая книга обороны 1993–1994 гг. Сеул, 1993). С. 16.

² 김영삼. 제48주년 경찰의 날 연설(경찰은 국민의 가장 가까운 동반자), 1993.10.21 // 대통령기록관 (Ким, Ёнсам. Речь на день 48-й годовщины основания полиции Республики Корея, 21 октября 1993 г. Президентский архив Республики Корея). URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1307896

³ 國附白書 1993–1994. Указ. соч. С. 27.

⁴ South Korea's Overseas Peacekeeping Activities – Part I: The History and Current Status // Korea Economic Institute of America. 2016. July 29. URL: <https://keia.org/the-peninsula/south-koreas-overseas-peacekeeping-activities-part-i-the-history-and-current-status/>

Контингент РК численностью 252 чел. находился в составе миссии до марта 1994 г. Кроме того, в сентябре 1994 г. РК выделила контингент из 42 военных медиков для обеспечения медико-санитарной помощи миротворческой миссии в Западной Сахаре и 200 инженеров для выполнения задач в рамках миссии ООН UNAVEM–III в Анголе¹. Став членом ООН, РК стала также и активным участником различных площадок международного взаимодействия в области безопасности, включая Региональный форум АСЕАН, Диалог безопасности Северо-Восточной Азии (англ. Northeast Asian Security Dialogue, NEASED), Совет по сотрудничеству в области безопасности в АТР (англ. Council for Asia-Pacific Security Cooperation, CSCAP)².

Северокорейский вектор военно-политического курса Ким Ёнсама также оставался одним из важнейших. Президент Ким Ёнсам выдвинул «национальную формулу» объединения Кореи, предусматривавшую создание Корейской конфедерации или Содружества двух корейских государств³. Её можно оценивать как временную взаимную договоренность о достижении политического, экономического и военного доверия с целью восстановить национальную однородность. Таким образом, в военно-политическом курсе РК произошло смещение акцентов: от всемерного противостояния угрозе с Севера к достижению компромиссного консенсуса между двумя корейскими государствами. Инициатива Ким Ёнсама устранила из содержания военной политики рудименты авторитарного наследия по корейской проблеме, связанные с признанием Пхеньяна главным врагом и военным противником Юга, а также с возможностью объединить страну силовым путем. Вместе с этим, в Белых книгах обороны РК отмечалась неконструктивная позиция КНДР в мирном процессе на Корейском полуострове – предъявляя нереалистичные и не учитывающие обстановку требования по сокращению численности ВС РК, Северная Корея препятствовала реализации мер по укреплению доверия, зафиксированных в Соглашении о примирении, ненападении, обменах и сотрудничестве 1991 г. и Совместной

¹ 국방백서 1995–1996. 서울, 1995 (Белая книга обороны 1995–1996 гг. Сеул, 1995). С. 120.

² 국방백서 1997–1998. 서울, 1997 (Белая книга обороны 1997–1998 гг. Сеул, 1997). С. 83–84.

³ 김영삼. 2.25 대통령 취임사. 전문 // 중앙일보 (Ким Ёнсам. Инаугурационная речь президента 25 февраля 1993 г. Полный текст // Чунан Ильбо). 1993. 26 февр.

декларации о денуклеаризации Корейского полуострова 1992 г.¹ По оценке руководства РК, даже в нестабильное время (распад социалистического блока, смерть Ким Ирсена, начало голода в КНДР), Северная Корея продолжала развивать свой военный потенциал, совершив дополнительное развертывание «Хвасон-5», приняв на вооружение вертолеты Ми-26, осуществив дополнительное производство и сборку истребителей МиГ-29, продолжив работы по ядерной программе. Объем военных расходов КНДР в 1994 г. составил 5,7 млрд долл. (30 % государственного бюджета)².

В отношениях с США администрация Ким Ёнсама продолжала следовать курсу на усиление самостоятельности РК. К числу важнейших достижений следует отнести возвращение оперативного командования ВС РК южнокорейскому ОКНШ в 1994 г.³ Данная реформа, однако, касалась только осуществления командования в мирное время, в случае военного конфликта оперативное командование ВС РК осуществлял глава Совместного военного командования США-РК – генерал ВС США. Полная передача РК командования собственными ВС (включая военное время) и назначение южнокорейского военнослужащего главой Совместного военного командования стали предметом обсуждений Сеула и Вашингтона в последующие годы.

Изменился также и подход к распределению расходов на совместную оборону. По договоренности с США, достигнутой при администрации Ро Дэу, РК обязывалась увеличивать объем своих финансовых вложений на размещение контингента США ежегодно до уровня 1/3 расходов, понесенных на территории РК к 1995 г. Таким образом, в 1991 г. РК выплатила 150 млн долл., в 1992 г. – 180 млн долл., в 1993 г. – 220 млн долл., в 1994 г. – 260 млн долл., в 1995 г. – 300 млн долл.⁴ Начиная с 1996 г. союзники договорились о том, что доля РК будет определяться путем индексации на 10 % ежегодно с учетом роста местных цен. Такое решение обусловлено готовностью РК увеличивать свое

¹ 국방백서 1997–1998. Указ. соч. С. 98.

² 국방백서 1995–1996. Указ. соч. С. 66.

³ Yoon, Seo-yeon. South Korea's Wartime Operational Control Transfer Debate: From an Organizational Perspective // Journal of International and Area Studies. 2015. Vol. 22. № 2. P. 93.

⁴ 국방백서 1995–1996. Указ. соч. С. 111.

финансовое бремя в свете возросших затрат на безопасность, к которым руководство Южной Кореи относило даже затраты на строительство легководных реакторов в КНДР, которое было согласовано Вашингтоном и Пхеньяном в рамках проекта KEDO (англ. Korean Peninsula Energy Development Organization) и переговорах о денуклеаризации Корейского полуострова в 1990-х гг.¹ С точки зрения РК, это отражало зрелую и равноправную позицию Сеула как союзника, и в целом ознаменовало переход от простого разделения финансового бремени (англ. cost-sharing) к разделению ответственности (англ. responsibility-sharing) между участниками двустороннего альянса².

В 1995 г. США и РК вновь поднимают тему ракетной программы Сеула, стремящегося пересмотреть рамки по дальности действия и массе полезной нагрузки южнокорейских баллистических ракет, наложенные двусторонними договоренностями 1979 г. Несмотря на то, что РК не удалось добиться увеличения разрешенной дальности действия ракет с 180 до 300 км, в 1995 г. начинаются длительные двусторонние переговоры, которые пришли к своему завершению к 2001 г., когда Южная Корея вступила в международный РКРТ. Условия данного режима предполагали взятие странами-участницами обязательства не экспортировать ракеты с дальностью полета 300 км и полезной нагрузкой 500 кг, что при определенной трактовке позволяло обойти формулировку 1979 г.³

Администрация Ким Ёнсама сформулировала следующие цели реформы ВС:

1. Модернизация процесса управления человеческими ресурсами, улучшение системы подготовки кадров, обеспечение занятости военнослужащих;

2. Информатизация национальной обороны, применение высокотехнологичных решений в области разведки, сбора и распространения данных;

¹ 국방백서 1997–1998. Указ. соч. С. 77.

² 국방백서 1995–1996. Указ. соч. С. 112.

³ Pinkston, D. The New South Korean Missile Guidelines and Future Prospects for Regional Stability // International Crisis Group. 2012. Oct. 25. URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/north-east-asia/korean-peninsula/new-south-korean-missile-guidelines-and-future-prospects-regional-stability>

3. Модернизация военной промышленности, улучшение системы военных НИОКР, поддержка государством предприятий военной промышленности;

4. Развитие системы управления войсками C4I (командование, контроль, коммуникации, компьютеры, информация)¹.

Для реализации обозначенных целей было также проведено реформирование организационной структуры Министерства обороны и ВС. Была укрупнена структура главного управления Министерства обороны путем реорганизации 13 департаментов в 5. Аналогичная реформа прошла и в ОКНШ, где было учреждено 6 департаментов и 5 офисов. Функции по развитию военного потенциала ВС, ранее выполнявшиеся ОКНШ в целом, были возложены отдельно на штабы военно-воздушных, военно-морских и сухопутных сил².

Развитие информатизации и рационализация процесса управления ВС опирались на систему-алгоритм планирования PPBEES: планирование (определение целей военной политики, оценка угроз, определение требований к реализации политики), программирование (выработка средне- и долгосрочных планов), бюджетирование (конкретизация объемов бюджета), исполнение (пересмотр и корректировка бюджетных ассигнований в конкретные подразделения и на конкретные проекты), оценка (анализ и оценка реализации проектов на всех этапах их выполнения)³. При Ким Ёнсаме началось создание информационной системы управления человеческими ресурсами и активная компьютеризация ВС. В соответствии с Базовым национальным планом создания компьютерных сетей, был разработан Средне- и долгосрочный план всесторонней компьютеризации обороны на 1993–2002 гг. На реализацию плана на десятилетний период было выделено 900 млрд вон, и по его итогам планировалось завершение создания компьютеризированных информационных систем в основных подразделениях к 1998 г. и интеграция их в единую систему к 2002 г.⁴ В рамках плана удалось внедрить в ВС современные на тот момент технологии передачи данных SMTP (простой протокол передачи почты), протокол TELNET, систему

¹ 국방백서 1995–1996. Указ. соч. С. 24.

² 국방백서 1995–1996. Указ. соч. С. 89.

³ 國附白書 1993–1994. Указ. соч. С. 123–125.

⁴ Там же. С. 125.

обработки сообщений Military Message Handling System, принятую в качестве стандарта в НАТО¹.

К числу важных преобразований военной политики, реализованных Ким Ёнсамом, относится ликвидация группировки «Ханахве» – фракции внутри ВС РК, причастной к многим коррупционным нарушениям и военному перевороту, совершенному Чон Духваном в 1979–1980 гг. Ким Ёнсаму удалось сместить со своих постов всех высших руководителей ВС и провести тщательное расследование нарушений и коррупционных случаев в программах по военным закупкам и модернизации ВС по плану «Юльгок» в 1980–1990-е гг. Эти меры были направлены на достижение политической нейтральности военных кругов в РК и их подчинение гражданскому правительству, построение «чистых ВС, верных своему изначальному предназначению»². При Ким Ёнсаме был основан ряд институтов и практик, превративших ВС из мощной политической силы в специализированную военную организацию государства. В числе примеров подобных реформ можно назвать принятие непрерывной системы поставок и жизненного цикла вооружений и военной техники (англ. Continuous Acquisition and Life-cycle System, CALS) с 1997 г. Внедрение данной технологии было направлено на автоматизированное управление процессами проектирования, разработки, поставки, обслуживания и утилизации материалов по проектам приобретения вооружений³. Использование технологий автоматизации являлось важным также и с точки зрения повышения прозрачности процесса, создания барьеров для коррупционных правонарушений. Кроме того, в рамках борьбы с коррупцией Ким Ёнсам ввел обязательное правило регистрации сделок в области военных закупок под реальными именами – с 1960-х гг. в Южной Корее было возможно заводить депозитные счета анонимно или под псевдонимом, и в 1997 г. вступил в силу закон «О конфиденциальности

¹ 국방백서 1995–1996. Указ. соч. С. 162.

² 김영삼. 조선일보 창간 75주년 특별회견 (지속적인 개혁으로 세계화 추진), 28.02.1995 // 대통령기록관 (Ким, Ёнсам. Особая пресс-конференция по случаю 75-летия газеты «Чосон ильбо» («Продвижение глобализации через непрерывные реформы»), 28 февраля 1995 г. // Президентский архив Республики Корея). URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1308067

³ 국방백서 1997–1998. Указ. соч. С. 157.

и финансовых транзакциях под реальными именами», распространившийся, в том числе, и на сделки в военной области¹.

Администрация президента Ким Тэджун (1998–2003) продолжила курс на укрепление международных военно-политических связей и усиление гражданского контроля над военной политикой государства. На рубеже 1990–2000-х гг. руководство РК стало обращать большее внимание на нетрадиционные и транснациональные угрозы безопасности, ставя акцент на разнообразность военно-политических вызовов – конфликты на этнической, расовой, религиозной почве, территориальные споры, распространение оружия массового уничтожения, терроризм, проблема беженцев и др.². В условиях начала американской «глобальной войны с терроризмом» РК сделала ставку на углубление международной военно-политической интеграции, продолжила участие в миротворческих операциях ООН. При Ким Тэджуне РК приняла участие в крупной международной антитеррористической операции, отправив военный контингент (медицинский персонал, инженерные и саперные подразделения, транспорт) в Афганистан в 2001 г. в рамках операции «Несокрушимая свобода»³.

Во время президентства Ким Тэджун военно-политические отношения РК и КНДР были весьма неоднозначны. С одной стороны, произошло значительное обострение обстановки на Корейском полуострове вследствие двух инцидентов в Желтом море, ставших известными в РК как Первая (1999) и Вторая битва за о. Ёнпхэндо (2002). По оценкам Министерства обороны РК, Северная Корея продолжала придерживаться тактики небольших инфильтрационных и диверсионных операций и других форм военных провокаций, несколько десятков раз перейдя через Северную разграничительную линию в Желтом море в 1998–1999 гг.⁴ Помимо этого,

¹ 금융실명거래및비밀보장에관한법률 // 국가법령정보센터 (Закон «О конфиденциальности и финансовых транзакциях под реальными именами» // Информационный центр законодательства Республики Корея). URL: <https://www.law.go.kr/LSW//lsInfoP.do?lsiSeq=59392&ancYd=19971231&ancNo=05493&efYd=19971231&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>

² 국방백서 1999. 서울, 1999 (Белая книга обороны 1999 г. Сеул, 1999). С. 17.

³ Hemmings, J. The ROK Provincial Reconstruction Team in Afghanistan // South Korea's Contributions to International Security. NY, 2012. P. 45–60.

⁴ 국방백서 1999. Указ. соч. С. 64.

Пхеньян укреплял свой военный потенциал и модернизировал вооружения, размещенные в близких с РК районах – тактические ракетные комплексы, артиллерийские орудия, РСЗО, сверхмалые подводные лодки¹. С другой стороны, администрация президента Ким Тэджунa видела фундаментальной причиной военной конфронтации и обострения ситуации на полуострове систему взаимоотношений времен холодной войны и была нацелена на ее демонтаж. Ким Тэджун провозгласил политику «солнечного тепла», направленную на примирение и диалог с Северной Кореей. Ее военно-политический аспект был основан на пяти следующих принципах:

1. Преобразование конфронтационных отношений в отношения примирения и сотрудничества посредством добросовестного следования принципам, изложенным в Соглашении о примирении, ненападении, сотрудничестве и обменах между Севером и Югом 1991 г.;

2. Сдерживание взаимных угроз и нормализация двусторонних отношений посредством добросовестного соблюдения Рамочного соглашения между США и КНДР 1994 г.;

3. Создание условий для того, чтобы Северная Корея смогла стать ответственным участником мирового сообщества, содействие ее переходу к открытости и рыночной экономике;

4. Демонтаж пережитков холодной войны на Корейском полуострове путем устранения ядерной угрозы со стороны КНДР и осуществления эффективного контроля над вооружениями;

5. Заключение полноценного мирного договора взамен соглашения о перемирии 1953 г.²

Несмотря на то, что в период реализации политики «солнечного тепла» удалось добиться некоторых успехов (лидеры двух корейских государств впервые в истории провели совместную встречу, была принята Совместная декларация Севера и Юга 15 июня 2000 г., в рамках которой стороны признали общность предложений об объединении Кореи), не получилось добиться фундаментального прорыва в ослаблении военно-политической напряженности. По оценке руководства РК, после проведения межкорейского саммита в 2000 г., КНДР практически не изменила свой военно-политический курс, продолжив развитие ядерной программы,

¹ 국방백서 1999. Указ. соч. С. 47.

² Там же. С. 75.

укрепление военного потенциала и следование политике «сонгун» (кор. «приоритет армии»)¹.

Политический курс РК в рамках альянса США-РК в целом не претерпел изменений при президенте Ким Тэджуне. Продолжались сокращения численности ВС США в РК – к 1999 г. общая численность американского военного контингента составила 36,3 тыс. чел². Тем не менее, согласно достигнутым ранее договоренностям, доля РК в совместных расходах на размещение военнослужащих США подлежала увеличению на 10 % ежегодно. На 1998 г. РК согласилась выплатить 400 млн долл., однако вследствие того, что азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. вызвал обвал курса воны, РК потерпела убытки в размере 200 млрд вон. Сеул и Вашингтон согласовали корректировку суммы на следующий год в сторону уменьшения, и в 1999 г. РК выплатила 330 млн долл. – на 16,5 % меньше показателя предыдущего года. Стороны договорились о том, что объем вклада РК на совместную оборону должен отражать ее реальную платежеспособность, поэтому метод расчета на 2000–2001 гг. был изменен и привязан к показателям роста ВВП и потребительской инфляции. Так, согласно расчетам, в 2000 г. доля РК в затратах на совместную оборону была увеличена на 7–9 % относительно показателя предыдущего года (вместо жестко установленного ранее уровня 10 %)³.

Политика по развитию ВС и военного потенциала государства при Ким Тэджуне проходила под лозунгами «новая оборона XXI в.» и «передовая и элитная оборона», сущность которых была связана с развитием высоких технологий в ВС, информатизацией, а также инновативным мышлением и адаптацией к международным вызовам современности⁴. В целом военная политика РК Ким Тэджуна была сформулирована в пяти принципах:

1. Обеспечение национальной обороны путем осуществления сдерживания провокаций противника и реагирования на внешнюю агрессию;

2. Строительство «передовой и элитной обороны» путем создания технологичных вооружений, рационализации управления,

¹ 2001 Defense White Paper. Seoul, 2001. P. 7.

² 국방백서 1999. Указ. соч. С. 61.

³ Там же. С. 86

⁴ 2001 Defense White Paper. Op. cit. P. 10.

сокращения численности ВС и информатизации национальной обороны;

3. Военная поддержка процесса мирного объединения Кореи, укрепление взаимного военного доверия между РК и КНДР;

4. Укрепление альянса США–РК, диверсификация военно-политического сотрудничества с партнерами в АТР, участие в миротворческих миссиях ООН;

5. Развитие «армии, единой с народом» – создание всесторонней системы национальной безопасности, объединяющей военные и гражданские части общества в гармоничное целое, участие ВС в противодействии невоенным угрозам (стихийные бедствия, терроризм и др.)¹.

Создание «передовых и элитных» ВС, несомненно, требовало модернизации и закупки современных систем вооружений. Военный бюджет Сеула продолжал расти, и в 2001 г. его объем составлял 15,3 трлн вон (15,5 % государственного бюджета и около 2,8 % от ВВП)². Согласно Среднесрочному плану обороны на 2002–2006 гг., суммарный объем военного бюджета на этот период должен составлять 91,9 трлн вон, 37 % которого (34,5 трлн вон) предназначалось для проектов совершенствования сил и средств ВС³. К числу наиболее значимых из таковых можно отнести производство 155-мм САУ K9, строительство новых эсминцев KDX-II типа «Чхунмугон Ли Сунсин» и сверхзвуковых учебно-боевых реактивных самолетов T-50⁴. Было также запланировано проведение долгосрочных перспективных НИОКР по созданию таких систем вооружений, как ракета «земля – воздух» проекта SAM-X, эсминец с управляемым ракетным оружием KDX-III, истребитель поколения 4++ F-X с ориентировочным суммарным объемом финансирования 8 трлн вон на срок около 10 лет. К 1999 г. затраты на проведение военных НИОКР достигли 5 % военного бюджета, и была поставлена долгосрочная цель увеличить этот показатель до 10 % к 2015 г.⁵

¹ 1998–2002 국방정책. 서울, 2002 (Военная политика 1998–2002 гг. Сеул, 2002). С. 26–27.

² 2001 Defense White Paper. Op. cit. P. 29.

³ Ibid. P. 28.

⁴ Ibid. P. 34.

⁵ 국방백서 1999. Указ. соч. С. 114.

Политика закупок вооружений была направлена на диверсификацию цепочек поставок импортных вооружений и каналов военнотехнического сотрудничества. Ким Тэчжун продолжил внедрение автоматизированных технологий непрерывной системы поставок и жизненного цикла вооружений и военной техники CALS путем создания интегрированных баз данных, систем управления ресурсами в различных функциональных областях (например, информационная система медицинского обеспечения) с целью добиться полного внедрения CALS в военной сфере к 2010 г.¹ Продолжалась поддержка участия частных компаний в военных проектах, в 1999 г. объем государственного Фонда развития военной промышленности составил 35,5 млрд вон, предназначенных для 34 компаний, а 25 % этих средств были определены на разработки предприятий малого и среднего бизнеса². Президент Ким Тэджун также был нацелен на локализацию передовых военных технологий. Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., пришедшийся на срок Ким Тэджуна, вынудил правительство РК предпринять усилия по реструктуризации национальной промышленности, в том числе и военной. Преобразования затронули торговлю вооружениями – был частично ограничен или поставлен под контроль импорт техники и технологий. Согласно Белой книге обороны 1998 г., основными целями военной политики Ким Тэджуна являлось использование локализованных вооружений, реструктуризация военной промышленности и развитие ее технологического потенциала и конкурентоспособности³.

Ким Тэчжун охарактеризовал XXI в. как эру глобализации, цифровизации и технологий, основанных на знаниях, обладание которыми важнее обладания физическими ресурсами⁴. В этой связи важное место в реформе Ким Тэджуна по построению «передовых и элитных» ВС занимали инициативы по информатизации и цифровизации. XXI в. В их число входили открытие подразделений по противодействию кибер-терроризму, открытие

¹ Там же. С. 124–125.

² Там же. С. 115.

³ 국방백서 1998. 서울, 1998 (Белая книга обороны 1998 г. Сеул, 1998). С. 52–53.

⁴ 김대중. 2000년 새천년 신년사 (새천년 새희망) // 대통령기록관 (Ким, Тэчжун. Новогоднее обращение 2000 г. («Новое тысячелетие, новая надежда»)) // Президентский архив Республики Корея). URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1308855

«Информационного центра оборонного бизнеса», активное внедрение технологий спутниковых коммуникаций, беспроводных локальных сетей, переносных терминалов и т. д. Отдельное внимание было отведено подготовке кадров в области информационной безопасности – в ВС было открыто 177 учебных компьютерных центров на уровне дивизии и бригады и свыше 1,6 тыс. на уровне батальона. К ноябрю 2001 г. около 194 тыс. военнослужащих прошли обучение в них, приобретя квалификацию техника по информационным системам¹.

К числу направлений военной политики Ким Тэчжуна необходимо также отнести реформу военной судебной системы. Прежде всего, была преобразована организация военной судебной системы посредством разделения прокурорской и судебной деятельности, которые отдельно стали выполнять новые органы Служба военных прокуроров при Министерстве обороны и Верховный военный суд. Каждый из двух органов имел достаточно большие полномочия и ряд нижестоящих ведомств в рамках своих функциональных обязанностей и подчинялся министру обороны, чем обуславливалась независимость их работы друг от друга². По этому же принципу были реорганизованы судебные органы каждого из родов войск. Кроме того, в ВС было создано 50 военных судов при подразделениях уровня дивизии с целью сократить транспортные издержки во время судебных процессов и более оперативно осуществлять защиту прав военнослужащих. В декабре 2000 г. были внесены поправки в закон «О назначении военных юристов», улучшившие условия их труда и расширившие возможности для зарубежных стажировок³, однако вместе с тем был усложнен порядок экзаменации военных юристов, вследствие чего с 2001 г. квалификации военных судей, прокуроров и адвокатов стали ежегодно получать около 25 чел. (вместо ранее принятого порядка проведения экзамена раз в два года с выпуском около 40–50 чел.)⁴.

¹ 2001 Defense White Paper. Op. cit. P. 37.

² 1998–2002 국방정책. Указ. соч. С. 120–121.

³ 군법무관임용등에관한법률 // 국가법령정보센터 (Закон «О назначении военных юристов» // Информационный центр законодательства Республики Корея). URL: <https://law.go.kr/lslInfoP.do?lsiSeq=49762&ancYd=20001226&ancNo=06291&efYd=20010327&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>

⁴ 1998–2002 국방정책. Указ. соч. С. 121.

Среди других направлений военной реформы Ким Тэджун можно назвать интеграцию военных высших учебных заведений РК, реструктуризацию и укрупнение командной структуры каждого из родов войск, интеграцию военных госпиталей. Однако эти усилия были реализованы лишь частично, например, расформирование штабов 1-й и 3-ей армий ВС РК и создание Оперативного командования сухопутных сил, наряду с роспуском Спортивного корпуса ВС РК и Академии среднего медицинского персонала ВС РК не удалось осуществить ввиду отсутствия административной и бюджетной поддержки. Также при Ким Тэджуне в 2001 г. РК удалось согласовать с США первую редакцию договоренностей 1979 г. об ограничении дальности действия южнокорейских баллистических ракет – потолок разрешенной дальности действия был повышен с уровня 180 до 300 км (масса разрешенной полезной нагрузки осталась на прежнем уровне)¹.

Военная реформа Ким Тэджун мыслилась как масштабное преобразование ВС и Министерства обороны в контексте общей административной реформы государства, однако в силу организационных и бюджетных ограничений, вызванных финансовым кризисом 1997–1998-х гг., амбициозные планы не были осуществлены, а созданный Комитет по военной реформе смог вести свою работу лишь в качестве консультативного органа при Министерстве обороны.

Подводя итог проведенному исследованию, можно заключить, что после учреждения VI Республики в 1988 г. произошло существенное изменение основ южнокорейской военной политики – ослабление роли военных в политической жизни Кореи, формирование более технологичных и компактных ВС. При президентах Ро Дэу (1988–1993) и Ким Ёнсаме (1993–1998) произошло реформирование, которое позволило перераспределить контроль над ВС в пользу увеличения роли гражданского правительства. Так, Ро Дэу в 1990 г. инициировал План «818» с целью перераспределения ролей между Объединенным комитетом начальников штабов и родами войск. Эта реформа предполагала передачу больших полномочий ОКНШ, в ведение которого фактически перешел контроль над ВС государства по всем принципиальным вопросам. Иными словами, личная власть верховного главнокомандующего и командиров родов

¹ Pinkston, D. Op. cit.

войск стала частично ограничена решениями относительно демократичного института – ОКНШ¹. При Ким Ёнсаме курс на усиление гражданского контроля был продолжен, и в соответствии с концепцией «синхангук» («новая Корея»), предполагавшей «оздоровление» корейского общества (в т. ч. борьбу с коррупцией и переосмысление роли военных в политической жизни страны), ему удалось законодательным способом установить контроль над военными со стороны парламента и правительства. По заявлению Ким Ёнсама, «удалось ликвидировать остатки военной культуры прошлого и вернуть корейскому народу Голубой дом, разрушив внутренние покои, бывшие колыбелью лавирования и закулисной политики»². Опираясь на Конституцию, президент сумел законодательно обеспечить прочный контроль над всеми армейскими и силовыми структурами как со стороны парламента, так и со стороны исполнительной власти³. Президент Ким Тэджун продолжил общее направление военной реформы Ким Ёнсама, реализовав, в частности, ряд начинаний по реформированию военной судебной системы. Однако в силу организационных и бюджетных ограничений, вызванных финансовым кризисом 1997–1998-х гг., не все планы удалось осуществить в полной мере.

2.2. Модернизация вооруженных сил при президентах Но Мухёне, Ли Мёнбаке и Пак Кынхе (2003–2017)

С избранием Но Мухёна на пост президента РК (2003–2008) к власти пришло левополиберальное «правительство участия» (кор. чамъё чонбу), во внешней политике ориентировавшееся на продолжение мирного диалога с Северной Кореей и снижение зависимости от военно-политического сотрудничества с США. «Правительство участия» провозгласило политику «мира и процветания»

¹ Chun, In-bum. Korean Defense Reform: History and Challenges // Brookings Institution. 2017. URL: <https://www.brookings.edu/research/korean-defense-reform-history-and-challenges/>

² 김영삼. 1993년 국정평가보고회의 // 대통령기록관 (Ким Ёнсам. Речь на отчетном собрании по оценке политики правительства 1993 г. // Президентский архив Республики Корея). URL: https://pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1307927

³ Толстокулаков, И.А. Политическая реформа Ким Ёнсама и вооруженные силы Южной Кореи. Россия и АТР. 2005. № 3. С. 155–161.

на Корейском полуострове, ориентированную на разрешение международных проблем через диалог, взаимное доверие, сотрудничество Северной и Южной Кореи на основе принципа автономии сторон, реализация политики в созвучии с мнением общественности¹. В 2007 г. Но Мухён провел встречу с лидером КНДР Ким Чениром, результатом которой стало подписание Декларации во имя развития межкорейских отношений, мира и процветания. Администрация Но Мухёна выработала концепцию трех фаз развития диалога по упрочению взаимного военного доверия между Севером и Югом:

1. Создание благоприятной атмосферы для диалога путем прекращения взаимного осуждения, клеветы и враждебных действий;
2. Создание институциональных механизмов по укреплению взаимного военного доверия и урегулирования вооруженных инцидентов;
3. Осуществление совместного контроля над военными маневрами и определение верификационных механизмов, таких как взаимные уведомления о проведении военных учений и иных маневров, совместные инспекции и др².

Несмотря на то, что в ходе реализации политики «мира и процветания» удалось добиться ряда успехов – установление систем связи между военными ведомствами двух государств, развитие туристического проекта Кымгансан и Кэсонского промышленного комплекса³ – вместе с тем не получилось достичь существенного ослабления военно-политической напряженности между Сеулом и Пхеньяном. На фоне проведения шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова, КНДР не отказывалась от проведения военной ядерной программы и в 2006 г. провела первое испытание ядерного оружия. Кроме того, по оценке Министерства обороны РК, КНДР усилила боеготовность своих ВС и, начиная с марта 2003 г., инициировала большое количество провокаций в водном и воздушном пространстве РК в качестве реакции поддержку Сеулом американской военной операции в Ираке. В Белой книге обороны 2003 г. также отмечалось наличие у КНДР от 2,5 до 5 т биологического оружия разных типов,

¹ Participatory Government Defense Policy. Seoul, 2003. P. 32.

² Participatory Government Defense Policy. Op. cit. P. 110–111

³ Ким, Н.Н. Президент Но Мухён (2003–2008): в поисках новых путей развития Республики Корея. М., 2022. С. 154

включая патогены сибирской язвы и холеры. Размещение более 70 % сухопутных сил к югу от линии Пхеньян-Вонсан и ракетных комплексов «Хвасон-5», «Хвасон-6» (дальность действия до 500 км), «Нодон-1» (дальность действия до 1300 км) в близости к ДМЗ, также называлось одним из факторов военной угрозы со стороны Северной Кореи¹.

Политика РК в отношении США в целом была направлена на укрепление двустороннего альянса, несмотря на попытки сократить масштабы военно-политической интеграции и некоторое охлаждение отношений после инцидента на трассе Янчжу в 2002 г., когда танковый мостоукладчик ВС США, передвигаясь по дороге общего пользования, насмерть сбил двоих южнокорейских школьников. Данное происшествие усилило антиамериканские настроения в обществе и значительно повлияло на предвыборную риторику Но Мухёна². Тем не менее, в первый год президентства Но Мухён объявил о поддержке Южной Кореей военной операции США в Ираке³, отправив контингент ВС РК численностью 3 тыс. чел. в составе «коалиции волевых стран». В качестве причин решения выделить войска, несмотря на серьезную критику, были названы обязательства перед союзником, в свое время пожертвовавшего 140 тыс. своих солдат в ходе Корейской войны, необходимость осуществить вклад в укрепление глобальной безопасности и поддержка режима нераспространения ядерного оружия, а также экономические факторы – защита интересов энергетической безопасности РК (97 % энергоресурсов РК получала от иностранных партнеров, из них 77 % приходилось на государства Ближнего Востока) и участие в масштабных послевоенных проектах реконструкции⁴. Южнокорейская дивизия «Зайтун» была размещена в Ираке с 2004 по 2008 г. и выполняла задачи по реконструкции, санитарной и медицинской помощи, помощи местным властям в охране правопорядка и т. д. Численность дивизии составляла ок.

¹ Participatory Government Defense Policy. Op. cit. P. 27.

² Асмолов, К.В. Указ. соч. С. 277.

³ 노무현. 이라크 파병부대 신고 및 환송식 치사, 28.04.2003 // 대통령기록관 (Но, Мухён. Речь на торжественной церемонии отправки войск в Ирак, 28.04.2003 // Президентский архив Республики Корея). URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1309374

⁴ Participatory Government Defense Policy. Op. cit. P. 106.

3,6 тыс. чел. и на ротационной основе службу в этом подразделении проходили более 13 тыс. южнокорейских военнослужащих в год¹.

Вместе с этим, США и РК продолжали придерживаться плана на снижение численности военного контингента США, размещенного в РК. Союзники согласовали поэтапное сокращение численности с 37,5 тыс. чел. в 2003 г. до около 25 тыс. чел. к 2008 г. – реализация этих сокращений была ранее запланирована в 1990-е гг., однако процесс был приостановлен на фоне обострения ядерной проблемы на полуострове. Учитывая перспективу сокращений ВС США в РК и размещение южнокорейского контингента в Ираке, Сеул и Вашингтон договорились о небольшом сокращении вклада РК в расходы на совместную оборону. На двухлетний период 2006–2007 гг. доля РК составила 680 млрд вон (около 340 млрд вон в год), а на период 2007–2008 гг. – 725,5 млрд вон². Доля РК выплачивалась в вонх с целью обеспечения стабильности государственного бюджета и учитывала показатели потребительской инфляции.

Общий вектор военной политики РК при президенте Но Мухёне проходил под лозунгом построения «кооперативной самостоятельной обороны», который отсылал к одноименному политическому курсу Пак Чонхи. Под ним Но Мухёном понималась способность РК самостоятельно осуществлять сдерживание КНДР при дополнительном вкладе альянса США-РК и развитии сотрудничества с соседними странами. Для достижения такой способности РК требовалось не только иметь военное превосходство над КНДР и осуществлять более эффективное управление ВС, но и расширить роль ВС РК в обеспечении безопасности Корейского полуострова по отношению к роли ВС США³. Главной целью Но Мухёна в этой связи являлось обеспечение передачи РК права оперативного командования над собственными ВС в военное время, которое принадлежало Объединенному командованию РК–США с американским генералом во главе. Союзникам удалось договориться в октябре 2006 г. о полном завершении процесса передачи оперативного командования к марту 2012 г. путем реформы этого органа и создание нового

¹ Ibid. P. 122.

² 2006 Defense White Paper. Seoul, 2006. P. 105.

³ Participatory Government Defense Policy. Op. cit. P. 33.

объединенного командования, в котором руководящую роль должен занять представитель Южной Кореи¹.

Целью среднесрочных проектов НИОКР в рамках строительства «кооперативной самостоятельной обороны» было объявлено достижение уровня ведущих государств мира в развитии высокотехнологичных вооружений, а долгосрочных – обеспечение независимых разработок высокотехнологичного оружия². Было выделено шесть приоритетных направлений в военных НИОКР: управление войсками, коммуникации и радиоэлектронная борьба, наблюдение и разведка, высокоточное оружие, новые технологии и развитие беспилотных систем для армии, авиации и флота.

Упомянутая выше концепция «кооперативной самостоятельной обороны» была разработана Но Мухёном для того, чтобы отойти от привычной модели южнокорейской военной политики, ориентированной на тесное сотрудничество с США в рамках военного альянса. «Кооперативная самостоятельная оборона» же означала, с одной стороны, то, что РК берет на себя ответственность за сдерживание вооруженных конфликтов и самостоятельно поддерживает свою обороноспособность, а с другой – что РК продолжает сотрудничество с США, одновременно выстраивая партнерские отношения по вопросам обороны с другими странами. Этот компромисс между сохранением связей с Вашингтоном как главным военным союзником РК и стремлением повысить собственную военно-политическую самостоятельность входил в противоречие с позиционированием США своей роли в глобальной системе безопасности. Для США был важен концепт «стратегической гибкости», предполагавший, в том числе, и свободное движение военного контингента через союзные страны. Это вызывало обеспокоенность Сеула, наладившего экономические связи с Пекином и одновременно пребывавшего в напряженных отношениях с Токио – маневры США могли бы вовлечь РК в нежелательную для последней потенциальную конфронтацию в регионе. Например, возможный кризис в Тайваньском проливе и военное столкновение Китая и США не удовлетворяли интересам

¹ 2006 Defense White Paper. Op. cit. P. 103.

² 박민형. 자주국방과 안보경제: 박정희, 노무현 정부를 중심으로 // 한국정치외교사논총 (Пак Минхён. «Самостоятельная оборона» и экономика безопасности: взгляд на администрацию президентов Пак Чонхи и Но Мухёна // Журнал истории корейской политики и дипломатии). 2017. Т. 38, № 2. С. 141–173.

РК в регионе. Похожие опасения вызывало и участие РК в иракской кампании, которая могла обернуться для Сеула большими издержками, чем это предполагалось изначально.

Неотъемлемой частью концепции «самостоятельной обороны» являлось проведение военной реформы. Администрация Но Мухёна провела работу по анализу ошибок военной реформы предыдущей администрации, и разработка нового плана военной реформы была поручена новому органу – Президентскому комитету по развитию обороны, помощь которому оказывал Комитет по военной реформе, созданный при Министерстве обороны. В результате Но Мухён объявил о проведении «военной реформы 2020», которая была сконцентрирована в рамках следующих направлений.

1. Управление человеческими ресурсами. Создание сбалансированной структуры родов и видов войск, званий и установления сроков службы с учетом этих изменений, обеспечение равномерного распределения военнослужащих в Министерстве обороны, ОКНШ и объединенных подразделениях. Развитие прозрачной системы подготовки военных специалистов и присвоения званий на основе открытой конкуренции в соответствии с разработанными Министерством обороны инструкциями. Увеличение количества женщин-военнослужащих до уровня 5 % от всех военных РК к 2020 г. Сокращение численности ВС с 681 тыс. чел. в 2005 г. до 500 тыс. чел. к 2020 г. в свете стабильного снижения уровня рождаемости.

2. Реорганизация ВС и Министерства обороны. Ликвидация неосновных высших должностных позиций в ОКНШ, обеспечение справедливого назначения должностных лиц, представляющих все рода войск, введение парламентских слушаний по вопросу назначения председателя ОКНШ. Усиление функций Министерства обороны по планированию и выработке политических решений. Увеличение доли гражданских служащих в Министерстве обороны до 70 % с целью повышения эффективности работы бюрократического аппарата Министерства.

3. Совершенствование системы военной службы и подготовки резервистов. Сокращение срока военной службы на 2 месяца. Сокращение численности проходящих альтернативную гражданскую службу (около 66 тыс. чел. по состоянию на 2003 г.), восполнение нехватки действующего личного состава ВС за счет призыва части резервистов на действительную военную службу в целях компенсации негативных демографических трендов. Улучшение социальных

условий службы срочников и резервистов, совершенствование порядка мобилизационной подготовки резервистов.

4. Судебная реформа. Создание Министерством обороны пула квалифицированных военных судей, независимых от командования местного уровня. Совершенствование системы подготовки и отбора военных юристов. Обеспечение невмешательства командующих в судебные процессы в их подразделениях.

5. Развитие военного потенциала. Создание Совета по развитию и закупкам, отвечающего за принятие решений по проектам совершенствования сил и средств (определение основных проектов, отбор конкретных моделей, определение исполнителей заказов) с целью обеспечения «открытой системы принятия решений» в области военных закупок¹. Создание Управления программ оборонных закупок (англ. Defense Acquisition Program Administration, DAPA) для обеспечения прозрачности сделок по торговле вооружениями и военной техникой, искоренения коррупции и поддержки конкурентоспособности игроков на рынке продукции военного назначения.

Значительная часть этих инициатив имела долгосрочный характер и не могла быть реализована за срок президентских полномочий Но Мухёна (а многие из предложений реформы, такие как сокращение численности ВС и сокращение срока службы по призыву позже нашли продолжение в военной реформе президента Мун Джэина). Кроме того, в Белых книгах обороны отмечалась недостаточность финансирования развития военного потенциала и социальных программ в ВС. Военный бюджет на 2003 г. составлял 17,4 трлн вон (15,6 % государственного бюджета и 2,7 % ВВП), из которых 5,7 трлн вон приходилось на проекты по совершенствованию вооружений и военной техники². По оценкам Министерства обороны, объем необходимого военного бюджета должен достичь 137 трлн вон (3,2–3,5 % от ВВП) на период 2004–2008 гг., а на развитие и закупку ключевых образцов вооружений и технологий необходимо было выделить 55 трлн вон на этот же срок. Однако по итогам президентского срока Но Мухёна суммарный объем военного бюджета составил лишь 113 трлн вон (примерно 2,3–2,4 % от ВВП). Это обстоятельство обусловило продление сроков по реализации таких проектов, как строительство модернизированных

¹ Participatory Government Defense Policy. Op. cit. P. 119–140.

² Participatory Government Defense Policy. Op. cit. P. 153.

основных боевых танков K1A1, 155-мм САУ (самоходных артиллерийских установок) нового образца, истребителей F-15K, авиационного комплекса радиообнаружения и наведения, подводных лодок водоизмещением 1800 т, эсминцев, оснащенных БИУС (боевой информационно-управляющей системой) Aegis¹.

Разработка основных идей «Военной реформы 2020» происходила в контексте роста влияния Китая и Японии в регионе, что вызывало необходимость в равномерном и всестороннем развитии всех родов войск – армии, авиации и флота, что в случае РК означало отход от традиционной модели ВС, ориентированных на ведение сухопутной войны. Что касается сокращения численности уровня ВС РК, его предполагалось реализовать в несколько этапов с уровня в 650 тыс. чел. до уровня 560 тыс. чел. к 2015 г., а затем – до уровня 500 тыс. чел. к 2020 г. Планировалось также и сократить срок обязательной службы по призыву с 24 до 18 месяцев. С точки зрения распределения численности воинского контингента между родами войск, предполагаемая к 2020 г. пропорция должна была быть установлена следующим образом: 74,2 % – сухопутные силы, 8,2 % – ВМС, 13 % – ВВС, 4,6 % – морская пехота. Помимо солдат срочной службы, около 40 % личного состава всех ВС страны к 2020 г. планировалось составить из служащих по контракту.

Реформа Но Мухёна предполагала и развитие резервных войск, которые должны были быть укомплектованы новым оборудованием, а также пройти более тщательные учения. Функции береговой охраны планировалось передать полиции для того, чтобы позволить военным сосредоточиться на их основных служебных задачах. Среди других важных инициатив – «огражданствление» Министерства обороны и ВС РК путем повышения доли гражданских служащих с 20 до 70 %.

Несмотря на то, что большая часть нововведений Но Мухёна была направлена на либерализацию военной политики, процесса управления ВС и воинской службы, стоит отметить, что преобразования лишь способствовали развитию наступательного потенциала РК. Добиться этого было возможно за счет совершенствования организационной структуры ВС: например, сокращение численности служащих в ВМС, сопровождаемое созданием командования

¹ 2006 Defense White Paper. Op. cit. P. 174.

подводного флота и командования морской авиации, значительно повышало мобильность и атакующую силу морских подразделений. Изменение командной структуры сил морской пехоты дало возможность совершать операции по десантированию на уровне бригады (2–3 тыс. чел.). В ВВС было сформировано Северное командование, установлено соотношение между введенной в эксплуатацию высокопроизводительной (400 ед.) и низкопроизводительной (500 ед.) авиацией, введена технология дозаправки в воздухе. Резервные войска прошли более углубленные учения и получили новую технику и оборудование, а их численность – сокращена с 3 млн чел. до 1,5 млн чел¹.

В качестве основных целей военной политики президента Ли Мёнбака (2008–2013) были объявлены поддержка мира и стабильности на Корейском полуострове посредством развития межкорейского сотрудничества и осуществления сдерживания военных угроз; обеспечение безопасности общества и национального благосостояния от различных угроз безопасности, включая экономические; укрепление международного статуса РК при помощи реализации стратегии мягкой силы².

Для достижения этих целей было необходимо построение «передовой и элитной обороны», видение которой было сформулировано в 8 направлениях:

1. *Обеспечение всеобъемлющей обороноспособности.* Предотвращение любых военных провокаций и одержание победы в случае возникновения вооруженных конфликтов. Поддержание морального духа военнослужащих.

2. *Креативное развитие альянса США–РК.* Развитие отношений в рамках альянса на базе общих ценностей в разных сферах, включая экономику и культуру.

3. *Развитие передового военного потенциала.* Развитие интегрированных ВС, внедрение информационных технологий, основанных на знаниях (англ. knowledge-based technology).

4. *Военная поддержка новой мирной структуры Корейского полуострова.* Обеспечение военной поддержки межкорейских обменов и сотрудничества, выработка креативных стратегий

¹ Han, Young-sub. Robust Defense Policy of ROK // South Korea's 70-Year Endeavor for Foreign Policy, National Defense, and Unification. L., 2019. P. 230.

² Defense White Paper 2008. Seoul, 2008. P. 45.

по смягчению военного напряжения и созданию атмосферы взаимного доверия.

5. *Развитие профессиональных ВС, преданно выполняющих свою роль.* Укрепление способности ВС отвечать на вызовы настоящего и будущего, устранение ненужных бюрократических практик, создание технологичного процесса управления человеческими ресурсами.

6. *Развитие передовой и прагматичной модели управления ВС.* Развитие Министерства обороны как централизованного органа управления ВС в небоевых вопросах с тем, чтобы военнослужащие могли сконцентрироваться на выполнении боевых задач. Совершенствование логистических и управленческих процессов.

7. *Улучшение качества жизни.* Создание необходимой инфраструктуры, релокация и интеграция казарменных помещений. Совершенствование системы здравоохранения и социального обеспечения в ВС.

8. *ВС, служащие народу.* Создание имиджа военнослужащего как «гражданина в униформе». Участие ВС в реагировании на стихийные бедствия и т. д.¹

В период президентства Ли Мёнбака произошло значительное обострение военной обстановки на Корейском полуострове. 26 марта 2010 г. возле о. Пэннёндо в Желтом море затонул корвет южнокорейских ВМС «Чхонан», по наиболее распространенной версии – вследствие торпедирования подводной лодкой ВМС КНДР. 23 ноября 2010 г. артиллерийские орудия КНДР совершили обстрел южнокорейского о. Ёнпхёндо в ответ на проводимые ВС РК учения на побережье Желтого моря. Эти инциденты вызвали ухудшение межкорейских отношений и стали причиной корректировки положений военной политики РК, объявленных ранее в стратегических документах². Так, к приоритетам национальной обороны, обозначенных в Белых книгах обороны, добавилось повышение боеготовности и предотвращение инфильтраций и локальных военных инцидентов, немедленное и решительное пресечение провокаций противника.

¹ Defense White Paper 2008. Op. cit. P. 49–53.

² 이명박. 제63주년 국군의 날 기념사, 2010.10.01 // 대통령기록관 (Ли, Мёнбак. Речь по случаю 63-го Дня вооруженных сил Республики Корея // Президентский архив Республики Корея). URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1330481

В рамках мероприятий по повышению боеготовности 15 июня 2011 г. было учреждено Командование северо-западных островов, усилено патрулирование островных территорий (в районе Северной разграничительной линии, о-вов Марадо и Токто), укреплены возможности по осуществлению противолодочной борьбы, высокоточного наблюдения и т.д.¹.

В отношениях с Вашингтоном Сеул придерживался курса на углубление сотрудничества в рамках двустороннего альянса. В 2009 г. союзники приняли документ под названием «Совместное видение альянса Республики Корея и Соединенных Штатов Америки», в котором была обозначена цель по созданию «глобального всеобъемлющего альянса». Под этим понималась более сложная и разносторонняя форма отношений в рамках альянса, включающая совместное противодействие транснациональным и невоенным угрозам, а также взаимодействие в области защиты прав человека, развития рыночной экономики, дипломатии и культуры². В 2012 г. по согласованию с США правительство Ли Мёнбака добилось второго пересмотра двусторонних ракетных договоренностей. На этот раз удалось значительно расширить рамки ограничений, введя несколько категорий параметров разрабатываемого ракетного оружия. Так, с 2012 г. РК получила возможность создавать баллистические ракеты с дальностью действия 800 км с полезной нагрузкой 500 кг, ракеты дальностью 500 км и полезной нагрузкой в 1 т, а также ракеты дальностью 300 км с массой полезной нагрузки в 2 т³. Таким образом, спустя более трех десятилетий существования соглашений, лимит массы полезной нагрузки баллистических ракет РК был увеличен вчетверо. В 2015 г. Сеул провел успешный запуск ракеты «Хёнму-2» дальностью действия 500 км с массой снаряда в головной части в 1 т.

Также в период администрации Ли Мёнбака РК принимала активное участие в миротворческих миссиях ООН: участие корпуса «Тонмён» в гражданской войне в Ливане в 2007 г. в составе Временной коалиции ООН, размещение корпуса «Танби» в Гаити

¹ Defense White Paper 2008. Op. cit. P. 58.

² 2012 Defense White Paper. Seoul, 2012. P. 74.

³ Choe, Sang-Hun. U.S. Agrees to Let South Korea Extend Range of Ballistic Missiles // The New York Times. 2012. Oct. 7. URL: https://www.nytimes.com/2012/10/08/world/asia/us-agrees-to-let-south-korea-extend-missile-range.html?_r=3&

в октябре 2010 г. в рамках гуманитарной миссии по восстановлению после мощного землетрясения, участие корпуса «Ханбит» в постконфликтном урегулировании в Южном Судане в январе 2013 г.¹ Офицерский состав и наблюдатели от РК отправлялись по линии ООН также и в Индию, Пакистан, Ливан, Южный Судан, Гаити и Западную Сахару – районы, пострадавшие от стихийных бедствий или вооруженных конфликтов.

На саммите Ли Мёнбака и президента США Б. Обамы 26 июня 2010 г. стороны договорились о переносе даты передачи оперативного командования над ВС РК в военное время. Согласно достигнутому при Но Мухёне договоренностям, передача должна была состояться в 2012 г., однако союзники перенесли крайний срок на 2015 г., посчитав, что обстановка на Корейском полуострове является нестабильной на фоне гибели корвета «Чхонан» и сведений об ухудшающемся здоровье лидера КНДР Ким Ченира (умершего годом позже)². К числу других договоренностей, сделанных Сеулом и Вашингтоном, можно отнести очередную сделку по распределению совместных расходов на оборону. С учетом инфляции и при условии, что ежегодный рост доли РК не должен превышать 4 %, суммарный объем вложений РК в 2011 г. составил 812,5 млрд вон, в 2012 г. – 836,1 млрд вон. Для обеспечения прозрачности выплат, указанные средства шли на финансирование проектов логистической поддержки ВС США в РК, оплату труда и программы Министерства обороны США MILCON (англ. military construction) по строительству объектов военного назначения³.

«План военной реформы 2020» Но Мухёна был подвергнут критике в период президентства Ли Мёнбака как предлагавший нереалистичные цели и основанный на допущении, что потепление межкорейских отношений в начале 2000-х гг. приведет к снижению актуальности угрозы со стороны КНДР, в то время как Северная Корея совершила ряд вооруженных провокаций и провела первое ядерное

¹ Халиков, Н.Ф. Вооруженные силы Республики Корея в зарубежных вооруженных конфликтах и миротворческих миссиях ООН // Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии: докл., представленные на IV междунар. конф. молодых востоковедов в ИДВ РАН. М., 2017. С. 303–309.

² 2012 Defense White Paper. Op. cit. P. 83.

³ 2012 Defense White Paper. Op. cit. P. 79.

испытание в 2006 г.¹ Несмотря на определенные внешнеполитические успехи, курс предшественников был осужден Ли Мёнбаком, определившим первое десятилетие XXI в. как «потерянное десятилетие»². Другим важным фактором, повлиявшим на выработку военной политики РК в период Ли Мёнбака, стал мировой экономический кризис 2008 г., заставивший РК отказаться от инициатив, которые требовали больших бюджетных вливаний (в том числе, от подготовки передачи США южнокорейской стороне оперативного командования над ВС РК в военное время).

Учитывая эти условия, правительство РК подвергло переработке «План военной реформы 2020», провозгласив «Военную реформу 2012–2030 гг.», которая была направлена на совершенствование организационной структуры и процессов управления ВС. Реформа предполагала усиление роли ОКНШ путем введения должностей двух заместителей председателя этого органа с функциями осуществления оперативного командования в дополнение командования отдельных родов войск. Командование 1-й и 2-й армии ВС РК подлежало укрупнению и объединению в Командование сухопутных операций, в структуре ВВС выделялось новое Северное командование, а также преобразованы другие подразделения ВС в соответствии с долгосрочным вектором на сокращение численности ВС³. К концу президентского срока Ли Мёнбака удалось увеличить долю офицерского состава и сократить общую численность ВС до 636 тыс. чел. (с целью довести численность до 522 тыс. чел. к 2022 г.); пересмотреть структуру ОКНШ и штабов родов войск; совершить переход к стратегии «активного сдерживания» по отношению к КНДР и привести в боеготовность силы по сдерживанию локальных провокаций; завершить обновление казарменных помещений в ВС; начать подготовку женщин-офицеров запаса; обновить правила по повышению военнотружущих в званиях с целью обеспечения прозрачности новых назначений, и т.д.⁴.

¹ Chun, In-bum. Korean Defense Reform: History and Challenges // Brookings Institution. 2017. URL: <https://www.brookings.edu/research/korean-defense-reform-history-and-challenges/>

² Ли Мён Бак. Чудес не бывает. Сеул, 2009. С. 15.

³ Defense White Paper 2008. Op. cit. P. 102–106.

⁴ 2012 Defense White Paper. Op. cit. P. 143–134.

В контексте событий 2010–2011 гг. и связанной с ними переоценки северокорейской угрозы руководством РК, была поставлена цель реформирования высших эшелонов командования и управления ВС государства, в том числе и ОКНШ. Всего перед высшим военным руководством страны было выдвинуто 73 задачи, распределенных по трем категориям срока их выполнения: краткосрочные (на 2011–2012), среднесрочные (2013–2015) и долгосрочные (2016–2030). В отличие от концепции Но Мухёна, администрация Ли Мёнбака предложила расширить полномочия председателя ОКНШ, предоставив ему частичный контроль над управлением персоналом, процессом учений, логистическим обеспечением в дополнение к уже имеющемуся контролю над всеми родами войск. Состав ОКНШ было запланировано распределить между представителями родов войск в пропорции 2:1:1 – сухопутные силы, ВВС и ВМС соответственно. Кроме того, было запланировано сокращение общей численности генералов и адмиралов в ВС РК на 15 % – с 430 до 570 чел¹.

Кроме того, необходимо отметить и прогресс в области развития информационной инфраструктуры ВС. К 2014 г. был подготовлен запуск Интегрированного военного дата-центра, задачей которого являлась консолидация всех компьютерных центров, действующих в разных подразделениях ВС на разных уровнях для обеспечения стабильного использования информационной системы. Работа центра направлена на внедрение новых информационных технологий для защиты данных и предполагает использование высокопроизводительных серверов с низким энергопотреблением, «зеленых» IT-технологий в энергетических системах ВС (электроснабжение, отопление)². Внедрение новых технологий в области шифрования кода, приобретение и разработку нового программного обеспечения, поддержку коммуникаций и др. было предписано осуществлять на основе военного информационно-технического стандарта (англ. Defense Information Technical Standard, DITA) в целях обеспечения совместимости различных технологий, применяемых в разных областях.

В новой редакции военной реформы была скорректирована в сторону увеличения планируемая к 2020 г. численность ВС

¹ Han, Young-sub. Robust Defense Policy of ROK // South Korea's 70-Year Endeavor for Foreign Policy, National Defense, and Unification. L., 2019. P. 219–247.

² 2012 Defense White Paper. Op. cit. P. 172.

РК – 522 тыс. чел. вместо 500 тыс. В числе новинок было формирование киберкомандования в структуре ВС для противодействия киберугрозам со стороны Пхеньяна. Другим нововведением стало создание Командования северо-западных островов и выделение флота стратегического маневрирования в составе ВМС РК, что, очевидно, являлось ответом на инцидент с о. Ёнпхёндо, расположенном на северо-западном побережье Желтого моря¹. Характерной чертой военной политики Ли Мёнбака являлась опора на США и активное использование ресурсов и механизмов военно-политического альянса между двумя странами. Процесс сокращения численности ВС был приостановлен, также, как и сокращение срока службы в ВС РК до 18 месяцев, предложенное Но Мухёном – вместо этого, срок был сокращен лишь до 21 месяца.

Несмотря на то, что объем средств, выделенный на военные расходы, был сокращен, важную часть плана военной реформы Ли Мёнбака составили также технологическая модернизация ВС и проекты по созданию или приобретению новых вооружений и военных технологий. Акцент был поставлен на развитие противолодочной обороны (что, очевидно, было связано с осмыслением опыта гибели корвета «Чхонан» в 2010 г.), противодействие угрозам, связанным с применением оружия массового уничтожения, разработка собственных технологий нового поколения, включая программу по созданию южнокорейских истребителей KF-X, а также приобретение разведывательных беспилотных летательных аппаратов. Кроме того, важным приоритетом стало и противодействие асимметричным угрозам со стороны КНДР, в первую очередь – киберугрозы и операций сил специального назначения. В РК было создано киберкомандование с численностью служащих около 100 чел.

Для противодействия операциям специального назначения РК создала особые антитеррористические подразделения и приобрела новую технику, в том числе 38 вертолетов AH-64 Apache. С 2008 г. были запущены новые проекты по созданию приемных систем метеорологических спутников, модернизации РЛС контрбатарейной борьбы AN/TPQ-36, разработка ракет класса «воздух-поверхность», запускаемых вне зоны поражения ПВО (англ. Joint

¹ Hong, Kyudok. A South Korean Perspective on Dealing with North Korean Provocations: Challenges and Opportunities // Joint U.S.-Korea Academic Studies 2016. W., DC, 2016. P. 205–218.

Air-to-Surface Standoff Missile, JASSM), продолжались долгосрочные проекты строительства эсминцев AEGIS «Седжон Великий», подводных лодок типа «Чан Бого-II», учебно-боевого самолета Т-50, основного боевого танка К2 «Черная пантера», транспортного вертолета КUH-1 «Сурион», средневысотного БПЛА (беспилотного летательного аппарата) и др¹. Затраты на обновление сил и средств ВС составили 7,6 трлн вон в 2008 г., а общий военный бюджет на этот год составил 26,6 трлн вон. К 2012 г. объем военного бюджета РК вырос до 32,9 трлн вон, из которых 9,8 трлн вон пришлось на обновление сил и средств ВС².

В военно-политическом курсе РК в период администрации Пак Кынхе (2013–2017) прослеживалась ориентация на углубление сотрудничества с США. В Белой книге обороны 2014 г. отмечалась роль РК как «средней державы» в мировом порядке, возглавляемом США, подчеркивалась значимость таких угроз, как распространение оружия массового уничтожения, терроризма и киберугроз³. Администрация Пак Кынхе сформулировала три цели политики безопасности РК: обеспечение прочной национальной безопасности путем сдерживания провокаций и развития международного военно-политического сотрудничества с США и другими партнерами; развитие взаимного доверия между КНДР и РК без ущерба национальным интересам Сеула; развитие дипломатии, основанной на доверии для разрешения т. н. азиатского парадокса – ситуации, в которой уровень политического доверия и сотрудничества значительно отстает от степени экономической взаимозависимости стран АТР. В качестве инструмента разрешения этого парадокса правительство Пак Кынхе предложило «Инициативу мира и сотрудничества в Северо-Восточной Азии» (англ. Northeast Asia Peace and Cooperation Initiative, NAPCI), направленную на развитие многостороннего сотрудничества по вопросам противодействия изменению климата, наркоторговле, терроризму, киберугрозам и т. д.⁴. К целям

¹ Defense White Paper 2008. Op. cit. P. 109.

² 2012 Defense White Paper. Op. cit. P. 222–223.

³ 2014 Defense White Paper. Seoul, 2014. P. 8.

⁴ 박근혜. 청와대 학교 연설, 28.06.2013 // 대통령기록관 (Пак, Кынхе. Выступление в Университете Циньхуа, 28.06.2013 // Президентский архив Республики Корея). URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1400034

военной политики относились защита государства от внешних угроз и вторжений («северокорейский режим» и ВС КНДР прямо названы врагами как источники военных угроз); поддержка мирного объединения Кореи путем сдерживания войны и смягчения военной напряженности на Корейском полуострове; совершение вклада в региональную стабильность и глобальный мир посредством дружелюбной политики в отношении соседей, сотрудничества с США в рамках двустороннего альянса, участия в международных миротворческих операциях¹.

На основе трех базовых задач военной политики сформулированы 7 принципов развития ВС, проходившего под общим лозунгом «креативной обороны» – укрепления военной мощи государства путем объединения креативности, науки и технологий в военном управлении. Семь задач включали:

1. *Обеспечение прочной обороны;*
2. *Укрепление потенциала самостоятельной обороны, направленной в будущее;*
3. *Развитие альянса США-РК и укрепление военной дипломатии и сотрудничества;*
4. *Обеспечение военной готовности в соответствии с меняющимся характером межкорейских отношений;*
5. *Поддержку военной промышленности и инновационное управление ВС;*
6. *Создание атмосферы достоинства военной службы;*
7. *Выработку военной политики, основанной на уважении к народу.*

Согласно информации Министерства обороны, за период полномочий администрации Пак Кынхе удалось реализовать ряд мер во исполнение обозначенных задач: сократить численность ВС примерно на 15 тыс. чел. и увеличить долю офицерского и сержантского состава до 5,1 %; заключить соглашения между университетами и ВС по организации обучения сержантского состава действующих ВС и резерва; осуществить проекты по предотвращению распространения заболеваний в казармах, учредить интегрированный комитет по взаимодействию между государством, военными и обществом

¹ 2014 Defense White Paper. Op. cit. P. 39.

по вопросам здравоохранения; провести пилотное внедрение автоматизированных логистических систем в ВС и др¹.

В рамках совместной работы по развитию альянса США-РК была продолжена релокация военных баз США и возвращение РК земельных участков вследствие сокращения воинского контингента США в РК. Союзниками реализовывалось две программы по релокации гарнизона Ёнсан в Пхёнтхэк и баз 2-й пехотной дивизии из Тондучхона и Ыйджонбу в Пхёнтхэк. Всего к сентябрю 2014 г. РК был возвращен 51 участок и еще 29 были запланированы к передаче в будущем. РК и США согласовали очередную сделку по распределению расходов на совместную оборону, в соответствии с которой РК в 2014 г. осуществила выплату в объеме 920 млрд вон., большая часть этих средств ушла на строительство объектов для ВС США (45 %) и оплату труда южнокорейских работников ВС США (37 % от вложений РК на совместную оборону в 2014 г. и 75 % от зарплатного фонда южнокорейских работников ВС США)². Срок выполнения задачи по передаче оперативного командования над ВС РК в военное по договоренности между США и РК при Ли Мёнбаке был назначен на 2015 г., и этот вопрос предстояло решать уже администрации Пак Кынхе, подход которой к решению проблемы оперативного командования был основан не на сроках, а на выполнении определенных условий. Для успешной передачи оперативного командования РК, по замыслу администрации Пак Кынхе, необходимо было усовершенствовать C4ISR-характеристики ВС Южной Кореи (т. е. командование и контроль, компьютерные технологии, разведка и наблюдение), расширить боезапасы и модернизировать национальную систему противоракетной обороны.

К числу начинаний военной политики Пак Кынхе можно отнести укрепление системы противоракетной и противовоздушной обороны РК в свете прогресса ракетно-ядерной программы КНДР в 2010-х гг. В качестве важнейшего приоритета было обозначено завершение строительства системы ПВО/ПРО KAMD (англ. Korea Air and Missile Defense), в рамках которого было запланировано приобретение некоторых ключевых компонентов системы, включая БПЛА Global

¹ 2014 Defense White Paper. Op. cit. P. 83–84.

² Ibid. P. 119–120.

Нawk, ракеты «воздух-земля» средней и высокой дальности, управляемые авиабомбы и др¹.

Военный бюджет РК продолжал расти в абсолютных величинах, составив в 2014 г. 35,7 трлн вон. В относительных величинах объем военного бюджета сократился до уровня 14,4 % от государственного бюджета и 2,38 % от ВВП². 10,5 трлн вон в 2014 г. приходились на проекты по закупкам вооружений и военной техники. Помимо продолжающихся долгосрочных проектов, в 2013–2014 гг. было объявлено о производстве транспортно-заряжающей машины К-56, закупка ракет Patriot, строительство самолетов воздушной дозаправки, вертолетов морской авиации, эсминцев KDX–III второй серии (англ. batch II) и др³.

По результатам проведенного исследования можно заключить, что в период президентства Но Мухёна (2003–2008) усилилась тенденция к «либерализации» ВС. Но Мухён предложил план военной реформы до 2020 г., основными положениями которого стало формирование более компактных, технологичных и профессиональных ВС, способных отвечать современным вызовам безопасности. В центре инициативы стояло сокращение численности личного состава ВС (во многом – по демографическим причинам), увеличение доли гражданских служащих в армии, перераспределение ролей между родами войск с целью отхода от традиционной модели ВС, где ведущую роль играют сухопутные силы. Именно при Но Мухёне снова возобновляется дискурс «самостоятельной обороны», а развитие военного потенциала РК стало видеться не только средством сдерживания КНДР, но и элементом регионального баланса сил. Такое видение предполагало необходимость качественного скачка в военно-техническом развитии и, что более важно, укрепление самостоятельности военной политики. Как результат, именно Но Мухён возвращается к проблеме передачи оперативного командования над ВС в военное время обратно РК и ставит ее на более высокий и актуальный уровень.

Консервативные администрации Ли Мёнбака (2008–2013) и Пак Кынхе (2013–2017) подвергли пересмотру планы Но Мухёна, и основная ставка ими была сделана на укрепление

¹ 2014 Defense White Paper. Op. cit. P. 62.

² Ibid. P. 174.

³ Ibid. P. 93.

южнокорейско-американского альянса. Руководство страны приняло ряд шагов, направленных на укрепление системы сдерживания северо-корейской ракетно-ядерной угрозы, включая активную разработку трехуровневой системы противоракетной обороны. Бюджет на импорт военной техники был сокращен, вместо этого был сделан выбор в пользу увеличения численности ВС, не была также решена проблема возвращения Южной Кореи оперативного командования своими ВС, которое в военное время осуществляет США.

2.3. Новые угрозы в информационной сфере и становление национальной системы кибербезопасности в 1990–2010-х гг.

ПК является потенциальной целью для хакерских атак в силу высокого уровня информатизации общества, большого количества объектов интеллектуальной собственности и широкого использования мобильных устройств. По данным ресурса «Мировая статистика Интернета» (англ. Internet World Stats), количество интернет-пользователей в Южной Кореи составляет около 47 млн (92,7 % от общего населения страны), а число зарегистрированных пользователей социальной сети Facebook достигло 17 млн в 2017 г.¹ Кроме того, Южная Корея является мировым лидером по скорости интернет-соединения, будучи единственным государством, средняя скорость интернета в котором превысила порог в 25 Мбит/с и составляет 26,1 Мбит/с². Несмотря на то, что Южная Корея обладает высокоразвитыми информационными технологиями и активно осваивает интернет-пространство (став в 2005 г. первым в мире государством, полностью осуществившим переход от коммутируемого удаленного доступа в глобальную сеть к широкополосному), информационная инфраструктура страны остается весьма уязвимой перед кибератаками. Для защиты киберпространства была сформирована национальная система кибербезопасности, состоящая из большого количества взаимосвязанных организаций.

Одной из первых массовых кибератак, затронувших Южную Корею, стало распространение сетевого червя SQL Slammer

¹ Asia Internet Use, Population Data and Facebook Statistics – June 2017 // Internet World Stats. URL: <http://www.internetworldstats.com/stats3.htm#asia>.

² Akamai's Q4 2016 State of the Internet – Connectivity Reported. Cambridge, Massachusetts, 2016. P. 64.

в 2003 г., широко известное в корейских СМИ как «интернет-кризис 25 января». Червь парализовал серверы крупнейшего провайдера телекоммуникационных услуг KT Corporation (англ. Korea Telecom) примерно на девять часов, причинив ущерб размером 220 млрд вон (около 200 млн долл.) и заразив около 750 тыс. устройств¹. Данный инцидент является одним из самых крупных в истории РК, но уступает по масштабу таким известным интернет-червям тех времен, как Klez (от 9 млрд долл. ущерба и 7,2 % зараженных компьютеров по всему миру в 2002 г.) и ILOVEYOU (от 5,5 до 8,5 млрд долл. ущерба и заражение около 10 % устройств по всему миру в 2000 г.)².

По информации Агентства интернет-безопасности, 7–9 июля 2009 г. были проведены три DDoS-атаки (распределенная атака типа «отказ в обслуживании»), обрушившие работу сайтов Министерства общественной администрации и безопасности, издания «Чосон ильбо», банка «Кунмин», почтовых служб веб-порталов Naver и Daum и т.д.³. Атаки сопровождались распространением вредоносной программы W32.Dozer, повредившей данные на жестких дисках множества компьютеров на территории Южной Кореи: по разным оценкам, работа около 23 сайтов была обрушена, около 115 тыс. устройств были заражены в результате трехдневной атаки⁴. Медленная реакция уполномоченных органов продемонстрировала спектр недостатков национальной системы кибербезопасности, главным из которых стало отсутствие межведомственной координации. Именно тогда правительством Южной Кореи впервые были поставлены задачи установления комплексных мер

¹ 서철인. 국가 위기 사태 부르는 사이버 침단범죄를 막아라 // 월간조선 (Со Чхольин. Остановите киберпреступления, называемые государственным кризисом // Вольган Чосон). 2018. № 12. URL: <http://monthly.chosun.com/client/news/viw.asp?ctcd=C&NewsNumb=200812100013>

² См.: Whitman, M.E. Principles of information security. Boston, 2017. P. 92; Аналитики подсчитали ущерб от эпидемии червя Helkern // Lenta.ru. 2003. 03 фев. URL: <https://lenta.ru/news/2003/02/03/slammer/>

³ 이광빈. 3차 DDoS 공격 시각.. 일부 접속불안 // 연합뉴스 (Ли Гванбин. Началась третья DDoS-атака: беспокойство о доступе в интернет // Ёнхап. 2009. 9 июл. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2009/07/09/02000000000AKR20090709203700017.HTML?did=1179m>

⁴ 신종환. 국내 주요 인터넷 사고 경험을 통해 본침해사고 현황 (Син Джонхван. Основные интернет-атаки в Корее и общая ситуация в интернет-безопасности) // Internet & Security Focus. 2013. № 9. С. 36–53.

по противодействию кибератакам и создания централизованной системы кибербезопасности.

4 марта и 26 июля 2011 г. состоялись очередные DDoS-атаки на южнокорейские интернет-ресурсы. В отличие от кризиса двухлетней давности, когда в течение каждой из трех атак распространялся один и тот же вирус, в первом случае 2011 г. структура вируса менялась от атаки к атаке (всего выделяется три волны атак с 3 по 4 марта). В результате был вызван отказ в обслуживании ряда интернет-ресурсов, сетей правительственных органов и ВС США в РК и заражено до 116 тыс. компьютеров. По информации компании AhnLab, кибератаки 4 марта связаны с инцидентом в 2009 г., имели более сложную структуру, смогли вызвать отказ в работе большого количества сайтов и распространяли вирус, работающий не только на операционных системах Windows 2000/XP/2003, но и на всех системах семейства Windows. Спустя несколько месяцев последовала вторая хакерская атака, вызвавшая потерю конфиденциальной информации 35 млн пользователей веб-портала Nate компании SK Communications¹. Подобные масштабы атак ставят события 2011 г. в один ряд с крупнейшими взломами, среди которых атака на сервера Android-клавиатуры AI.Type, повлекшая утечку личных данных 31 млн пользователей², а также атака на бюро кредитной истории Equifax, в результате которой произошла потеря данных около 694 тыс. пользователей из Великобритании и до 146 млн пользователей из США в 2017 г.³

20 марта и 25 июня 2013 г. произошли новые хакерские атаки на серверы Резиденции президента, Национальной разведывательной службы и веб-сайт партии «Сэнури». Несмотря на то, что ключевые проблемы в области предотвращения и противодействия кибератакам так и не были решены, ни один из интернет-кризисов не был столь же разрушительным, как инцидент 24 января 2003 г.,

¹ 중국발 해킹...네이트·싸이월드 3500만 개인정보 유출 (Хакерская атака из Китая... Утечка личной информации 35 млн пользователей Nate и Cyworld) // Bloter. URL: <http://www.bloter.net/archives/69734>

² Paganini P. 31 Million of Client Records Belonging to the Virtual Keyboard App AI.Type Leaked Online // Security Affairs. 2017. Dec. 6. URL: <http://securityaffairs.co/wordpress/66392/data-breach/keyboard-app-ai-type-data-leak.html>

³ Equifax Data Hack Affected 694,000 UK Customers // BBC. 2017. Oct. 10. URL: <http://www.bbc.com/news/business-41575188>

а количество затронутых вирусами компьютеров постепенно уменьшалось, составив около 32 тыс. по итогам инцидента 20 марта 2013 г.¹ В октябре 2013 г. компании «Хаури» и AnhLab, крупнейшие разработчики антивирусного программного обеспечения в Корее, смогли отследить и нейтрализовать около 10 тыс. DDoS-атак на местные компании². Все это позволяет говорить о том, что за десятилетний период в РК были достигнуты определенные успехи в области защиты информационного пространства и противодействия киберугрозам.

После 2013 г. характер хакерских атак на южнокорейское информационное пространство изменился: кроме банков, медиа-порталов и органов государственной власти целями злоумышленников стали стратегические объекты промышленной инфраструктуры. Так, 23 декабря 2014 г. Корейская корпорация гидро- и атомной энергетики объявила о том, что ее внутренняя сеть была взломана, в результате чего произошла утечка технической информации и личной информации 10 тыс. сотрудников, а также были похищены чертежи ядерного реактора (впоследствии группа хакеров выложила чертежи в открытый доступ)³. К другим крупным инцидентам можно отнести АРТ-атаку (англ. advanced persistent threat, таргетированная атака) на компьютерную сеть сеульского метрополитена в 2015 г., когда было установлено, что в период нескольких месяцев около 210 устройств сети были подвергнуты заражению вредоносным программным обеспечением. Тем не менее, этот инцидент не повлек за собой серьезных последствий и утечки информации: по данным Национальной разведывательной службы, всего было украдено 12 электронных документов⁴, что позволяет заключить, что возможной целью хакеров являлось не похищение информации, а получение доступа к внутренней сети управления движением транспорта. КНДР отвергла собственную

¹ China IP address link to South Korea Cyber-attack // BBC. 2013. March 21. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-21873017>

² Kshetri N. Cybersecurity in South Korea // The Quest to Cyber Superiority. Springer, 2016. P. 174.

³ Min J. North Korea's Asymmetric Attack on South Korea's Nuclear Power Plants // Stanford University. URL: <http://large.stanford.edu/courses/2017/ph241/min1/>

⁴ North Korea Tried to Hack South's Railway System: Spy Agency // Reuters. 2016. March 8. URL: <https://www.reuters.com/article/us-northkorea-southkorea-cyber/north-korea-tried-to-hack-souths-railway-system-spy-agency-idUSKCN0WA0B6>

причастность к обоим инцидентам, которые, судя по характеру атак, не связаны между собой.

Система противодействия киберугрозам в РК весьма децентрализована и существует на пересечении публичного, частного и военного секторов. Одной из первых организаций в сфере защиты информационного пространства в публичном секторе является Корейский центр интернет-безопасности KrCERT, созданный в конце 1990-х гг. при Агентстве информационной безопасности (ныне – Агентство интернет-безопасности РК) и начавший активную деятельность в начале 2000-х гг. Основная сфера ответственности KrCERT – это противодействие DDoS-атакам: центр проводит круглосуточный мониторинг DDoS-угроз и предотвращает распространение вредоносного кода (Агентство интернет-безопасности при участии KrCERT осуществило проверку около 2,5 млн корейских веб-сайтов на предмет заражения). Кроме этого, KrCERT выполняет функцию консультирования и обмена информацией, активно взаимодействуя как с корейскими, так и с мировыми интернет-провайдерами, антивирусными компаниями и т. д., а также с такими крупными корпорациями, как Symantec и Microsoft.

8 сентября 2004 г. Совет национальной безопасности РК выпустил «Рекомендации по государственному антикризисному регулированию» (имплементирующий акт – Указ Президента № 124)¹, а 31 января 2005 г. вступило в действие Положение «Об управлении в области национальной кибербезопасности». Положение предписывало создание единой системы, состоящей из ряда государственных органов, ответственных за противодействие атакам в киберпространстве. С тех пор все государственные агентства, местные администрации и другие публичные институты должны поддерживать между собой сотрудничество и обмен информацией по вопросам кибербезопасности, будучи подотчетными Управлению национальной безопасности при президенте РК². В 2004 г. южнокорейское правительство обязало предоставлять отчет о случаях хакерских атак все частные компании, связанные с работой в интернет-пространстве – в то время применение подобных мер в мировой практике было

¹ Kim, Young-do. Major Issues of the National Cyber Security System in South Korea, and its Future Direction // The Korean Journal of Defense Analysis. 2013. Vol. 25. № 4. P. 436.

² Laws on the Internet and Information Security in Korea. Seoul, 2015. P. 37–38.

достаточно редким¹. Таким образом была сформирована национальная система информационной безопасности и противодействия киберугрозам, в общих своих чертах сохраняющаяся до сих пор, где основная ответственность распределена между Министерством обороны, Центром национальной кибербезопасности (органа Национальной разведывательной службы), центром KrCERT и рядом органов исполнительной власти (с ведущей ролью Министерства информации и связи), а координатором и «командным пунктом» системы выступает Управление национальной безопасности².

В 2008 г. было расформировано Министерство информации и связи, и его функции в области информационной безопасности были распределены между Комиссией по связи, Министерством общественной администрации и безопасности (ныне – Министерство внутренних дел и безопасности) и Министерством экономики знаний (ныне – Министерство торговли, промышленности и энергии). Неэффективность такого решения по децентрализации системы управления ярко проявилась после DDoS-атаки 7 июля 2009 г., после чего было принято решение о реформировании сложившейся системы кибербезопасности и разработке комплексных решений по противодействию киберугрозам.

Однако конкретные шаги в этом направлении были приняты только после очередных DDoS-атак, состоявшихся 4 марта и 26 июля 2011 г. Лишь после этих событий правительство Южной Кореи объявило о принятии Мастер-плана государственной кибербезопасности, в котором были распределены сферы ответственности между государственными структурами³. В июле 2013 г. были приняты «Меры по обеспечению государственной кибербезопасности» – последний на сегодняшний день документ, в котором предпринимается попытка комплексно отразить государственную политику по кибербезопасности, направленную

¹ Kshetri, N. Op. cit. P. 176.

² Lee, Young-ju. Establishment of a Feasible Cyber Organization Structure to Enhance the Capabilities of Cyberspace Operations in the ROK's Defense Forces // The Korean Journal of Defense Analysis. 2016. Vol. 28. № 2. P. 228.

³ 최인영. 정부 '국가 사이버 안보 마스터 플랜' 수립 // 연합뉴스 (Чхве Инён. Правительство приняло мастер-план государственной кибербезопасности // Ёнхап. 2011. 8 авг. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2011/08/08/0200000000AKR20110808147651017.HTML>

на построение продвинутой системы защиты информационного пространства страны, для чего предлагается работа по четырем направлениям. Во-первых, в документе обозначена необходимость перераспределения сфер ответственности и более четкое выделение «командного пункта», роль которого должно выполнять Управление национальной безопасности при поддержке Национальной разведывательной службы. Во-вторых, для эффективной работы ответственных организаций было запланировано создание к 2014 г. системы обмена информацией о киберугрозах. В-третьих, в качестве важного направления было выбрано улучшение инфраструктурных условий для малого и среднего бизнеса и государственных учреждений: планируется увеличение количества дата-центров, совершенствование телекоммуникационных систем и т. д. В-четвертых, выделяется работа в области развития кадровых ресурсов и стимулирование исследовательских разработок в ряде таких областей, как шифрование данных, облачные технологии, интернет вещей и межмашинное взаимодействие и др.¹.

Тот факт, что в начале 2010-х гг. объектами кибератак стали крупные промышленные и транспортные структуры, не мог не вызвать осознания необходимости реформировать систему кибербезопасности с упором на развитие ее военного сегмента и укрепление вертикального подчинения структур Управлению национальной безопасности. В период 2010-х национальная система кибербезопасности претерпела ряд изменений. Во-первых, была усилена координирующая роль Управления национальной безопасности, в котором был выделен отдел кибербезопасности во главе со вторым заместителем директора Управления. Основную поддержку Управлению национальной безопасности стал оказывать Центр национальной кибербезопасности Национальной разведывательной службы, ответственный за мониторинг компьютерных сетей в публичном секторе. Во-вторых, центр KrcERT укрепился на позициях ведущей организации в области противодействия угрозам в интернет-пространстве Южной Кореи,

¹ 김병화. 국내 사이버테러 정책수립을 위한 전략적 접근방안: 영국의 사이버테러 정책을 중심으로 // 한국경호경비학회지 (Ким Бёнхва. Стратегический подход к устояновлению южнокорейской политики противодействия кибертерроризму: анализ опыта Великобритании // Корейский журнал исследований в сфере безопасности). 2017. № 51. С. 173–195.

соответственно, большая часть полномочий органов исполнительной власти по обеспечению кибербезопасности перешла к Агентству интернет-безопасности РК, являющегося частью Министерства науки и информационно-коммуникационных технологий. Сфера ответственности этих организаций – контроль над проведением научно-технической работы в области информационной безопасности, информационной культуры, радиотехнологий и др. Также Министерство обороны занимается противодействием кибератакам в военной отрасли¹.

Особое значение в сформированной системе имело участие военных структур. В первую очередь, Министерство обороны стало активно работать в сфере радиоэлектронной защиты. В целях предотвращения возможных атак с подавлением GPS-сигналов со стороны КНДР Министерство обороны учредило экспертную группу совместно с Министерством науки и информационно-коммуникационных технологий, а также разработало «Руководство по реагированию на подавление GPS-сигналов»². Кроме этого, ВС РК ведут работу в области обеспечения кибербезопасности и ведения кибервойны: с 2010 г. при Объединённом комитете начальников штабов действует Киберкомандование, курирующее основные вопросы проведения операций в киберпространстве³. Деятельность военного ведомства регулируется «Руководством по проведению киберопераций» и «Руководством по урегулированию кибер-кризисов», также Министерство обороны разрабатывает Оборонную стратегию кибербезопасности, в которой будут комплексно изложены направления развития военной политики в области кибербезопасности в среднесрочной и долгосрочной перспективах⁴. В рамках взаимодействия с гражданскими структурами в 2012 г. Министерство обороны объявило о создании школы кибербезопасности совместно с Университетом Корё при поддержке южнокорейского правительства.

¹ Jeong, Yoon Yang, So, Jeong Kim, Il, Seok Oh. Analysis on South Korean Cybersecurity Readiness Regarding North Korean Cyber Capabilities // Information Security Applications. 17th International Workshop, 2016: Revised Selected Papers. Cham, 2017. P. 108.

² 2016 Defense White Paper. Seoul, 2017. P. 57.

³ Cluley, G. South Korea Launches Its Cyberwarfare Command Centre // Naked Security. 2010. January 11. URL: <https://nakedsecurity.sophos.com/2010/01/11/south-korea-launches-cyberwarfare-command-centre/>

⁴ 2016 Defense White Paper. Op. cit. P. 78.

Образовательная программа школы рассчитана на четыре года, каждый год планируется зачисление около 30 студентов, которые будут проходить подготовку в области поиска вредоносных кодов и противодействия кибератакам¹.

Другим важным направлением работы по обеспечению кибербезопасности является сотрудничество с США в рамках двустороннего военного альянса. С февраля 2014 г. два раза в год стороны проводят совещания Рабочей группы по сотрудничеству в области кибербезопасности. В 2015 г. РК и США достигли договоренности по обмену информацией в сфере защиты компьютерных сетей и информационной безопасности² и продолжают укреплять партнерские отношения на таких площадках, как Сеульский оборонный диалог и Совещание министров обороны стран АСЕАН+ (англ. ASEAN Defense Ministers' Meeting Plus, ADMM+). Визит директора Агентства национальной безопасности и главы Киберкомандования США М. Рождерса в Сеул в ноябре 2017 г., во время которого стороны обговорили основные вопросы сотрудничества в области защиты информационного пространства, подчеркнул актуальность двустороннего сотрудничества по этим вопросам³.

Несмотря на проведенную работу на разных уровнях, национальная система кибербезопасности РК имеет много проблем. Глобальное интернет-сообщество стремительно развивается, и киберпространство как таковое весьма сложно определить в пространственно-временных реалиях, что является вызовом для современного международного права. В случае Южной Кореи ситуация усугубляется северокорейским фактором: южнокорейские ученые, эксперты и политики практически не имеют сомнений в том, что большая часть кибератак на южнокорейские компании и государственные органы организована КНДР с китайских IP-адресов⁴.

¹ South Korea to Open Cyber Warfare School // NDTV. 2012. June 5. URL: <https://gadgets.ndtv.com/others/news/south-korea-to-open-cyber-warfare-school-225865>

² 2016 Defense White Paper. Op. cit. P. 79.

³ 이영재. 美 사이버사령관 한국 방문...北 사이버 위협 대응 논의 // 연합뉴스 (Ли, Ёнджэ. Визит в Корею командующего киберподразделением вооруженных сил США: обсуждение киберугроз со стороны КНДР // Ёнхап). 2017. 9 ноя. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2017/11/09/0200000000AKR20171109124151014.HTML?from=search>

⁴ South Korea Traces Cyber-Attacks to Chinese IP Address // The Guardian. 2013. March 21. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/mar/21/south-korea-cyber-attack-chinese>

Как правило, подобная позиция аргументируется тем, что атаки проводятся с IP-адресов устройств, расположенных в приграничных с КНДР районах Китая, а также схожестью структуры вирусов с предыдущими инцидентами, ответственность за которые также условно возлагают на КНДР. При этом в ряде случаев ответственность Пхеньяна опровергнута или ставится под сомнение¹, а крупнейшие атаки не имели отношения к Северной Корее: к примеру, червь SQL Slammer изначально распространялся в США, Канаде, Португалии, Великобритании, и Южную Корею затронул лишь частично; атаки 2009 г. также были проведены в нескольких странах, а возможным их источником является устройство, расположенное на территории Великобритании, по данным Центра интернет-безопасности Ханойского университета науки и технологии²; атака на сеть Корпорации гидро- и атомной энергетики в 2014 г., возможно, была организована группой активистов из РК, выступающих против использования атомной энергии³.

Тем не менее, южнокорейская общественность убеждена в участии Северной Кореи едва ли не в каждой кибератаке, в связи с чем наблюдается тенденция своего рода «милитаризации» национальной системы кибербезопасности и стремления рассматривать очередные хакерские атаки в контексте противостояния между двумя государствами Корейского полуострова, несмотря на то, что киберпространство является принципиально новой сферой столкновения интересов, где весьма затруднительно определить степень участия государств. С поправкой на это обстоятельство РК занимается разработкой нормативно-правовой базы, способной урегулировать

¹ См.: Максимов, Б. Пресса Британии: на Sony напали российские хакеры? // BBC. 2014. 24 дек. URL: http://www.bbc.com/russian/uk/2014/12/141224_brit_press; Максимов, Б. Эксперты выяснили, что за кибератакой на ОИ-2018 не стояли северо-корейские хакеры из Lazarus // 5tv. 2018. 8 мар. URL: <https://www.5-tv.ru/news/188489/>

² Nguyen, Minh Duc. Korea and US DDoS Attacks: The Attacking Source Located in United Kingdom // BKIS. URL: <https://web.archive.org/web/20110812141003/http://blog.bkis.com/en/korea-and-us-ddos-attacks-the-attacking-source-located-in-united-kingdom/>

³ См.: Cho, Meeyoung. South Korea nuclear plant hacked, says operator // The Sydney Morning Herald. 2014. Dec. 23. URL: <https://www.smh.com.au/technology/south-korea-nuclear-plant-hacked-says-operator-20141222-12chrh.html>; Park, Donghui, Beyer, J.L. Making Sense of North Korea's Hacking Strategy // Reuters. 2017. Dec. 22. URL: <https://www.reuters.com/article/beyer-cyber/column-commentary-making-sense-of-north-koreas-hacking-strategy-idUSL1N1OL289>

вопросы защиты информационного пространства, которое должно мыслиться как часть государственного пространства.

В южнокорейском законодательстве нет явного разграничения понятий «кибервойна», «кибертерроризм» и «киберпреступление». Вопросы, связанные с кибертерроризмом, регулируются Уголовным кодексом, Законом «Об информационно-коммуникационной инфраструктуре», Законом «Об использовании информационно-коммуникационной инфраструктуры и защите информации», Законом «Об информатизации», Актом «Об электронной подписи», в которых не используется термин «кибертерроризм». Отсутствие определения кибертерроризма, в частности, связано со сложностью определения терроризма как такового, и в законах РК террористической называется организация, которую таковой официально признает ООН¹. При этом в различных документах широко применяется нейтральный термин «кибератака», в том числе, при описании инцидента 25 июня 2013 г. По мнению Ким Бёнхва, научного сотрудника Института криминологии Университета Ёнин, это обстоятельство может вызвать проблемы, связанные с трактовкой и имплементацией многочисленных документов, регулирующих сферу безопасности киберпространства². Кроме того, отсутствие четкого разделения терминов на правовом уровне является одной из преград разработки и принятия Национальной стратегии кибербезопасности.

Для решения этой проблемы правительство Пак Кынхе, воздействуя на Национальное собрание, пыталось инициировать принятие закона «О борьбе с кибертерроризмом». Данный закон предполагался в качестве очередной меры по расширению полномочий Национальной разведывательной службы в дополнение к принятому в марте 2016 г. закону «О борьбе с терроризмом». Несмотря на противодействие со стороны оппозиционных партий, закон «О борьбе с терроризмом», позволяющий Национальной разведывательной службе осуществлять сбор конфиденциальной информации граждан в рамках противодействия экстремизму и предусматривающий смертную казнь и пожизненное заключение в качестве мер

¹ 국민보호와 공공안전을 위한 테러방지법 // 국가법령정보센터 (Закон «О борьбе с терроризмом с целью защиты граждан и обеспечения безопасности общества» // Информационный центр законодательства Республики Корея). URL: <https://www.law.go.kr/법령/국민보호와공공안전을위한테러방지법>

² 김병화 (Ким Бёнхва. Указ. соч.). С. 182.

наказания, был утвержден парламентом после активного содействия Пак Кынхе и правящей на тот момент партии «Сэнури».

Закон «О борьбе с кибертерроризмом» остается на стадии законопроекта; в 2016 г. он был остановлен оппозицией, прибегнувшей к тактике филибастера: малые фракции парламента затягивали принятие решения, а их лидеры совместно с рядом неправительственных организаций занимались организацией рекламных мероприятий, привлекавших внимание общества к проблеме несовершенства закона¹.

Таким образом, к числу основных проблем реализации политики РК по противодействию информационным угрозам можно отнести²:

- децентрализацию системы кибербезопасности и нечёткое разделение сфер ответственности между организациями, отвечающими за кибербезопасность. Несмотря на то, что номинальным ядром и «контрольной башней» системы является Управление национальной безопасности и Центр национальной кибербезопасности Национальной разведывательной службы, на практике эффективное взаимодействие между элементами системы невозможно без необходимой нормативной базы;

- отсутствие основополагающего документа, в котором были бы закреплены основные направления политики государства в области кибербезопасности. Таким документом для Южной Кореи, ориентирующейся на опыт западных стран, в первую очередь, США (в частности, в вопросе организации ВС), может стать Национальная стратегия кибербезопасности. Для этого необходимы серьезное обсуждение проблемы на государственном уровне и понимание того, что защита киберпространства не менее важна, чем защита государственной территории;

- отсутствие законов, расширяющих полномочия Национальной разведывательной службы и других ответственных ведомств.

Принятие Закона «О борьбе с кибертерроризмом» активно лоббировалось партией «Сэнури» во время президентства Пак Кынхе, однако администрация следующего президента Мун Джэина

¹ 조화순. 한국과 미국의 사이버안보 거버넌스 // 정보사회와 (Чо Хвасун. Управление в области кибербезопасности в США и Южной Кореи: сравнение секьюритизации киберугроз // Информационное общество и СМИ). 2017. Т. 18, № 2. С. 115.

² Волощак, В.И. Проблемы развития национальной системы кибербезопасности Республики Корея // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 3. С. 124.

не поддержала эту инициативу. В этой связи усиление контроля над личной информацией граждан в целях противодействия терроризму, как минимум, остается делом отдаленной перспективы, а фактором, способным изменить сложившуюся ситуацию, сможет стать очередная крупная хакерская атака, ассоциированная с КНДР или иной резонансный инцидент в киберпространстве Южной Кореи, превосходящие по разрушительной силе предыдущие случаи. Наличие потенциальной угрозы, исходящей от КНДР, является важным аргументом консервативно настроенной части южнокорейского общества для укрепления возможностей собственной системы кибербезопасности, поэтому появление новой информации, более убедительно обосновывающей причастность Северной Кореи к кибератакам, может также стать поводом для пересмотра действующего законодательства.

3. ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В 2017–2025 ГГ.

3.1. Сокращение вооруженных сил и «Военная реформа 2.0» Мун Джэина (2017–2022)

Импичмент Пак Кынхе и досрочные президентские выборы в мае 2017 г. обернулись поражением консерваторов, главой государства стал представитель демократических сил – Мун Джэин. Результатом очередного реформирования правящей элиты Сеула стала консолидация принципиально нового для южнокорейского общества политического сегмента: президентская партия «Тобуро» («Объединенная демократическая партия») изначально построена на союзе консервативно настроенных демократов и демократически мыслящих консерваторов. Иными словами, власть в РК в 2017–2022 гг. принадлежала объединению умеренной части политической элиты, которое следует воспринимать в качестве центристской силы¹.

Мун Джэин совершил доктринальный переворот в отношениях с КНДР, возвратив Южной Корее некоторые компоненты политики «солнечного тепла», предложенной президентом Ким Тэджунм в конце 1990-х гг. для решения корейской проблемы. В активе президента широкий спектр практических шагов: от июньского 2017 г. предложения возобновить диалог Севера и Юга без каких-либо предварительных условий до трех межкорейских саммитов в апреле, мае и сентябре 2018 г.

Одним из примечательных новшеств администрации Мун Джэина в сфере военной политики стало переосмысление положения Северной Кореи. Один из основных доктринальных документов РК по вопросам военного строительства, Белая книга обороны 2018 г.

¹ Толстокулаков, И.А. Межкорейский диалог: прошлое, настоящее и перспективы // Корейский полуостров – Гордиев узел Северо-Восточной Азии. Владивосток, 2019. С. 7–15.

не содержала упоминания о КНДР как о противнике¹. В 2017–2018 гг. южнокорейское руководство изучало возможность снизить масштабы совместных с США военных учений, уменьшить количество американских стратегических вооружений на юге полуострова.

Следует подробнее остановиться на конкретных инициативах, выдвинутых Мун Джэином в области военной политики. В докладе «100 задач государственной политики» администрации Мун Джэина основные задачи военной политики РК были сконцентрированы в рамках трех т. н. стратегий: «обеспечение крепкой национальной безопасности и надежной обороны», «содействие межкорейскому примирению и сотрудничеству, а также денуклеаризации Корейского полуострова» и «укрепление международного сотрудничества посредством дипломатии»². Реализация первой стратегии предполагала выполнение следующих задач, являющейся сферой компетенций министерства обороны.

Во-первых, повышение обороноспособности против асимметричных угроз, включая ракетно-ядерную угрозу со стороны КНДР. Основу сдерживания ракетно-ядерной угрозы, исходящей от КНДР, для РК составлял проект «трехосной системы реагирования», включавший три компонента: систему противоракетной обороны KAMD и программ превентивного и ответного ударов Kill Chain и KMPR (англ. Korea Massive Punishment and Retaliation). Ядром этого проекта является система KAMD, которая представляет собой многоуровневую систему ПРО и включает системы раннего предупреждения, командования и управления и перехвата баллистических ракет. В рамках работ по развитию противоракетного «щита» министерство обороны РК запланировало приобрести и принять на вооружение разведывательные спутники, разведывательные беспилотные летательные аппараты, ракеты «воздух-земля» большой дальности, дополнительные радары раннего предупреждения и многоцелевые истребители F35A. В период администрации Мун Джэина обороноспособность РК против внешней ракетно-ядерной угрозы поддерживалась за счет сотрудничества с США по развитию совместной системы обороны (в рамках которой на территории РК были размещены противоракетные комплексы США Patriot и THAAD), однако

¹ 2018 국방백서. 서울, 2019 (Белая книга обороны 2018 г. Сеул, 2019).

² 100대 국정과제. 서울, 2017 (100 задач государственной политики. Сеул, 2017). С. 122.

принципиальной целью военно-политического курса Сеула являлось создание полностью независимой национальной системы ПРО.

Во-вторых, скорейшая передача Сеулу оперативного командования ВС РК в военное время на основе прочного альянса США и РК. Передача оперативного командования ВС РК является одной из наиболее долгоиграющих проблем южнокорейской военной политики. По условиям Согласованного протокола 1954 г., заключенного между РК и США, верховное управление ВС РК осуществляется американским генералитетом с правом отмены этого положения по обоюдному решению сторон¹. Координация между ВС двух государств в рамках альянса США-РК осуществляется Совместным военным командованием США-РК, высшим руководителем которого является американский генерал (также занимающий пост командующего американским военным контингентом в Корее и командованием ООН в Корее), а его заместителем – южнокорейский генерал. Сторонами было запланировано реформирование данного органа, которое предполагало переподчинение американского военачальника корейскому, кроме того, предстоит корректировка стратегических документов и концепции совместных учений, работа по сертификации и т. д. Ключевым условием передачи оперативного командования в военное время являлось достижение РК полной самостоятельности в противодействии северокорейской ядерной угрозе: реформирование Совместного военного командования США-РК ассоциировано с завершением строительства системы ПРО KAMD и созданием программ превентивного и ответного ударов Kill Chain и KMPR.

В-третьих, проведение военной реформы и «огражданствление» военной политики государства. Одной из главных инициатив администрации Мун Джэина в области военной политики являлось усиление гражданского контроля над ВС с целью более оптимального распределения полномочий между военными и невоенными ведомствами, повышения прозрачности системы военного управления, обеспечения политической нейтральности ВС². Согласно замыслу, некоторые ключевые посты в министерстве обороны подлежали

¹ Kim, J. Military Considerations for OPCON Transfer on the Korean Peninsula // Council on Foreign Relations. 2020. Mar. 20. URL: <https://www.cfr.org/blog/military-considerations-opcon-transfer-korean-peninsula>

² 국방개혁 2.0 // 대한민국 국방부 (Военная реформа 2.0 // Министерство обороны Республики Корея). URL: <https://reform.mnd.go.kr/mbshome/mbs/reform/>

замещению их гражданскими служащими, кроме того, в целом было запланировано увеличение доли гражданских в рядах ВС. В перспективе администрация Мун Джэина считала приемлемым занятие поста министра обороны гражданским чиновником (в соответствии с мировым трендом). Предполагается, что такие меры позволят привнести новый опыт в разные сферы, связанные с военным делом, в первую очередь – в науку и образование. Так, в 2017 г. пост президента Корейского института оборонного анализа занял Но Хун, не являвшийся кадровым военным.

В-четвертых, искоренение коррупции в сделках по приобретению военной техники и развитие военной промышленности в русле принципов 4-й промышленной революции. Повышение прозрачности управления ВС и их «огражданствление» имели также и важное значение с точки зрения противодействия коррупции. Поскольку военная промышленность страны и процесс закупки вооружений и военных технологий в значительной степени был под контролем военных кругов, инициатива искоренения коррупции требовала мер по увеличению контроля со стороны причастных ведомств (главным образом – Министерства обороны, АОР, Управления программ оборонных закупок). В число таких мер входили совершенствование и расширение программы регистрации оборонных проектов, которая позволила бы предоставить более открытую информацию об участниках тендеров и отследить законность выполнения государственных контрактов; разработка системы штрафов и наказаний в отношении незарегистрированных брокеров и государственных чиновников, сотрудничающих с ними в оборонных проектах; конкретизация стандартов и ужесточение требований к проведению аудита бюджетных организаций в сфере военной промышленности. Активное вовлечение гражданских организаций в военную промышленность было необходимо также и для научно-технологического прогресса ВС в контексте вызовов 4-й промышленной революции¹.

В-пятых, защита гражданских прав военнослужащих и улучшение условий службы. Культура военной службы в РК оставалась весьма консервативной, для нее были характерны случаи

¹ 100대 국정과제. 서울, 2017 (100 задач государственной политики. Сеул, 2017). С. 90.

дедовщины, дискриминации и нарушения гражданских прав служащих. Правительство Мун Джэина поставило акцент на либерализацию казарменной культуры на основе гуманистических идеалов с целью построения сильных ВС, способных справляться с вызовами современности. В числе запланированных мер – улучшение материальных условий службы: повышение заработной платы солдат, модернизация медицинских учреждений и казарменных комплексов, повышение качества униформы и снаряжения, частичное снятие запрета на использование мобильных телефонов, предоставление увольнений на выходные. Однако более важное значение имела работа по защите гражданских прав и свобод военнослужащих, в рамках которой подлежал реализации ряд инициатив, включая запрет отдачи неоправданных приказов и использования военнослужащих в личных целях вышестоящих командиров, устранение случаев сексуального насилия, работа по предотвращению самоубийств, повышение численности военнослужащих женского пола, разработка новых программ альтернативной службы для сознательных отказчиков и др.

Вторая и третья стратегии «содействие межкорейскому примирению и сотрудничеству, а также денуклеаризации Корейского полуострова» и «укрепление международного сотрудничества посредством дипломатии», заявленные в докладе «100 задач государственной политики», были в меньшей степени связаны с военной политикой, их реализация находилась прежде всего в ведении Министерства объединения и Министерства иностранных дел. Среди задач, имевших отношение к военно-политическому курсу государства, можно выделить следующие: переформатирование межкорейских отношений и подписание двустороннего базового документа, определяющего их; мирное разрешение ядерной проблемы и установление мирного режима на Корейском полуострове; развитие отношений с ключевыми региональными игроками.

Стоит отдельно остановиться на основных положениях военной реформы, которая реализовывалась правительством РК с 2017 по 2022 г. В первые месяцы после вступления в должность президентом Мун Джэином была провозглашена «Военная реформа 2.0». Во многом ее основные направления пересекались с вышеизложенными направлениями военной политики, указанными в докладе «100 задач». Среди конкретных инициатив, составивших «Военную

реформу 2.0» и раскрывших сущность предложений правительства РК, можно выделить следующие направления¹:

1. Реорганизация ВС с целью сформировать более сбалансированную межродовую структуру, в которой перевес сухопутных сил по отношению к другим родам войск будет нивелирован. Количество армейских дивизий планировалось сократить с 39 до 34, авиационных крыльев – увеличить с 12 до 13. Целью объявлено также формирование объединенного командования и передача оперативного командования ВС РК в военное время.

2. Сокращение численности военнослужащих с 620 (на 2017 г.) до 500 тыс. чел. к 2022 г. Количество гражданских служащих в ВС в те же сроки планировалось увеличить с 34 до 50 тыс. чел.

3. Сокращение срока службы в ВС. Необходимость сокращения численности и срока службы была во многом продиктована демографическими причинами, а именно снижением уровня рождаемости на протяжении последних нескольких десятков лет. Были запланированы сокращения срока службы в армии с 21 до 18 месяцев, на флоте – с 23 до 20 месяцев, в авиации – с 24 до 22 месяцев.

4. Повышение эффективности и прозрачности процесса управления ВС (увеличение численности военнослужащих женского пола с 5,5 до 8,8 % к 2022 г., сокращение срока службы, сокращение высшего офицерского состава, повышение роли гражданских структур в управлении ВС, обеспечение политического нейтралитета ВС).

5. Реформа военных судов, в рамках которой предполагалась частичная передача дел под юрисдикцию гражданских судов. С учетом специфики конкретных случаев представлялось возможным назначение гражданских судов в качестве судов первой инстанции, упразднение гарнизонных прокуратур в ВС (на уровне дивизий), выделение особого комитета по кадровым делам, а также передача функции расследования преступлений от военной полиции новому независимому органу.

6. Увеличение инвестиций в военную промышленность, стимулирование НИОКР в области военных технологий с целью увеличить экспорт вооружений с отметки 3,2 млрд долл. (2017 г.) до 5,5 млрд

¹ 국방개혁 2.0 // 대한민국 국방부 (Военная реформа 2.0 // Министерство обороны Республики Корея). URL: <https://reform.mnd.go.kr/mbshome/mbsh/reform/>

долл., а также подняться с 9 на 7 место в мире по развитию военных технологий к 2022 г. Предполагалось также стимулирование бизнеса в сфере оборонной промышленности (совершенствование системы приобретения вооружений, поддержка конкуренции в ВПК, повышение научно-исследовательского потенциала компаний);

7. Совершенствование мер по противодействию и реагированию на ядерную угрозу со стороны КНДР (развитие «трехосной системы реагирования»: KAMD, Kill Chain, KMPR);

8. Развитие культуры военной службы (реформирование судебной системы ВС, повышение уровня благосостояния солдат, улучшение качества медицинских услуг).

Часть этих инициатив не нова и даже традиционна для современной военной политики Южной Кореи. Несмотря на потепление межкорейских отношений в конце 2010-х гг., большая часть южан не сомневалась в необходимости укреплять военный потенциал страны в противовес ракетно-ядерному развитию КНДР. В этой связи одним из главных приоритетов военного строительства оставалось развитие системы противоракетной обороны KAMD и программ превентивного и ответного ударов Kill Chain и KMPR. При всей полемике об эффективности этих систем, на них было выделено довольно много средств. Затраты на развитие «трехосной системы» и связанных с ней технологий, составили около 4 млрд долл. в 2018 г., что на 14,5 % больше, чем в предыдущий год и составило чуть более 10 % от всего оборонного бюджета¹.

Другим «традиционным» направлением реформы являлась передача Южной Корее оперативного командования над собственными ВС в военное время. Идея возвращения Корее права командования продвигалась президентом Но Мухёном и нашла продолжение в политическом курсе Мун Джэина, вознамерившегося поставить в этом деле точку (т. к. администрации Ли Мёнбака и Пак Кынхе переносили решение на более поздние сроки). «Дорожная карта», разработанная Министерством обороны во исполнение инициативы Муна, предполагала передачу оперативного командования РК до конца 2018 г..² Подобные сроки, очевидно были излишне

¹ Paek, Jae Ok. Structure and Priorities of the 2018 ROK Defense Budget // ROK Defense Policy Newsletter. 2018. № 171 (21.01.2018.). P. 2.

² Yeo, Jun-suk. South Korea Implements Plan for Early OPCON Transfer: Lawmaker // Korea Herald. 2017. Sept. 29. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20170929000697>

оптимистичными, поскольку решение этого вопроса, как правило, ассоциируется с завершением разработки системы ПРО KAMD, что является весьма долгосрочной задачей.

Достаточно активно обсуждались преобразования, которые затронут внутреннюю структуру и социальные и правовые реалии ВС. В первую очередь, была поставлена цель общего сокращения численности военнослужащих до 500 тыс. чел. Вместе с этим предлагалось сократить срок службы с 21 месяца до 18. Обе инициативы берут начало в военной реформе Но Мухёна, стремившегося создать небольшую технологичную армию со сбалансированной межродовой структурой и гражданским управлением¹. В период президентства Мун Джэина актуализировалась и другая предпосылка для сокращения личного состава ВС – «демографическая яма» начала 2000-х гг. В Южной Корее на протяжении нескольких десятков лет наблюдается снижение уровня рождаемости, и на года рождения призывников ближайших лет приходится очередной спад: с 2000 по 2002 гг. рождаемость понизилась с 13 до 10 на 1000 чел. и продолжает падать². Такой процесс не может не повлиять на структуру и численный состав ВС. По словам министра обороны РК Сон Ёнму в 2017 г., сокращение численности предполагалось скомпенсировать переводом в боевые подразделения военных, занимающихся административной, образовательной и логистической работой, а их прежние функции должны быть переданы гражданским служащим³. Сокращение срока службы также выглядит логичным ответом на демографические вызовы.

В этой связи было запланировано и снижение численности высшего офицерского состава. Еще при Ли Мёнбаке было инициировано сокращение 60 высших офицеров (около 15 %), а в плане военной реформы 2014–2030 гг. администрации Пак Кынхе их

¹ Chun, In-bum. Korean Defense Reform: History and Challenges // Brookings Institution. 2017. URL: <https://www.brookings.edu/research/korean-defense-reform-history-and-challenges/>

² ROK Birth Rate // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CBRT.IN?end=2016&locations=KR&start=1960&view=chart>

³ 맹수열. 송영무 국방부 장관 “국방개혁 2.0 꼭 완수해 강한 군대 건설” (Мэн Сүэль. Министр обороны Сон Ёнму: «Военная реформа 2.0» построит завершённую и сильную армию) // Bemil Chosun. 2018. 13 фев. URL: https://bemil.chosun.com/nbrd/bbs/view.html?b_bbs_id=10002&num=8459

количество снизилось до 40¹. Мун Джэин поставить цель освободить от своих должностей около 70–80 генералов за счет реорганизации структуры ВС и слияния 1-й и 3-й полевых армий сухопутных сил РК и образования единого Штаба сухопутных операций.

Что касается рядового состава, то при сокращении общей численности военнослужащих его привилегии и социальные гарантии предполагалось значительно расширить. Реформа была направлена на решение одной из актуальных проблем – низкого уровня заработной платы рядовых. Фактически многие солдаты-срочники получали около ¼ от минимального размера оплаты труда, который в 2018 г. составлял около 1,57 млн вон. Начиная с 2018 г., месячный заработок сержантов предполагалось повысить с 216 тыс. вон до 407,5 тыс. Таким образом, размер денежного довольствия для рядовых должен был достичь уровня 30 % от МРОТ, что могло стать первым шагом к повышению этого показателя до 50 % к 2022 г.² При этом повышенные зарплаты остального рядового состава не дотягивали до отметки 30 %: младший сержант – 366,2 тыс. вместо прежних 195 тыс., ефрейтор – 331,3 тыс. вместо 176,4 тыс., рядовой – 306,1 тыс. вместо 163 тыс..³ В целом Министерство обороны прилагало усилия по созданию комфортной среды не только для несения службы, но и для дальнейшей адаптации военнослужащих в обществе, разрабатывая различные программы по трудоустройству прошедших срочную службу в ВС, поддерживая возможности солдат поступать в вузы после окончания службы и т. д.

Реформа затронула также и систему военных судов. Была предложена их реорганизация и частичная передача дел под юрисдикцию гражданских судов. Генеральный директор Департамента по правовым вопросам Министерства обороны РК Но Сучоль в своем интервью отметил, что с учетом специфики конкретных

¹ 김귀근. 국방부, 장군 70~80여명 감축 추진..."고강도 국방개혁 차원" // 연합뉴스 (Ким Квигын. Реформа по усилению вооруженных сил: министерство обороны предлагает сократить 70–80 генералов // Ёнхап). 2017. 31 дек. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20171229123500014>

² Paek, Jae Ok. Op. cit. P. 3.

³ 김철환. 병장 월급 40만5700원... 여군 보직 제한 폐지 (Ким Чхольхван. Повышение зарплаты сержантов до 405,7 тыс. вон и отмена лимитирования женщин-военнослужащих) // Bemil Chosun. 2018. 2 янв. URL: https://bemil.chosun.com/nbrd/bbs/view.html?b_bbs_id=10002&num=8191

случаев в качестве судов первой инстанции могут выступить гражданские суды, а на национальном уровне будет насчитываться 31 военный суд, распределенный по пяти округам с подчинением министру обороны¹. Было запланировано упразднение гарнизонных прокуратур (на уровне дивизий) и выделение особого комитета по кадровым делам, а также передача функции расследования преступлений от военной полиции новому независимому органу. Подобные меры были направлены на создание сбалансированной системы сдержек и противовесов между прокуратурой, судами и военной полицией, ограничение степени вмешательства командующих на деятельность прокуроров, и в целом на повышение беспристрастности и прозрачности военного судопроизводства.

Официальные оценки результатов проведения военной реформы приведены в докладе правительства РК «Реализация 100 задач государственной политики администрации Мун Джэина за 4-летний период», который представляет в целом положительное видение итогов реализации «Военной реформы 2.0». По этой причине основные выводы доклада следует дополнить их критическим анализом и попытаться представить более полную картину преобразования военно-политического курса РК.

Что касается реформы организационной структуры ВС, то необходимо отметить следующие результаты. Сокращение численности ВС было реализовано в целом в соответствии с поставленными задачами: в 2018 г. этот показатель составлял 599 тыс. чел., а в 2021 г. – 530 тыс. чел². С учетом таких изменений была необходима и оптимизация организационной структуры ВС. 3 командования армии РК были преобразованы в 2, однако количество корпусов и дивизий осталось прежним – 8 и 39 соответственно (завершить их слияние до 6 корпусов и 34 дивизий было запланировано на 2023 г.). ВМС и ВВС изменения коснулись в меньшей степени. На флоте было сокращено количество флотилий с 6 до 5, в ВВС – увеличено количество авиационных крыльев с 12 до 13.

¹ 맹수열. 군 기강 확립·장병 인권 보장, 동시 구현이 핵심 // 국방일보 (Мэн Суёль. Цель – укрепить дисциплину, но в то же время защитить права солдат // Кукпан ильбо). 2018. 23 мар. URL: https://kookbang.dema.mil.kr/newsWeb/20180312/1/BBSMSTR_000000010205/view.do

² 2021 경제·재정수첩. 서울, 2021. (Сборник экономической и финансовой статистики 2021 г. Сеул, 2021). С. 185.

Другой амбициозной задачей была объявлена трансформация Совместного военного командования США-РК и передача права оперативного командования над ВС РК в военное время от Вашингтона Сеулу. Несмотря на то, что выполнение этой задачи связано с комплексом политических и технических трудностей (отсутствие консенсуса сторон по срокам передачи командования, политическая неоднозначность проблемы), администрация Мун Джэина поставила цель осуществить передачу командования к 2022 г. В 2018 г. США и РК внесли правки в принятый в 2015 г. План о передаче оперативного командования, который предполагал выполнение трех следующих ключевых условий (этапов): 1) достижение РК полной способности осуществлять командование совместными войсками в случае военных действий, 2) достижение РК полной способности самостоятельно противостоять северокорейской ракетно-ядерной угрозе, 3) подходящая обстановка в области безопасности на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии. 1-й этап, в свою очередь, был разделен на три этапа верификации, которые предполагали достижение Южной Кореей базовой оперативной способности, затем полной оперативной способности, и, наконец – полной способности боевых задач. Соответствие этим условиям определяется решением специальных американо-южнокорейских комиссий, и по результатам их серии в августе 2019 г. союзники объявили, что РК удовлетворяет требованиям наличия базовой оперативной способности, т. е. самого первого этапа верификации¹. Остальные этапы верификации были отложены на неопределенный срок с началом пандемии COVID-19. Поскольку второе условие (противодействие ракетно-ядерной угрозе КНДР) связано с задачей завершения строительства национальной системы ПРО РК, а критерии «подходящей обстановки в области безопасности» являются достаточно умозрительными, едва ли стоит ждать значительного прогресса по передаче оперативного командования в ближайшие несколько лет.

Важной новацией в военно-политических отношениях между США и РК стала полная ликвидация условий, предусмотренных двусторонним Меморандумом 1979 г. об ограничении развития

¹ 문재인정부 4년 100대 국정과제 추진실적. 서울, 2021 (Результаты 4 лет осуществления 100 задач государственной политики правительства Мун Джэина. Сеул, 2021). С. 449–450.

ракетных вооружений РК, о чем Мун Джэин и Дж. Байден договорились по итогам встречи в мае 2021 г. Пересмотр, а затем и отмена Меморандума являлись давней целью многих президентских администраций РК. Снятие ограничений позволит Сеулу развивать собственные ракетные гражданские и военные технологии без учета пределов по дальности действия ракет и массы полезной нагрузки. Данное решение знаменует не только высокий уровень доверия между союзниками, но признание Южной Кореи как технологической державы. Пользуясь отсутствием ограничений, в ближайшие годы РК сможет продвинуться в развитии собственных спутниковых технологий, а также укрепить потенциал противоракетной обороны, что является важной задачей в свете развития ракетных вооружений и артиллерии КНДР на рубеже 2010–2020-х гг.¹

Реформа системы управления ВС предполагала, вслед за сокращением численности личного состава, также и сокращение срока службы. В РК действует обязательный призыв на военную службу, срок службы составляет от 21 до 24 месяцев в зависимости от рода войск. Для того, чтобы снизить нагрузку на сокращающееся молодое население, было принято решение сократить срок службы в армии до 18 месяцев, на флоте – до 20, в авиации – до 22. Эта реформа реализовывалась постепенно с 2017 по 2020 г., и в течение трех лет срок службы для новых призывников сокращался на один день каждые две недели². Таким образом, к 2020 г. удалось добиться искомых сокращений, однако следует сказать, что это являлось лишь неотложной мерой в ответ на демографические вызовы. В будущем РК может предстать перед вопросом отмены обязательного призыва. Переход на «контрактную» службу позволит получить более профессиональный военный персонал и снизить нагрузку на общество, однако поставит проблему комплектования ВС достаточной численности. Гипотетический переход на «контрактную» службу в РК, вероятно, может иметь некую «гибридную» форму, при которой будет частично сохранен обязательный призыв,

¹ U.S.-ROK Leaders' Joint Statement // The White House. 2021. May 21. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/05/21/u-s-rok-leaders-joint-statement/>

² 병 복무기간 단축 및 복무기간, 봉급 변천사 (История изменений срока военной службы и размера довольствия) // Tstory. 2018. 06 сен. URL: <https://elwlsk.tistory.com/1181>

но, в любом случае, нынешний климат безопасности на Корейском полуострове не дает оснований предполагать, что это произойдет в обозримом будущем.

Восполнение нехватки человеческих ресурсов происходит также и за счет увеличения доли женщин-военнослужащих, и правительство РК объявило о достижении целевого показателя в 8,8 % в 2022 г., а также – об увеличении количества детских садов и других объектов инфраструктуры для помощи семьям. РК активно работала и над повышением количества гражданских служащих в ВС, количество которых составляло около 34 тыс. чел. в 2018 г. К 2022 г. этот показатель предполагалось увеличить до 55 тыс. чел., и к этому сроку он составил около 53–58 тыс. чел. В Среднесрочном плане Министерства обороны, выпущенном в августе 2021 г., была поставлена цель далее увеличить количество гражданских служащих в ВС до 62 тыс. чел. к 2026 г. Таким образом, в целом задачу «огражданствления» ВС можно считать выполненной.

Что же касается внедрения передовых технологий, то РК был разработан план «Военные инновации 4-й промышленной революции», в рамках которого работа сконцентрирована в нескольких областях, включая управление ВС, военные технологии и энергетику. Всего предполагалось решить 65 задач в 9 областях при активном содействии частных предприятий. Кроме этого, увеличена численность служащих в кибер-подразделениях с 183 чел. в 2017 до 263 чел. в 2020 г., а также увеличен бюджет на разработки в области информационной безопасности с 54,6 млрд вон в 2017 г. до 74,7 млрд вон в 2021 г.

Следующее направление реформы затрагивало социальную сферу. Культура военной службы в Южной Корее является достаточно консервативной, для нее характерны случаи дедовщины, сексуального насилия, разных форм дискриминации. Нередки случаи самоубийств, самым шумевшим из которых является случай Пён Хису, женщины-трансгендера, покончившей с собой в 2021 г. после увольнения из ВС РК в связи с осуществлением ей трансгендерного перехода. По этим причинам правительство РК проводило работу в сфере защиты прав человека, в том числе – образовательную деятельность, открытие в ВС центров по правам человека, создание консультативных органов в подразделениях выше дивизионного уровня. Однако наиболее важная реформа касалась системы

военных судов. В РК действует система, в рамках которой командирующие имеют право созывать суд и осуществлять надзор за работой прокурора, таким образом влияя на ход дела больше, чем остальные участники процесса. В качестве судей на процессах также выступает офицерский состав. Таким образом, сложилась практика избегания уголовной ответственности правонарушителей из-за протекции со стороны их командиров, имеющих полномочия на созыв суда. Правительство РК объявило о фактической отмене действия этой системы и за счет передачи ряда дел в гражданские суды и пересмотра принципа формирования военных судов – если ранее они созывались в рамках подразделений ВС РК уровня дивизии или выше (всего 30 судов), то новая система предполагала ликвидацию дивизионных судов и создание 5 региональных судов, подчиняющихся напрямую Министерству обороны. Правовое закрепление преобразований требует внесения правок в Закон «О военном уголовном праве», что на данный момент еще только предстоит сделать, однако правительство РК заявило о том, что новые правила уже начали свое действие де-факто¹.

Начиная с августа 2020 г. в РК отменены гауптвахты для задержания военнослужащих, совершивших правонарушения. Вместо гауптвахт было предложено направлять солдат в дисциплинарно-образовательные части. Однако такое решение вызвало критику военнослужащих не только из-за более жестких условий содержания, но и по причине того, что срок пребывания в дисциплинарно-образовательных частях не идет в счет общего срока службы в ВС. Факт попадания в такие части также весьма негативно сказывается на дальнейшей карьере и препятствует занятию государственных должностей. Так или иначе, система гауптвахт была признана Министерством обороны антиконституционной и нарушающей права человека в отличие от дисциплинарно-образовательных подразделений, обеспечивающих компромиссный баланс между поддержанием дисциплины и правами военнослужащих².

¹ 문재인정부 4년 100대 국정과제 추진실적, Указ. соч. С. 453.

² 최평천. 군 영창 124년 만에 사라져...다음 달부터 '군기교육'으로 대체 // 연합뉴스 (Чхве, Пхёнчхон. Гауптвахты отменены впервые за 124 года: со следующего месяца они будут заменены дисциплинарно-образовательными частями // Ёнхан). 2020. 28 июл. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20200728024500504>

Из других преобразований социальной сферы стоит отметить повышение денежного довольствия военнослужащих рядового и младшего командного состава. В 2017 г. была объявлена цель достичь размера ежемесячного оклада до уровня 50 % от МРОТ (на тот момент он составлял около 25 % от МРОТ) к 2022 г. По состоянию на 2021 г., средний размер довольствия сержантов составлял 608,5 тыс. вон, что соответствовало лишь 33 % МРОТ в 2021 г. Кроме этого, в ВС РК была запущена программа льготного депозита с государственным софинансированием в целях помощи адаптации военным после завершения службы. В программе состояло около 290 тыс. участников, которые открыли вклад по высокой процентной ставке в банках, являющихся партнерами программы, и претендовали на получение государственной выплаты в размере 1/3 от итоговой суммы накоплений¹.

Еще одно направление реформы – развитие военной промышленности. Важным приоритетом здесь является рост экспорта вооружений. По данным Стокгольмского института исследования проблем мира, в 2011–2015 гг. РК занимала 15-е место в мире по экспорту вооружений, объем которого составлял в этот период 1,2 млрд долл. (0,8 % мирового рынка). Экспорт южнокорейских вооружений значительно вырос в следующие пять лет – в 2016–2020 гг. он составил 3,7 млрд долл., что подняло РК на 9 место в мире (2,7 % мирового рынка). Таким образом, за эти два периода Южная Корея совершила скачок в объеме экспорта в 210 % – больше всех среди ведущих экспортеров вооружений². В отдельно взятом 2020 г. РК заняла уже 6-е место в мире (3,6 %). Все это свидетельствует о серьезных перспективах экспортного потенциала военной промышленности Сеула.

Корейским институтом развития военных технологий (англ. Korea Research Institute for Defense Technology Planning and Advancement, KRIT) KRIT) раз в три года проводится оценка уровня научно-технологического развития военной отрасли стран мира, согласно которой, с 2015 г. по настоящее время РК занимает 9-е место

¹ 장병내일준비적금 '22년부터 매칭지원금 지급 (Выплаты по программе льготного депозита для военных начнутся с 2022 г.) // Korea.kr. 2021. 31 дек. URL: <https://www.korea.kr/briefing/pressReleaseView.do?newsId=156489728>

² Wezeman, P. Trends in International Arms Transfers. SIPRI Fact Sheet, March 2021. Stockholm, 2021. Pp. 2–4.

в мире. Цели «Военной реформы 2.0» предполагали подъем РК на 7-ю строчку в данном рейтинге к 2022 г., а в 2019 г. Министерством обороны был поставлен более долгосрочный приоритет – достичь 6-го места в мире по уровню научно-технологического развития к 2033 г.¹ Стоит отметить, что в период проведения военной реформы был достигнут прогресс в ряде крупных проектов южнокорейской военной промышленности: введен в строй второй универсальный десантный корабль-вертолетоносец типа «Токто», представлен первый образец истребителя поколения 4++ KF-X, начата разработка авианосца программы CVX водоизмещением 45 тыс. тонн.

Наконец, в рамках реформы был реализован ряд мер по борьбе с коррупцией в сфере военной промышленности. В апреле 2018 г. было введено обязательство для официальных лиц докладывать о своих личных контактах с отставными чиновниками; в декабре 2020 г. был введен запрет для чиновников Управления программ оборонных закупок владеть активами в компаниях южнокорейского ВПК, а также расширены расследовательские полномочия Национальной разведывательной службы для предотвращения утечек военных технологий.

Последнее направление реформы затрагивало бюджетную политику. На протяжении последних лет военный бюджет РК ежегодно бил рекорды в абсолютных величинах, в СМИ приобрела популярность фраза «эра 50-триллионного военного бюджета», переход в которую состоялся в 2020 г. На 2022 г. был принят самый большой на данный момент в истории военный бюджет в размере 54,6 трлн вон. Рост расходов на оборону являлся в том числе и одним из приоритетов «Военной реформы 2.0».

Целевым показателем в рамках реформы было обозначено формирование бюджета в объеме 270,7 трлн вон на период 2019–2023 гг. В период с 2019 по 2022 г. ежегодно военные расходы составляли от 46 до 54 трлн вон (всего 204 трлн вон). Следовательно, для выполнения этой задачи потребовалось бы выделение около 70 трлн вон на военные расходы на 2023 г. Подобный скачок – значительно выше стандартных темпов роста.

¹ 2019–2033 국방과학기술 진흥정 책서. 서울, 2019 (Политика научно-технологического развития военной отрасли на 2019–2033 гг. Сеул, 2019). С. 45.

Следует отметить также, что последние 15 лет доля военного бюджета в государственном бюджете РК стабильно не превышала 10 %, а при Мун Джэине постепенно снижалась до рекордных 8,9 % в 2022 г. Что касается роста военных расходов – его темпы неравномерны, после пика в 2019 г. (8,2 %) последовало резкое снижение этого показателя (3,35 % в 2022 г.). С 2017 г. стремительно падал и рост военного бюджета относительно роста государственного бюджета. В рамках военной реформы была поставлена задача добиться уровня 7,5 % среднего ежегодного темпа роста военного бюджета на период 2019–2023 гг. Без учета данных за 2023 г. эта цифра составила лишь 5,1 %¹.

Таким образом, можно заключить, что проведение «Военной реформы 2.0» привело к умеренно успешному результату. Руководству РК удалось реализовать важные инициативы в области кадровой политики – сокращение численности ВС и срока военной службы, рост числа женщин-военнослужащих, привлечение гражданских служащих. Эти изменения помогут РК отреагировать на снижение уровня рождаемости, но они носят скорее неотложный характер: в будущем для ответа на демографические вызовы могут потребоваться и более радикальные меры, в том числе и отмена обязательного воинского призыва.

Итоги реформы судебной системы носят двоякий характер. С одной стороны, в РК был ликвидирован ряд устаревших институтов (гауптвахты и право командующих созывать суда и участвовать в них в качестве судей). С другой стороны, правовое закрепление этих преобразований пока еще не завершено. Эффект судебной реформы, равно как и мер по защите прав человека в ВС в полной мере оценить можно будет лишь спустя время. Среди неудачных инициатив в рамках социального направления военной реформы можно выделить повышение размера денежного довольствия военнослужащих, существенного прогресса в чем добиться не удалось.

Наконец, к числу неудач «Военной реформы 2.0» можно отнести и проблему передачи оперативного командования над ВС РК.

¹ Сост. по: 국방예산 추이 // 대한민국 국방부 (Динамика военного бюджета // Министерство обороны Республики Корея). URL: https://mnd.go.kr/mbshome/mbs/mnd/subview.jsp?id=mnd_010401020000; Open Fiscal Data // Ministry of Economy and Finance. URL: <https://www.openfiscaldata.go.kr/op/en/index>

Процесс совместной работы и консультаций между РК и США над этим вопросом был сильно замедлен в условиях пандемии COVID-19. Однако куда более важное обстоятельство – это глобальная и региональная обстановка безопасности, которая пока что видится Сеулу и Вашингтону недостаточно благоприятной для передачи оперативного командования.

3.2. Военная политика Южной Кореи администрации Юн Согёля и план «Военные инновации 4.0» (2022–2025)

Пришедшая в 2022 г. к власти в Южной Кореи администрация Юн Согёля инициировала ряд изменений в военно-политическом курсе государства. Политика Юн Согёля по развитию вооруженных сил и укреплению обороноспособности реализовывалась на фоне изменений и во внешнеполитической стратегии РК. Новая администрация провозгласила КНДР в качестве основного противника, регулярно на официальном уровне отмечая возросшую ракетно-ядерную угрозу, интенсификацию кибератак на общественную инфраструктуру РК и кражу криптовалют со стороны Северной Кореи¹. Негативно РК отнеслась и к развитию военно-технического сотрудничества России и КНДР, раскритиковав заключение Москвой и Пхеньяном двустороннего Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве в июне 2024 г. как угрожающее «миру и безопасности на Корейском полуострове и в Европе»². В период 2022–2025 гг. военная напряженность на Корейском полуострове значительно выросла – оба корейских государства проводили провокации с использованием беспилотников, а межкорейское соглашение о сотрудничестве в военной сфере, заключенное в 2018 г. и предусматривающее ряд механизмов по упрочению мира на полуострове,

¹ Joint Statement on Cryptocurrency Thefts by the Democratic People's Republic of Korea and Public-Private Collaboration // US Department of State. 2025. Jan 14. URL: <https://2021–2025.state.gov/office-of-the-spokesperson/releases/2025/01/joint-statement-on-cryptocurrency-thefts-by-the-democratic-peoples-republic-of-korea-and-public-private-collaboration/>

² Kang, Yoon-seung. Yoon says Russia should choose whether S. Korea or N. Korea is more important // Yonhap. 2024. July 08. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240708005951315?section=search>

было де-факто разорвано в 2023–2024 гг. по обоюдной инициативе. Кроме того, правительство Юн Согёля предпринимало активные действия по выстраиванию партнерств в области безопасности с США, Японией, блоком НАТО, отдельными государствами Европы, Ближнего Востока и АТР. Среди результатов этой деятельности можно выделить заключение Индивидуально адаптированной программы партнерства с НАТО в 2023 г. и Меморандума о сотрудничестве в рамках «Трехсторонней структуры сотрудничества в области безопасности» между США, РК и Японией в 2024 г., что стало прецедентом, указывающим на потепление исторически проблемных отношений между Сеулом и Токио.

В июле 2022 г. правительство Юн Согёля выпустило план «120 задач государственной политики», в котором обозначены основные приоритеты и задачи внутри- и внешнеполитического курса государства. 8 из этих задач были посвящены вопросам военной политики и имели следующее содержание¹:

1. Задача № 103 «Развитие сильных вооруженных сил с опорой на науку и технологии искусственного интеллекта и продвижение плана «Военные инновации 4.0». Данная задача представляется ключевой в военно-политическом курсе Юн Согёля, и предполагает коренную реорганизацию национальной обороны с опорой на беспилотные технологии и искусственный интеллект. В рамках задачи была запланирована реализация плана «Военные инновации 4.0», посвященного внедрению беспилотных и пилотируемых боевых систем на базе подразделений ВС РК, совмещению усилий гражданского и военных секторов по научно-технологической работе для применения ИИ в военной сфере, подготовке кадров в соответствующих высокотехнологических областях. Реализация этой задачи предполагала создание передовых и технологичных ВС, способных за счет ИИ-решений и беспилотных технологий компенсировать нехватку личного состава ввиду низкого уровня рождаемости в РК.

2. Задача № 104 «Значительное укрепление потенциала реагирования на ракетно-ядерную угрозу КНДР». Данная задача предусматривает технологическую модернизацию «трехосной» системы противоракетной обороны РК, включая как совершенствование

¹ 윤석열 정부 120대 국정 과제. 서울, 2022. (120 задач государственной политики правительства Юн Согёля. Сеул, 2022). С. 173–180.

ее трех основных элементов (программ Kill Chain и Korea Massive Punishment and Retaliation и «головной» системы ПРО Korea Air and Missile Defense), так и строительство системы перехвата дальнобойной артиллерии и ее последующая интеграция с КАМД – последнее позволит завершить «нижний» уровень многоуровневой системы ПРО РК и обеспечить оборону против новых образцов реактивной и ствольной артиллерии КНДР. Кроме того, реализация задачи связана с образованием Стратегического командования под прямым руководством председателя Объединенного комитета начальника штабов, в сферу ответственности которого входит интеграция и оперативное управления ракетными силами государства и другие функции, связанные с обеспечением стратегического сдерживания и реагирования.

3. Задача № 105 «Укрепление альянса США-РК и расширение научно-технологического сотрудничества». В качестве одного из ключевых вопросов развития военного альянса между США и РК администрация Юн Согёля поставила укрепление сотрудничества по обеспечению расширенного ядерного сдерживания со стороны США. Важным аспектом сотрудничества также было объявлено повышение совместной боеготовности и проведение совместных военных учений в различных форматах. Союзники провозгласили в качестве приоритета научно-технологическое сотрудничество и создание консультативного органа по вопросам совместного развития военных технологий. Наконец, администрация Юн Согёля подтвердила свою приверженность цели передачи оперативного командования над ВС РК в военное время от США Южной Корее и солидарность с подходом к проблеме передачи оперативного командования, «основанном на выполнении условий», принятом союзниками в 2015 г.

4. Задача № 106 «Развитие передовой военной промышленности и наращивание экспорта вооружений». Данная задача посвящена содействию развития ВПК государства с учетом передовых технологических тенденций, координации деятельности по разработке новых технологий оборонного назначения и экспорта военной техники и вооружений, государственной поддержке и координации процесса экспорта продукции южнокорейского ВПК, ее продвижении на мировых рынках. В числе выдвинутых инициатив в рамках данной задачи – создание фонда для поддержки развития военных

инноваций и заключение Соглашения о взаимных оборонных закупках США–РК.

5. Задача № 107 «Совершенствование условий военной службы и укрепление морального духа военнослужащих». Данная задача посвящена улучшению бытовых условий военной службы в ВС РК, расширению возможностей образования для военнослужащих, реорганизации казарменных помещений и военных объектов в целом для создания комфортной среды сосуществования военнослужащих и местных жителей. Работа по данной задаче предполагала улучшение питания, экипировки, жилищных условий, системы здравоохранения в ВС. В числе конкретных инициатив, предложенных в плане «120 задач государственной политики», указаны создание Центра военной травматологии, создание 2–4-местных комнат в казарменных помещениях, расширение возможностей для аутсорсинга задач, не связанных с боевой подготовкой, увеличение время пользования мобильным телефоном военнослужащими. Примечательна часть задачи, посвященная поддержанию морального духа солдат – для этого в плане было предложено четко зафиксировать в Белой книге обороны 2022 г. тезис о том, что «северокорейский режим и вооруженные силы Северной Кореи являются врагами».

6. Задача № 108 «Развитие чувства гордости за военную службу». Данная задача связана с вопросами защиты прав человека в ВС и повышение удовлетворенности военной службой. Центральная инициатива в рамках данной задачи – повышение денежного довольствия до уровня 2 млн вон в месяц (для сержантского состава), состоящего из прямых выплат и программы формирования активов. В целом, реализация задачи подразумевает разработку различных мер социальной поддержки военнослужащих, включая льготы, пенсионные программы и программы жилищной поддержки.

7. Задача № 109 «Поддержка патриотов и ветеранов, до конца преданных своей стране». Другой вопрос, связанный с социальным обеспечением, касается мер поддержки бывших военнослужащих с целью их реинтеграции в общество после прохождения военной службы. В числе запланированных мер поддержки – увеличение субсидий на трудоустройство, увеличение почетного пособия ветеранов и упрощение критериев для получения бывшими военнослужащими различных социальных выплат. Помимо этого, в рамках данной задачи была предусмотрена мемориальная деятельность, включая

государственную поддержку по проведению похорон ветеранов и строительство национального кладбища на 180 тыс. захоронений в Ёнчхоне, пров. Кёнгидо.

8. Задача № 110 «Память о тех, кто пожертвовал собой на благо страны и народа». Данная задача направлена на поддержку солдат, проходящих срочную службу по призыву и повышение престижа военной службы в целом. Реализация задачи связана как с предоставлением социальных льгот для солдат-срочников и правовым закреплением включения срока пребывания на военной службе в общий стаж трудовой деятельности, так и с продвижением общенациональной кампании уважения солдат, пожарных, полицейских и др. «Люди в униформе», организацией памятных мероприятий в честь освобождения Кореи и окончания Корейской войны.

В центр военной политики администрация Юн Согёля поставила развитие ВС с акцентом на применение искусственного интеллекта и других передовых технологий. Данный подход, с точки зрения южнокорейского руководства, должен помочь решить проблему низкого уровня рождаемости и компенсировать риски, связанные с недокомплектом личного состава ВС. По данным, предоставленным Министерством обороны РК, количество 20-летних мужчин в 2022 г. составило 252 тыс. чел. и к 2035 г. может сократиться до 230 тыс. чел., а к 2040 г. – до 130 тыс. чел¹. Для реализации этого курса РК разработало план «Военные инновации 4.0», предполагающий 5 направлений деятельности:

1. Противодействие северокорейской ракетно-ядерной угрозе. В рамках данного направления главной задачей являлось совершенствование «трехосной» системы ПРО при помощи цифровых технологий, и для ее реализации было анонсировано создание системы Kill Web. Концепция Kill Web представляет собой дополнение к программе превентивного удара Kill Chain, являющегося одним из компонентов «трехосной» системы ПРО, и подразумевает использование киберопераций, средств РЭБ и других передовых технологических решений для превентивной атаки на северокорейские ракетные и ядерные объекты. Помимо этого, работа в данном направлении предполагала создание Стратегического командования к 2024 г., в ведении которого должны находиться ракетные и противоракетные

¹ 국방혁신 4.0. 서울, 2023. (Военные инновации 4.0. Сеул, 2023). С. 7.

вооружения различных родах войск в ВС РК, и адаптацию оперативных планов ПРО с учетом внедрения новых технологий¹.

2. Разработка передовых военных стратегий и оперативных концепций. Данный вектор подразумевает адаптацию стратегий и оперативных концепций ВС к современным технологическим вызовам и трендам развития современного военного дела. В качестве ключевых технологий, которые необходимо учесть при выработке оперативных концепций и стратегий, названы ИИ и пилотируемое и беспилотное взаимодействие (англ. manned-unmanned teaming, MUM-T)².

3. Развитие современного боевого потенциала на основе технологий ИИ. Одной из главных и амбициозных задач плана «Военные инновации 4.0» является внедрение в ВС комплексных пилотируемых/беспилотных боевых систем в несколько этапов – от создания удаленных центров управления до полной автоматизации систем вооружений. Предполагается, что тестовые подразделения с системами, сочетающими пилотируемые и беспилотные вооружения и военную технику, будут постепенно развернуты во всех родах войск. Другая задача в этом направлении – внедрение системы объединенного комбинированного управления и контроля (по образцу американской системы Joint All-Domain Command and Control, JADC2), способной при помощи ИИ собирать и централизованно обрабатывать оперативные данные от разных подразделений ВС и использовать их в межвидовых операциях. Отдельное внимание здесь уделено развитию средств кибервойны, интегрированной информационной системы операций в электромагнитном спектре, средств наблюдения в космическом пространстве³.

4. Инновационное развитие структуры ВС и системы подготовки военнослужащих. Данное направление реформы подразумевало адаптацию организационной и командной структуры с учетом изменений, предусмотренных остальными инициативами плана «Военные инновации 4.0». В перспективе представляется необходимым оценить необходимый уровень численности личного состава ВС после широкомасштабного внедрения беспилотных систем

¹ Там же. С. 14–16.

² 국방혁신 4.0. Указ. соч. С. 20

³ Там же. С. 24–26.

и изменить организационную структуру ВС. Кроме этого, для поддержания достаточного уровня боеспособности в новых технологичных сферах военного дела важными задачами были объявлены подготовка военных специалистов и повышение компетенций рядовых солдат в релевантных технологиях¹.

5. Трансформация системы закупок вооружений и военных научно-технологических разработок. С целью сокращения сроков процессов закупок вооружений администрация Юн Согёля провозгласила усиление координирующей роли Министерства обороны и стремление к оптимизации таких этапов, как выработка технических требований, верификация и анализ выполнения отобранных проектов. Также, для стимулирования проведения НИОКР в области передовых военных технологий было запланировано создание Центра оборонного ИИ к 2024 г., увеличение бюджета на научные исследования и разработки, обеспечение правовой основы для последующей реализации проектов в области оборонного ИИ².

Таким образом, основные задачи плана «Военные инновации 4.0» и военной политики Юн Согёля в целом были связаны с развитием беспилотных вооружений и внедрением ИИ и других передовых технологий в военной сфере. В реализации этих задач РК удалось добиться некоторых, хотя и ограниченных успехов. Одним из титульных проектов по развитию интеллектуальных боевых систем является подразделение Army TIGER, изначально образованное в 2019 г. как испытательный батальон в составе 25-й пехотной дивизии в составе ВС РК, в котором апробировались дроны и бронеавтомобили, модернизированные при помощи ряда решений, основанных на использовании ИИ и беспилотных/безэкипажных технологий. При Юн Согёле это подразделение было расширено до бригады и также стало частью плана «Военные инновации 4.0». На вооружении бригады Army TIGER состоят разведывательные БПЛА разных габаритов и БТР K808, оснащенные боевыми модулями дистанционного управления – испытания, проведенные летом 2023 г., показали, что комбинирование использования БПЛА и БТР в Army TIGER значительно увеличило скорость передвижения, идентификации целей и др. показатели в сравнении с обычными

¹ 국방혁신 4.0. Указ. соч. С. 30–32.

² Там же. С. 24–26.

подразделениями сухопутных сил¹. Также концепция гиперподключенности в Army TIGER реализуется в использовании прототипов боевых систем Warrior Platform – индивидуальной экипировки солдат, оснащенной системами передачи радио- и видеоинформации с разведывательных дронов в реальном времени, мониторинга биосигналов, радиолокационного опознавания «свой-чужой» и др.². Министерство обороны и ВС РК объявило о планах завершения создания этих систем и дальнейшей интеграции между собой с целью распространить использование интеллектуальных боевых систем Army TIGER в четырех бригадах в 2025 г. а к 2040 г. – во всех подразделениях сухопутных сил РК³.

При Юн Согёле создание демонстрационных интеллектуальных подразделений продолжилось также и в других родах и видах войск – в частности, в военно-морских силах и морской пехоте. В 2022 г. было объявлено о создании подразделения Navy Sea GHOST, на вооружение которого планируется принять беспилотные надводные и подводные аппараты (типов «Хэгом», M-Searcher, Sea GHOST и др.), автономные необитаемые подводные аппараты, автономные роботы и беспилотные противоминные аппараты. Концепция Navy Sea GHOST, аналогично, связана с интеграцией беспилотной и пилотируемой военной техники в единую автономную систему, способную выполнять различные функции, прежде всего – разведку и боевое траление⁴. Также на базе Navy Sea GHOST планируется модернизация и надводных кораблей, к примеру, в рамках

¹ 이바름. 육군 차세대 모델 '아미타이거', 사단급으로 확대된다 // 뉴데일리 (Ли, Парым. Подразделение Army Tiger армии РК будет в будущем трансформировано в дивизию // New Daily). 2023. 27 июня. URL: <https://www.newdaily.co.kr/site/data/html/2023/06/27/2023062700115.html>

² 위리어플랫폼 // 한화시스템 (Warrior Platform // Hanwha Systems). URL: https://www.hanwhasystems.com/kr/business/defense/land/warrior_index.do

³ South Korean army showcases future force experimentation unit // Asian Military Review. 2023. Feb, 17. URL: <https://www.asianmilitaryreview.com/2023/02/south-korean-army-showcases-future-force-experimentation-unit/>

⁴ 김귀근. 해군, 유·무인전투체계 '네이버 씨 고스트' 발전 콘퍼런스 // 연합뉴스 (Ким, Квигын. Конференция ВМС по развитию беспилотной и пилотируемой системы Navy Sea GHOST // Ёнхан). 2023. 12 сен. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20230912044600504>

проекта по оснащению тральщика типа «Янгъян» подводной системой наблюдения и нейтрализации мин.¹ Другой проект по созданию боевого подразделения нового типа – экспериментальный батальон Iron Marine, образованный в Корпусе морской пехоты РК в 2024 г. Планируется, что новое подразделение сможет автономно проводить десантные операции в сложных условиях, используя дроны, БТР K808 и десантно-штурмовые машины проекта KAAV (англ. Korea Amphibious Assault Vehicle). Согласно плану развития Iron Marine, подразделение предполагается расширить, трансформировав его в бригаду к 2026 г.² Наконец, можно отметить ряд отдельных проектов по модернизации и разработке интеллектуальных систем вооружений. К таковым можно отнести проект K9A2 по модернизации CAU K9, рассчитанный до 2027 г. и предполагающий оснащение его автоматическим устройством заряжания орудия (что позволит снизить численность экипажа с 5 до 3 человек)³. Другой примечательный проект – боевая экипировка MILES, представляющая собой индивидуальное снаряжение для солдат пехоты с различными датчиками жизненных показателей, полученных повреждений, местоположения и др., интегрированное с информационной системой штаба подразделения. В 2024 г. экипировка MILES была официально принята на вооружение в 80 % подразделений армии РК, на 2025 г. запланировано завершение ее распределения по всем остальным подразделениям, а в дальнейшие годы – создать специализированные модификации для инженерных подразделений, войск радиационной, химической и биологической защиты и т.д.⁴

¹ Lee, Juho. South Korea Reveals New 'Navy Sea GHOST' concept // Naval News. 2022. Nov. 15. URL: <https://www.navalnews.com/naval-news/2022/11/south-korea-reveals-new-navy-sea-ghost-concept/>

² 이원준. 해병대, 스마트한 전투실험대대 '아이언 마린' 출범 // 국방일보 (Ли Вонджун. В Корпусе морской пехоты РК создан экспериментальный батальон Iron Marine // Кукпан ильбо). 2024. 29 янв. URL: https://kookbang.dema.mil.kr/newsWeb/20240130/2/ATCE_CTGR_0010040000/view.do

³ 김승욱. 'K-방산 선구자' K9차주포 2차 성능개량 본격화...자동장전 채택 // 연합뉴스 (Ким, Сынок. Первопроходец K-Defense CAU K9 проходит испытания // Ёнхван). 2023. 13 мая. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20230513021800504>

⁴ 정충신. 육군 시간·장소 안가리고 과학화전투훈련 한다...신형 소대급 마일즈 장비 6년만에 보급 완료 // 문화일보 (Чон, Чхунсин. Армия РК проводит учения: оборудование MILES поставлено спустя 6 лет // Мунхва ильбо). 2024. 25 мая. URL: <https://munhwa.com/news/view.html?no=2024052501039910114001>

Следующий важный аспект военной политики связан с развитием системы противоракетной обороны, в особенности – ее «нижнего» компонента, предназначенного для защиты от северокорейских артиллерийских сил, активно развиваемых в КНДР как в качественном, так и в количественном отношениях. Одна из главных мер, реализованных администрацией Юн Согёля – это образование Командования беспилотных операций 1 сентября 2023 г. и Стратегического командования 1 октября 2024 г.¹ Данные органы подчинены Министерству обороны и Объединенному комитету начальников штабов и представляют собой отдельные командования ВС РК, ответственные за проведение межродовых операций. Командование беспилотных операций будет проводить разведывательные операции с использованием дронов, состоящих на вооружении различных родов войск ВС РК, а также противодействовать аналогичным операциям, проводимым КНДР (таким как пролет нескольких северокорейских БПЛА в воздушном пространстве Южной Кореи в конце 2022 г., вызвавший серьезную озабоченность военно-политического руководства РК).

Ответственность Стратегического командования – осуществление сдерживания и реагирования на потенциальные ракетно-ядерные атаки, а также проведение совместных операций в космическом пространстве и электромагнитном спектре, киберопераций и т. д., связанных с обеспечением обороны против ракетных и ядерных ударов². Также в ноябре 2024 г. при Объединенном комитете начальников штабов ВС РК был образован Штаб мультимедийных операций, который будет курировать вышеупомянутые виды операций в целом³.

¹ 광희양. 핵·채매식 무기 통합 운용하는 전략사령부 창설...초대 사령관은 진영승 공군 중장 // 경향신문 (Квак, Хиян. Создание Стратегического командования для проведения совместных операций: командующим назначен генерал-лейтенант ВВС Чин Ёнсын // Кёнхян синмун). 2024. 30 сен. URL: <https://www.khan.co.kr/article/202409301739001>

² 전략사령부령 // 국가법령정보센터 (Стратегическое командование // Информационный центр законодательства Республики Корея). URL: <https://www.law.go.kr/법령/전략사령부령>

³ 김철선. 합참, 우주·사이버·전자전 대비 '다영역작전부' 신설// 연합뉴스 (Ким, Чхольсон. При ОКНШ создан штаб мультимедийных операций для космической, кибер- и электронной войны // Ёнхан). 2024. 22 ноя. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20241121158200504?section=politics/all>

Несомненным приоритетом администрации Юн Согёля является продолжение строительства южнокорейской системы ПРО KAMD и остальных компонентов «трехосной» системы ПРО. В основе этой работы лежит разработка и принятие на вооружение новых противоракетных систем вооружений. Одно из последних достижений в этой области – модернизация подводных лодок проекта KSS-III (часто упоминаемых также как «тип Чан Бого-III»), оснащенных баллистическими ракетами (БРПЛ). В апреле 2024 г. Управление программ оборонных закупок объявило о передаче ВМС РК подлодки «Син Чэхо», последней из трех подлодок KSS-III Batch-I, имеющей водоизмещение 3000 т, 6 БРПЛ и воздухомезависимую энергетическую установку¹. Также, в 2023–2024-х гг. было начато строительство трех подлодок KSS-III Batch-II – более крупной (водоизмещение 3600–4000 т, 10 БРПЛ) и технологически продвинутой модификации проекта KSS-III². Будучи оснащенными современными БРПЛ, подводные лодки KSS-III таким образом станут важной частью многоуровневой системы ПРО и позволят РК значительно расширить возможности по нанесению превентивных ударов по ракетным и ядерным объектам КНДР.

Один из пробелов системы ПРО, которые РК активно пыталась восполнить последние годы – отсутствие собственных разведывательных спутников, которые позволят отслеживать военную активность КНДР без опоры на разведывательные данные, предоставляемые США. В 2023 и 2024 гг. РК осуществила три пуска разведывательных спутников на ракетах-носителях SpaceX Falcon 9 с космодромов США. Первый спутник, запущенный в декабре 2023 г., был оснащен электрооптическими и инфракрасными датчиками (EO/IR), а последующие два, пуски которых состоялись в апреле и декабре 2024 г., были оснащены радаром с синтезированной апертурой (SAR)³. Согласно проекту 4-го Базового плана содей-

¹ 3축 체계 핵심전력 ‘신채호함’ 우리바다를 수호하다 // 정부24. (Ключевой проект трехосной системы ПРО, подводная лодка «Син Чэхо», защищает наши моря // Правительство 24). 2024. 4 апр. URL: <https://www.gov.kr/portal/ntnadmNews/3839777>

² Cha, Eunhyuk. Hanwha Ocean Lays Keel of Second KSS-III Batch-II Submarine // Naval News. 2024. July 13. URL: <https://www.navalnews.com/naval-news/2024/07/hanwha-ocean-lays-keel-of-second-kss-iii-batch-ii-submarine/>

³ Lee, Minji. S. Korea successfully launches 3rd spy satellite into orbit // Yonhap. 2024. Dec. 21. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20241221003052315?section=national/defense>

ствия развитию космонавтики, опубликованном в декабре 2022 г., РК планирует испытать еще несколько SAR-спутников, разработать микроспутники наблюдения, а также – разрабатывать собственные ракеты-носители¹, пользуясь снятием в 2021 г. всех ограничений по дальности действия южнокорейских ракет, наложенных на РК по условиям двустороннего меморандума США-РК в 1979 г.

Другой приоритет развития ПРО в РК – это создание «низкоуровневого» компонента KAMD, необходимого для обеспечения обороны против артиллерии и ракет малой дальности. Актуальность этого возросла в последние годы на фоне достижений КНДР в развитии современных артиллерийских систем (ярким примером является РСЗО KN-25 «сверхкрупного калибра» 600 мм²) и развертывании ей большого количества артиллерии в близости к территории РК. О начале строительства LAMD (англ. Low Altitude Missile Defense) – «низкоуровневого» компонента KAMD, часто называемого в СМИ южнокорейским аналогом израильской системы ПРО «Железный купол» – официально было объявлено 20 января 2025 г.³ Первый этап проекта LAMD с бюджетом 479,8 млрд вон рассчитан до 2028 г. В его рамках запланировано развертывание лазерных зенитных орудий Block-I («Чхонгван»), использование ПЗРК «Сингун», также предполагается разработать новые системы вооружений – системы ПРО типа LAMD-I/II⁴ и наземный вариант зенитно-артиллерийского комплекса CIWS-II⁵.

¹ “2045 우주경제 강국 실현”: 미래 우주경제 로드맵 이행을 위한. 제4차 우주개발 진흥기본계획(안). 서울, 2022. («Становление космической державой к 2045 г.»: реализация дорожной карты космической экономики будущего. 4-й Базовый план содействия развитию космонавтики (проект) Сеул, 2022. С. 45.

² Моисеев, А. Смертоносные и дальнобойные: КНДР обладает одними из лучших в мире РСЗО // Российская газета. 2023. 26 июля. URL: <https://rg.ru/2023/07/26/smertonosnye-i-dalnobojnye-kndr-obladaet-odnimi-iz-luchshih-v-mire-rszo.html>

³ 北장사정보 막을 ‘한국형 아이언돔’ 장사정보요격체계 개발 본격화 // 동아일보 (Строительство «южнокорейского Железного купола» для противодействия дальнобойной артиллерии КНДР начнется в кратчайшие сроки // Тона ильбо). 2025. 20 янв. URL: <https://www.donga.com/news/Politics/article/all/20250120/130894634/1>

⁴ 민병권. 육군 ‘장사정보요격체계-Ⅱ’ 개발 추진… 북한관 이스칸데르 등 막는다 // 서울경제 (Мин, Пёнгвон. Армия РК создаст LAMD-II для противодействия северокорейским «Искандерам» и др. // Соуль кёндже). 2022. 20 окт. URL: <https://www.sedaily.com/NewsView/26CFA2Y9TE>

⁵ South Korea develops a land-based CIWS-II 30mm system to counter future North Korean kamikaze drones // Army Recognition. 2025. Jan. 22. URL: <https://armyrecognition.com>

Наконец, одной из главных инициатив плана «Военные инновации 4.0», связанной с обеспечением ПРО, является разработка Kill Web – алгоритм превентивной атаки для поражения ключевых военных объектов противника. Концепция Kill Web является дополнением к одному из трех компонентов «трехосной» системы ПРО Kill Chain, но, в отличие от него, представляет собой не последовательную программу по осуществлению превентивных ракетных ударов, а, скорее, гибкое и одновременное использование разнообразных средств ведения войны, включая РЭБ, использование БПЛА, кибератаки и ИИ-технологии¹. Создание Kill Web было анонсировано в начале 2023 г., к настоящему моменту в рамках этого проекта был представлен пилотный вариант основанной на использовании ИИ системы Kill Web Matching. Данная система представляет собой набор программного обеспечения для распознавания целей, анализа угроз, сбора разведывательной информации, взаимодействие с БПЛА и т. д. и в перспективе планируется к внедрению в подразделение Army Tiger².

Для реализации плана «Военные инновации 4.0» администрация Юн Согёля также предприняла ряд усилий по подготовке институциональной и нормативной базы. Прежде всего, в начале 2024 г. был образован Центр оборонного ИИ, главной задачей которого является курирование ИИ-разработок для военных нужд и координация взаимодействия государства и бизнеса в этой сфере³. Предполагается, Центр оборонного ИИ будет выполнять схожую роль с Агентством оборонных разработок (ADD), органом, который курирует вопросы разработки вооружений и военной техники в целом. Также были

com/news/army-news/2025/south-korea-develops-a-land-based-ciws-ii-30mm-system-to-counter-future-north-korean-kamikaze-drones

¹ Song, Sang-ho. S. Korea's military to introduce 'Kill Web' concept to counter N. Korea's missile, nuke threats // Yonhap. 2023. Mar. 3. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230303005500325>

² 펀진 "국방 AI 솔루션, 챗봇·온디바이스 형태로 진화시킬 것" // 펀진 (Funjin): «ИИ-решения в военной сфере будут развиваться в сторону создания чат-ботов и «безоблачного» ПО на устройствах // Funjin). 2024 18 июня. URL: https://www.funjin.co.kr/pr-center?tpf=board/view&board_code=1&code=454

³ Chae, Yun-hwan. S. Korea launches research center in defense artificial intelligence // Yonhap. 2024. Apr. 1. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240401001900315>

созданы отдельные исследовательские центры – например, в июле 2022 г. в г. Тэчжон был образован кластер оборонных инноваций, объединяющий усилия государственных органов и компаний среднего и малого бизнеса по созданию дронов и сопутствующих технологий¹. В целом, государственная поддержка бизнеса для разработки и внедрения военных инноваций являлась одним из приоритетов администрации Юн Согёля и с этой целью был создан ряд механизмов по стимулированию предприятий оборонного сектора. Один из таковых примеров – программа «100 компаний в области оборонных инноваций», реализуемая с 2022 г. Управлением программ оборонных закупок с целью отобрать к 2026 г. проекты 100 компаний среднего и малого бизнеса в области ИИ, робототехники, космических и полупроводниковых технологий и др. По состоянию на конец 2024 г. было отобрано 62 компании, которые реализуют 5-летние проекты, получая ежегодное финансирование в объеме 5 млрд вон². Наконец, при Юн Согёле удалось реализовать такие законодательные инициативы, как внесение поправок в 2024 г. в Закон «Об Агентстве оборонных разработок» и Закон «Об оборонной промышленности».

Поправки к первому закону предполагали дополнительную роль Агентства оборонных разработок в реализации проектов по обучению и привлечению экспертов из гражданских отраслей науки и промышленности, закрепление полномочий по экспорту или использованию в гражданских целях военного оборудования и продукции военной промышленности³. Поправки ко второму – внедрение ускоренной процедуры закупки и принятия на вооружение военных ИИ- и беспилотных технологий, предполагающей

¹ 하채림. 대전에 드론 특화 방산혁신클러스터 구축...490억 투입 // 연합뉴스 (Ха Чхэрим. В Тэчжоне открыт кластер военных инноваций, специализирующийся на дронах: потрачено 49 млрд вон // Ёнхап). 2022. 29 июля. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20220729075400504>

² 김철선. '방산혁신기업 100' 27개사 추가 선정...50억 한도 지원 // 연합뉴스 (Ким, Чхольсон. Еще 27 компаний были отобраны в рамках проекта «100 компаний в области оборонных инноваций», которые получают поддержку в пределах 5 млрд вон // Ёнхап). 2024. 10 дек. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20241210030300504>

³ 국방과학연구소법 // 국가법령정보센터 (Закон «Об Агентстве оборонных разработок // Информационный центр законодательства Республики Корея). URL: <https://www.law.go.kr/법령/국방과학연구소법>

отсутствие нескольких фаз верификации, предварительных исследований и позволяющей сократить срок эксплуатационных испытаний до 6 месяцев¹.

Следующие направления не входят в план «Военные инновации 4.0», но представляют собой часть военной политики Юн Согёля – к ним относятся социальная поддержка военнослужащих, повышение престижа военной службы, мемориальная деятельность. Одно из главных обещаний Юн Согёля – поднять уровень денежного довольствия военнослужащих сержантского состава до уровня 2 млн вон. По состоянию на начало президентского срока Юн Согёля, в 2022 г. общий объем ежемесячных выплат составлял 676,1 тыс. вон у сержантов (около 35 % от МРОТ) и 510,1 тыс. вон у рядовых (26 % от МРОТ)². Администрация Юн Согёля поставила цель к 2025 г. увеличить общий объем выплат сержантам до 2 млн 50 тыс. вон, из которых 1 млн 500 тыс. вон представляют собой «оклад», а 550 тыс. вон выплачиваются в виде «надбавки» из специального фонда, созданного Министерством обороны в партнерстве с несколькими банками РК с целью финансовой поддержки военнослужащих и подготовки их к реинтеграции в общество после прохождения службы³.

За последние три года правительству удалось постепенно повышать размер денежного довольствия сержантов в соответствии с планом, и, согласно утвержденному бюджету, начиная с 2025 г. военнослужащие сержантского состава начнут получать ежемесячные выплаты размером 2 млн 50 тыс. вон. Однако выполнение этого показателя вызывает другую проблему – согласно опросам, проведенным Корейским институтом оборонного анализа, резкое увеличение довольствия служащих рядового и сержантского состава поставило их практически в равные финансовые условия с младшими офицерами, что сильно демотивировало военных продолжать карьеру и получать офицерские звания (согласно результатам опросов, после объявления Юн Согёлем плана о повышении

¹ 신대원. 정부, 신무기 빠르게 도입하는 ‘페스트 트랙’ 도입// 헤럴드경제 (Син, Тэвон. Правительство вводит fast track-процедуру для ускоренного принятия на вооружение новых технологий // Геральд кёндже). 2023. 9 мая. URL: <https://biz.heraldcorp.com/article/3121009>

² 2022 Defense White Paper. Seoul, 2023. P. 269.

³ 2022 Defense White Paper. Op. cit. P. 270.

денежного довольствия солдат, количество желающих стать офицерами сократилось на 41 %)¹.

Другой проект, запланированный администрацией Юн Согёля – улучшение жилищных условий военнослужащих и создание 2-местных и 4-местных помещений в казармах вместо существующих ныне помещений, рассчитанных на проживание 8–10 человек. С 2023 г. началась реализация плана по реконструкции 3 тыс. казарменных помещений в ускоренном порядке без проведения предварительного технико-экономического обоснования, что позволило начать работы раньше плана². Также Министерство обороны объявило о начале реализации в 2024 г. пилотного проекта по созданию армейских столовых буфетного типа, в которых служащие смогут самостоятельно выбирать блюда, а не получать питание в рамках фиксированного меню. Кроме того, в 2022 г. Министерство обороны увеличило стоимость комплексного обеда в ВС с 11 до 13 тыс. вон с целью использовать более качественные продукты. Рост цен на продукты потребовал дальнейшего увеличения стоимости стандартного приема пищи до 15 тыс. вон, однако запрос Министерства обороны пока что не был удовлетворен при утверждении военного бюджета³.

Что касается задач, связанных с военно-патриотической деятельностью и делами ветеранов, следует выделить инициативу Юн Согёля по возвращению упоминания политического руководства и ВС КНДР в качестве «врагов» для РК в Белой книге обороны. Соответствующие формулировки были добавлены в издание Белой книги обороны 2022 г. (опубликованной в июне 2023 г.) и, с точки зрения Юн Согёля, призваны укрепить боевой дух южнокорейских военнослужащих.

¹ 박찬. 병사 월급 3년 만에 82만 원->205만 원...계속 올려줄건지 물었더니 // KBS (Пак, Чхан. Денежное довольствие солдат выросло с 820 тыс. вон до 2 млн 50 тыс. вон: будет ли продолжаться рост? // KBS). 2024. 27 авг. URL: <https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=8044700>

² 조운진. 병영 생활관 신축때 착공 3개월 빨라진다 // 서울경제 (Чо, Юнчжин. Строительство казарм нового типа начнется на 3 месяца раньше срока // Соул кёндже). 2024. 6 июня. URL: <https://www.sedaily.com/NewsView/2DACZTSSCE>

³ 박수찬. "잘 먹어야 잘 싸운다더니"...장병 급식비 또 동결되나 // 네이트 (Пак, Сучхан. «Хорошо сражаешься, если хорошо ешь»: будут ли снова заморожены расходы на питание солдат? // Nate). 2024. 11 окт. URL: <https://news.nate.com/view/20241011n11087>

В рамках политики по поддержке ветеранов администрация Юн Согёля инициировала реорганизацию реабилитационных центров ветеранов, открытых в Сеуле, Пусане, Тэджоне, Тэгу и Кванджу во время президентства Мун Джэина. Начиная со второй половины 2024 г., пять реабилитационных центров будут объединены с региональными военными госпиталями, что позволит военнослужащим получать не только консультации психологов и оздоровительные процедуры, но и терапевтическое лечение. Первым из таковых стал реабилитационный центр Тэгу, открытый 7 ноября 2024 г. – для него был построен отдельный корпус на 41 койко-место, соединенный с медицинским корпусом военного госпиталя¹.

Также Министерство по делам ветеранов курирует проект по строительству национального кладбища и мемориального парка в уезде Хвенсон провинции Канвон. После согласования с местными жителями проект был начат в мае 2024 г., и к 2028 г. на его реализацию будет затрачено 49,7 млрд вон – мемориальный комплекс на 20 тыс. захоронений станет первым национальным кладбищем в провинции Канвон². Также планируется построить Национальное кладбище Ёнчхон в провинции Кёнги площадью около 959 тыс. кв. м на более чем 50 тыс. захоронений. Начало строительства запланировано на 2025 г., а окончание – на декабрь 2026 г., общая сумма работ составит 100 млрд вон³.

Наконец, особую важность имели международные аспекты военной политики. При Юн Согёле было продолжено и расширено сотрудничество с многочисленными зарубежными

¹ 윤종진. 대구보훈병원 재활센터 11월 7일 개원… 보훈가족 위한 맞춤 의료서비스에 최선 // 조선일보 (Юн, Чонджин. Реабилитационный центр Госпиталя ветеранов в Тэгу будет открыт 7 ноября: лучший индивидуальный уход для семей ветеранов // Чосон ильбо). 2024. 24 окт. URL: <https://www.chosun.com/economy/industry-company/2024/10/24/HXKOAI77SREALOY7GRXDrukSMm/>

² 박수혁. ‘국립형성호국원’ 사업 본궤도…주민 반대 설득해 강원도 첫 국립묘지// 한겨레 (Пак, Сухёк. Строительство Национального кладбища Хвенсан: после согласия местных жителей оно станет первым национальным кладбищем в провинции Канвон // Хангёре). 2024. 24 мая. URL: <https://www.hani.co.kr/arti/area/gangwon/1141935.html>

³ 임명규. 국내 세 번째 국립연천현충원 내년 초 착공 // KBS (Им, Мёнгю. Строительство третьего национального кладбища РК начнется в Ёнчхоне начале следующего года // KBS). 2024. 20 дек. URL: <https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=8134615>

партнерами – странами Европы, АТР, Ближнего Востока, Латинской Америки, НАТО и др. Помимо сотрудничества в широких сферах (обмен информацией, диалог и консультации, публичная дипломатия и т. д.), в основе этого взаимодействия лежит торговля вооружениями и военной техникой. За период президентства Юн Согёля Южная Корея заключила крупные сделки по продаже вооружений с Польшей, Египтом, Малайзией и Австралией, а стоимостной объем экспорта составил 17 млрд долл. в 2022 г., 14 млрд долл. – в 2023 г., и свыше 20 млрд долл. – в 2024 г.¹ В последние годы, таким образом, Южная Корея закрепила в числе 10 ведущих экспортеров вооружений и военной техники в мире² и стремится развивать свои позиции.

Из многих направлений международного сотрудничества стоит особо выделить японский вектор, традиционно проблемный для РК. Администрация Юн Согёля предприняла многое для военно-политического сближения с Японией, используя для этого каналы сотрудничества в треугольнике США – РК – Япония. На трехстороннем саммите в Кэмп-Дэвиде в 2023 г. Вашингтон, Сеул и Токио провозгласили развитие сотрудничества в формате треугольника и обозначили цель его институционализировать. Формально этого удалось добиться летом 2024 г., когда стороны подписали Меморандум о сотрудничестве в рамках т. н. Трехсторонней структуры сотрудничества в области безопасности (TSCF). Данный формат, впрочем, не предполагал серьезной институционализации и конкретных программ сотрудничества и обязательств, а, скорее, являлся способом зафиксировать намерения и создать задел на будущее. В целом, за последние годы военное сотрудничество в треугольнике США – РК – Япония свелось к расширению масштабов и форм трехсторонних учений, обмену информацией о деятельности КНДР.

Нельзя не отметить и развитие военного альянса с США, одного из главных приоритетов внешней и военной политики РК. Лейтмотивом сотрудничества Сеула и Вашингтона при администрациях

¹ Lim, Hui Jie. As global defense spending surges, South Korean arms makers look like a clear winner // CNBC. 2024. Dec. 3. URL: <https://www.cnbc.com/2024/12/04/as-global-defense-spending-surges-south-korean-arms-makers-look-like-a-clear-winner.html>; Зуева А.Г. Проблемы и перспективы экспорта вооружений Республики Корея // США и Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 11. С. 86–87.

² Trends in International Arms Transfers, 2024 // SIPRI Fact Sheet. March 2025. P. 2.

Дж. Байдена и Юн Согёля стало обеспечение США гарантий расширенного сдерживания, в основном выраженного в виде дипломатической поддержки, проведению командно-штабных учений, визитах американских атомных подводных лодок и авианосцев в порты РК и мониторинге военной активности КНДР. Из конкретных вопросов отношений в рамках двустороннего альянса можно выделить переговоры по заключению Соглашения о взаимных оборонных поставках с США (англ. Reciprocal Defense Procurement Agreement, RDP-A), однако администрации Юн Согёля не удалось согласовать с союзником взаимоприемлемые условия двусторонней торговли вооружениями. Другой вопрос, по которому не удалось добиться прогресса – согласование передачи оперативного командования над ВС РК от США Южной Кореи. Союзники придерживались утвержденного ранее плана передачи оперативного командования, основанного на условиях (англ. Conditions Based OPCON Transfer Plan), но за время президентства Юн Согёля не получилось перейти на следующий этап реализации плана – последний прогресс на этом пути был отмечен в августе 2019 г., когда США и РК совместным решением подтвердили наличие у РК ряда необходимых критериев для самостоятельного осуществления оперативного командования ВС в военное время.

Успехом Юн Согёля можно назвать согласование внеочередного соглашения по распределению расходов на совместную оборону между США и РК, определяющую размер финансовых затрат каждой из сторон на размещение американского военного контингента на территории РК. Опасаясь избрания Д. Трампа президентом США и возможного требования американской стороны многократно увеличить долю финансового вклада РК, Южная Корея в начале 2024 г. инициировала переговоры по досрочному подписанию нового соглашения с администрацией Дж. Байдена, более лояльной по данному вопросу. В начале октября 2024 г. (за месяц до президентских выборов в США) союзники заключили пятилетнее соглашение, по условиям которого доля Южной Кореи в первый год действия соглашения составит 1,14 млрд долл., что на 8,3 % больше показателя, предусмотренного предыдущей редакцией соглашения. Данная сделка была выгодна для РК, и Сеулу удалось обезопасить свои интересы в вопросе распределения расходов на период, полностью покрывающий срок полномочий президента Д. Трампа.

3.3. Организационно-правовые основы современной военной политики Республики Корея

Процесс определения основных приоритетов, целей и задач военной политики РК реализуется в специфических организационных и правовых условиях, которые являются продуктом многолетнего развития. В политической системе VI Республики действует ряд следующих субъектов, непосредственно вовлеченных в выработку военной политики.

В первую очередь, к таковым стоит отнести Министерство обороны, которое является основным органом исполнительной власти, ответственным за выработку оборонной политики государства. Министерство обороны РК осуществляет координационный контроль над военными подразделениями, входящими в состав ВС РК, отвечает за внешние связи и военную дипломатию, экспорт и импорт вооружений, управление ресурсами и собственностью ВС, курирует военную промышленность и НИОКР в сфере военных технологий. В составе Министерства находятся аппарат министра обороны, аппарат официального представителя министерства и управление по делам военной реформы, которые подчинены напрямую министру обороны. Заместителю министра обороны подчиняются управления планирования и координации, оборонной политики, социального обеспечения, военных ресурсов, каждое из которых имеет 3–4 подразделения¹. Также министр имеет советника по политическим вопросам, а заместитель министра курирует также аппараты юрисконсульта, финансового инспектора, отдел общего обслуживания.

При президенте РК действует такой совещательный орган, как Управление национальной безопасности, в функции которого входит консультирование главы государства по вопросам национальной безопасности и кризисных ситуаций. Глава управления назначается президентом без одобрения парламента и имеет ранг министра. Также он одновременно является секретарем постоянного комитета Совета национальной безопасности – временного органа,

¹ 대한민국 국방부 조직도 // 대한민국 국방부 (Организационная структура Министерства обороны Республики Корея // Министерство обороны Республики Корея. URL: https://www.mnd.go.kr/cop/dept/deptInfo2.do?siteId=mnd&id=mnd_060501000000

созываемого с целью консультирования президента по вопросам формирования внешнего, военного и внутреннего политических курсов, связанных с вопросами национальной безопасности. Председателем Совета национальной безопасности является президент, в его состав также входят премьер-министр, министр иностранных дел, министр объединения, министр обороны, директор национальной разведывательной службы и другие лица, назначаемые президентским указом.

Центральным планированием и управлением ВС РК занимается Объединённый комитет начальников штабов. Центральный орган планирования и управления ВС РК. Датой основания ОКНШ принято считать 1 июня 1963 г., до этого его функции выполняли различные органы, подконтрольные как напрямую президенту, так и Министерству обороны. ОКНШ осуществляет непосредственное оперативное командование сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами, подчиняется президенту и министру обороны. Среди основных задач ОКНШ – планирование военной стратегии, проведение общевойсковых операций и учений, поддержание боеготовности личного состава ВС и противодействие чрезвычайным ситуациям, обеспечение режима военного положения. ОКНШ состоит из председателя комитета, его заместителя, и начальников штабов сухопутных, ВВС и ВМС, через которые осуществляется непосредственное командование соответствующими родами войск ВС РК. В составе ОКНШ также есть секретариат, управление общественных связей, правовое управление, управление анализа, главный директорат разведки, главный директорат военных операций, главный директорат стратегического планирования, главный директорат военной поддержки¹.

Основной спецслужбой РК, в ведении которой находится деятельность в сфере разведки и контрразведки, является Национальная разведывательная служба (НРС). К основным направлениям деятельности НРС относится противодействие терроризму, контрразведка, сбор сведений о КНДР и иностранных государствах, промышленный контршпионаж, защита государственной тайны, контроль

¹ 대한민국 합동참모본부 편성 // 대한민국 합동참모본부 (Организационная структура Объединённого комитета начальников штабов Республики Корея // Объединённый комитет начальников штабов Республики Корея). URL: https://www.jcs.mil.kr/mbshome/mbs/jcs2/subview.jsp?id=jcs2_010102000000

над военными технологиями и технологиями двойного назначения, расследование преступлений в сфере национальной безопасности, кибербезопасности и др.¹.

Говоря о ключевых субъектах выработки военной политики государства, нельзя не упомянуть о ведомствах, ответственных за разработку и торговлю вооружениями и военной техникой. Во-первых, Агентство оборонных разработок, государственное агентство РК, ответственное за проведение НИОКР в области военных технологий. Агентство было основано 6 августа 1970 г. приказом Президента Пак Чонхи, и являлось важным участником процесса определения военно-политического курса государства государства в контексте продвижения в 1970-х гг. доктрины «самостоятельной обороны», направленной на развитие военной промышленности Южной Кореи и снижение зависимости от военного-политического сотрудничества с США. Сегодня Агентство оборонных разработок координирует усилия государства и бизнеса по разработке, проектированию и производству новейших военных технологий, курирует совместные проекты с иностранными партнерами, а также занимается вопросами экспорта военной техники южнокорейского производства². Во-вторых, Управление программ оборонных закупок, являющийся правительственным органом, подконтрольным Министерству обороны, основной задачей которого является организация закупок вооружений и военной техники для нужд ВС РК. Управление создано 1 января 2006 г., и среди его функций – стимулирование развития ВПК, снабжение ВС военной техникой и боеприпасами (в том числе в сотрудничестве с Агентством оборонных разработок), координация экспорта и импорта вооружений, реализация офсетных сделок с иностранными партнерами³. Управление, в частности,

¹ 대한민국 국가정보원 직무 // 대한민국 국가정보원 (Функции Национальной разведывательной службы Республики Корея // Национальная разведывательная служба Республики Корея). URL: https://www.nis.go.kr:4016/ID/1_2.do

² 대한민국 국방과학연구소 연혁 // 대한민국 국방과학연구소 (История Агентства оборонных разработок Республики Корея // Агентство оборонных разработок Республики Корея). URL: <https://www.add.re.kr/board?menuId=MENUE02030&siteId=SITE00002>

³ 대한민국 방위사업청 설립목적과 기능 // 대한민국 방위사업청 (Цель и функции Управления программ оборонных закупок Республики Корея // Управление программ оборонных закупок Республики Корея). URL: <http://www.dapa.go.kr/dapa/sub.do?menuId=362>

финансирует проекты по развитию военных технологий, реализуемые под эгидой Агентства оборонных разработок.

Кроме того, косвенное отношение к выработке военной политики имеет также и Министерство иностранных дел, орган исполнительной власти, ответственный за внешнюю политику и дипломатические отношения с другими государствами. С точки зрения военной политики, сферой компетенции Министерства иностранных дел является деятельность по заключению международных соглашений и договоров, анализ международной обстановки, координация сотрудничества с ООН и другими международными организациями по вопросам безопасности. Важное место во внешней и оборонной политике РК занимает северокорейский фактор – Южная Корея придерживается курса на мирное воссоединение Кореи и выдвигает создание единого корейского государства в качестве одной из основных задач государственной политики. При этом отношения с КНДР не являются предметом внешней политики РК, т. к. оба корейских государства официально не признают друг друга и претендуют на всю территорию Корейского полуострова. Этим обусловлено наличие в Южной Корее Министерства объединения, курирующего вопросы выработки политики по отношению к КНДР и координации межкорейского диалога, что является специфическим аспектом государственной политики РК¹. Северокорейский фактор связан также и с интересами национальной безопасности и определением приоритетов военной политики РК, поскольку на межкорейских переговорах обсуждаются в том числе вопросы обороны и безопасности. Так, в рамках саммита КНДР-РК в 2018 г. было подписано Всеобъемлющее соглашение о сотрудничестве в военной сфере, предусматривавшее ряд мер, направленных на поддержание мира и стабильности на Корейском полуострове.

Основные цели и задачи военной политики южнокорейского государства, а также подходы РК к обеспечению национальной безопасности изложены в ряде следующих официальных документов. Прежде всего, к ним относится Белая книга обороны – основной официальный документ военной политики, издающийся Министерством обороны с разной периодичностью с 1967 г. (с 2004 г. – раз в два года). В Белых книгах излагаются ключевые направления военной

¹ 2021 Unification White Paper. Seoul, 2021. P. 14–20.

политики южнокорейского правительства и международных отношений в области безопасности¹. Другой важный документ – Стратегия национальной безопасности, в которой приводятся взгляды правительства РК на мировую и региональную обстановку в области безопасности. Стратегия выпускается Управлением национальной безопасности раз в 4–5 лет при формировании очередного правительства².

Важную роль в определении приоритетов военной политики играют международные соглашения, договоры и иные документы, к наиболее значимым из которых можно отнести соглашения, закрепляющие военный альянс между РК и США (Договор о взаимной обороне 1953 г., Согласованный протокол 1954 г.), а также различные документы, относящиеся к вопросам межкорейских отношений (Соглашение о перемирии 1953 г., Совместное заявление 1972 г., Совместная декларация 2000 г., Всеобъемлющее соглашение о сотрудничестве в военной сфере 2018 г.). Из межкорейских соглашений особо стоит выделить Всеобъемлющее соглашение РК и КНДР о сотрудничестве в военной сфере от 19 сентября 2018 г., заключённое между КНДР и РК по результатам встречи глав двух государств в сентябре 2018 г. (и де-факто прекратившее действие к 2024 г. на фоне ухудшения межкорейских отношений). Документ регламентировал введение различных мер по ослаблению военной напряжённости на полуострове, в частности – создание мирной зоны в Жёлтом море в районе Северной разграничительной линии, являющейся предметом территориальных разногласий Сеула и Пхеньяна³. Наконец, отчасти вопросы реализации военной политики концептуализированы в Белых книгах дипломатии, выпускаемых ежегодно Министерством иностранных дел, в которых в т. ч. обоснованы стратегия позиционирования РК на международной арене и подходы к выстраиванию отношений с другими государствами⁴.

¹ 2020 Defense White Paper. Seoul, 2021.

² 문재인 정부의 국가안보전략. 서울, 2018 (Стратегия национальной безопасности администрации Мун Джэина. Сеул, 2018).

³ Agreement on the Implementation of the Historic Panmunjom Declaration in the Military Domain // The National Committee on North Korea. URL: <https://www.ncnk.org/sites/default/files/Agreement%20on%20the%20Implementation%20of%20the%20Historic%20Panmunjom%20Declaration%20in%20the%20Military%20Domain.pdf>

⁴ 2019 Diplomatic White Paper. Seoul, 2019.

Большое значение для определения военно-политического курса РК сегодня имеет военный альянс с США. Контакты между двумя странами развивались по меньшей мере с конца XIX в., однако существенное развитие отношений последовало лишь в период Второй Мировой войны, когда по итогам Каирской конференции 1943 г. США согласовали с союзниками военные действия против Японии. Сделав вклад в освобождение Кореи в 1945 г., США способствовали формированию южнокорейской государственности: в период с 1945 по 1948 г. высшим руководящим органом РК являлось Американское военное правительство в Корее (англ. United States Army Military Government in Korea, USAMGIK), а после основания РК в 1948 г. до 1953 г. в стране работала Группа военных советников (англ. Korean Military Advisory Group, KMAG) задачей которой было содействие формированию и развитию национальных ВС РК¹.

США в составе коалиции ООН стали основным союзником РК в Корейской войне 1950–1953 гг., и после окончания войны между Сеулом и Вашингтоном был подписан Договор о взаимной обороне 1 октября 1953 г.,² ставший основным документом военного альянса двух государств. В результате на территории РК на постоянной основе был размещен военный контингент США, а с 1958 г. по 1991 г. в Корее находилось тактическое ядерное оружие США. Основной целью союзников являлось сдерживание угрозы со стороны КНДР на фоне военного соперничества между Северной и Южной Кореей, продолжавшегося значительную часть второй половины XX в. США оказывали всестороннюю поддержку РК в рамках безвозмездной помощи и различных кредитов и займов для закупок военной техники, а РК принимала участие в вооруженных конфликтах на стороне США – в частности, в войне во Вьетнаме и в Иракской войне.

Ввиду особой роли США для определения приоритетов и целей военной политики Сеула важно обратиться к правовым основам двустороннего военно-политического альянса. Прежде всего, они закреплены в Договоре о взаимной обороне 1953 г., основополагающем документе альянса, который обязывает стороны обеспечить военную помощь друг другу в случае внешнего вооружённого нападения. Согласно документу, вооружённая атака

¹ Sawyer, R.K. Op. cit. P. 32.

² Mutual Defense Treaty Between the United States and the Republic of Korea; October 1, 1953 // The Avalon Project. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/kor001.asp

на азиатско-тихоокеанские территории одного из его подписантов является угрозой безопасности другого и подлежит принятию ответных мер в соответствии с конституционными процедурами данной стороны. Договор заключён бессрочно и предоставляет США право размещать свой военный контингент на территории Южной Кореи по согласованию с РК. По результатам серии американо-корейских переговоров в Вашингтоне в 1954 г. был подписан Соглашённый протокол, в котором уточнялись основные положения Договора о взаимной обороне, обозначался ряд направлений сотрудничества по более широкому спектру вопросов, включая экономические. Также в документе зафиксировано сохранение ВС РК под оперативным командованием США до тех пор, пока «по результатам совместной консультации не будет решено, что обратное лучше удовлетворяет взаимным и индивидуальным интересам» (оперативное командование в мирное время было возвращено РК в 1994 г., а в военное время – остается за США и по сей день).

Правовые основания размещения военного контингента США на территории РК, права и привилегии граждан США, ассоциированных с ВС США в РК определяет Соглашение о статусе сил США в РК 1967 г.¹ Формально оно является дополнительным соглашением к IV статье Договора о взаимной обороне, которой предусмотрено размещение военного контингента США на территории РК. Поскольку документ предусматривает частичное исключение американских военнослужащих из юрисдикции РК, его условия подвергаются критике со стороны корейской общественности, зачастую указывающей на то, что соглашение помогает американским солдатам избежать правосудия в случае совершения ими преступлений в РК. Согласно V статье Соглашения о статусе сил, все расходы, связанные с размещением ВС США в РК, несет американская сторона. Однако с 1991 г. РК обеспечивает частичное финансирование размещения американского контингента в соответствии с Соглашением об особых мерах, которое позволяет обойти положение, указанное в Соглашении о статусе сил. Соглашение об особых мерах несколько раз пересматривалось, и с 1991 по 2018 гг. было принято 9 версий документа. Условия 10-го Соглашения являлись предметом

¹ 1966 U.S.-ROK Status of Forces Agreement // DocumentCloud. URL: <https://www.documentcloud.org/documents/2830334-1966-U-S-ROK-Status-of-Forces-Agreement.html>

длительных и сложных переговоров между Сеулом и Вашингтоном в период администрации Д. Трампа. В марте 2021 г. Соглашение было успешно заключено при президенте Д. Байдене на более компромиссных для РК условиях по сравнению с требованиями Д. Трампа¹.

Порядок проведения совместных военных операций регламентируют оперативные планы Совместного военного командования РК-США. Наиболее известны оперативный план 5027 (введенный в 1973 г. и предписывающий план действий на случай вторжения КНДР на территорию РК) и оперативный план 5029 (находится в разработке с 1999 г. и охватывает проблемы, связанные с возможными радикальными изменениями в обстановке в КНДР: смена режима, революция, распространение оружия массового поражения, стихийные бедствия)². Наконец, к числу документов, определяющих отношения союзников, относятся документы об отдельных вопросах военного сотрудничества РК и США. Например, Меморандум о взаимопонимании 1979 г., устанавливавший рамки сотрудничества по вопросам разработки РК баллистических ракет, а также последующие двусторонние документы, пересматривающие и дополняющие условия меморандума. Условия Меморандума предполагали добровольность взятых обязательств и право на выход из него. Этим правом РК воспользовалась в мае 2021 г., когда по результатам встречи президента США Д. Байдена и президента РК Мун Джэина стороны объявили о расторжении Меморандума 1979 г.³

К числу основных многосторонних диалоговых площадок и двусторонних форматов, в рамках которых осуществляются контакты РК с иностранными партнерами в военной сфере, можно отнести, в первую очередь, Сеульский оборонный диалог – международный форум по вопросам безопасности, проводящийся ежегодно Министерством обороны РК с 2012 г. В форуме принимают участие должностные лица уровня заместителей министра и гражданские эксперты из стран АТР, Европы, Америки, Ближнего Востока и Африки.

¹ Ferrier, K. Biden Takes the Right First Steps with South Korea, but a Long Road Lies Ahead // The Diplomat. 2021. March 12. URL: <https://thediplomat.com/2021/03/biden-takes-the-right-first-steps-with-south-korea-but-a-long-road-lies-ahead/>

² 2018 국방백서. 서울, 2019 (Белая книга обороны 2018 г. Сеул, 2019). С210.

³ U.S.-ROK Leaders' Joint Statement // The White House. 2021. May 21. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/05/21/u-s-rok-leaders-joint-statement/>

Является крупнейшей площадкой оборонной дипломатии, проводимой под эгидой РК, каждый год объединяя представителей более 50 стран. Также вопросы безопасности и международного военного сотрудничества обсуждаются на разных площадках на базе Ассоциации стран Юго-Восточной Азии, включая Региональный форум АСЕАН и встречи в формате «АСЕАН+3» (АСЕАН, КНР, РК, Япония). Однако основным мероприятием многосторонней военной дипломатии АСЕАН-центричного формата является Совещание министров обороны АСЕАН+, в котором РК является одним из постоянных участников с 2010 г. С 2014 по 2016 г. РК совместно с Камбоджей возглавляла экспертную группу по проведению миротворческих операций в рамках ADMM+, а в 2017 г. возглавила экспертную группу по морской безопасности совместно с Сингапуром. Кроме того, существует формат переговоров заместителей министров обороны РК и стран АСЕАН, которые впервые были проведены в рамках Сеульского оборонного диалога в 2017 г. Также в числе многосторонних диалоговых форматов можно отметить Азиатский саммит безопасности «Диалог Шангри-Ла», который проводится ежегодно с 2002 г. в Сингапуре британским Международным институтом стратегических исследований и объединяет представителей 28 государств АТР на уровне министров обороны¹.

Что касается двусторонних форматов военной дипломатии РК, то прежде всего среди них необходимо выделить совещания в рамках альянса США-РК. Сеул и Вашингтон имеют несколько диалоговых форматов сотрудничества в сфере обороны и безопасности. С 1968 г. стороны ежегодно проводят Консультативное совещание по вопросам безопасности, на котором обсуждаются все принципиальные вопросы военного альянса двух стран. В 1977 г. было сформировано Совместное военное командование США-РК и новый переговорный формат на его основе – Совещание военных комитетов США-РК. Кроме того, с 2012 г. союзники поддерживают Интегрированный оборонный диалог США-РК. Эти три формата представляют собой сбалансированную систему взаимодействия двух государств в области оборонной политики: Консультативное совещание по вопросам безопасности является высшим совещательным органом (уровень министров обороны), Совещание

¹ 2020 Defense White Paper. Seoul, 2021. P. 103.

военных комитетов проводится между объединенными комитетами начальников штабов ВС США и РК, Интегрированный оборонный диалог объединяет ряд консультативных органов и рабочих групп по широкому спектру вопросов военного-сотрудничества, которые возглавляются заместителями министров обороны двух стран. Кроме того, союзники несколько раз в год проводят совместные военные учения, наиболее крупными из которых являются командно-штабные учения Key Resolve, полевые учения Foal Eagle, учения Max Thunder и Ulchi Freedom Guardian¹.

РК имела регулярные контакты с Китаем по различным аспектам оборонной повестки с момента установления дипломатических отношений в 1992 г. Однако, начиная с 2016 г. Пекин разорвал большую часть связей с Сеулом в знак протеста против размещения на территории Южной Кореи комплексов ПРО THAAD. Частичное возобновление встреч и переговоров началось только после саммита РК-КНР в 2017 г. В 2019 г. были проведены первые за пять лет переговоры на уровне заместителей министра обороны, а также совещания рабочих групп по ПВО (прерванные в 2013 г.) для координации вопросов, связанных с нарушением корейской идентификационной зоны ПВО KADIZ. Корейская идентификационная зона ПВО (англ. Korean Air Defense Identification Zone, KADIZ), установленная в 1951 г., не соответствует суверенному воздушному пространству страны. В этой связи нередки случаи нарушения зоны разведывательными самолетами ВВС КНР, России и США, против чего РК часто выражает протест².

РК и Япония являются одними из ключевых союзников США в АТР и поддерживают партнерские отношения по вопросам безопасности и военного сотрудничества. С 1994 г. страны проводят совещания министров обороны, а в 2009 г. было подписано Письмо о намерениях по проведению военных обменов. Однако на фоне ряда политических разногласий (включая территориальный спор вокруг о-вов Токто/Такэсима) и торгового конфликта, в 2019 г. стороны находились в шаге от разрыва Соглашения об обмене разведанными

¹ 2020 Defense White Paper. Seoul, 2021. P. 115.

² Lee, M. Air Force deployed fighters after Russia, China enter Kadiz // Korea JoongAng Daily. 2021. Nov. 22. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2021/11/22/national/defense/KADIZ-airspace-Air-Force/20211122190628150.html>

(англ. General Security of Military Information Agreement, GSOMIA), чего удалось избежать под давлением США. Эти обстоятельства ознаменовали значительное ухудшение атмосферы партнерства в сфере безопасности между РК и Японией в период президентства Мун Джэина¹.

Наконец, Россия является одним из ключевых игроков в АТР и поддерживает диалог с РК по вопросам региональной безопасности. Стороны трижды проводили переговоры на уровне заместителей министров обороны (последний раз – в 2018 г.), с 1994 г. являются участниками соглашения о предотвращении инцидентов на море за пределами территориальных вод. Среди последних договоренностей – установление горячей линии между ВВС двух государств.

Таким образом можно заключить, что процесс определения основных приоритетов, целей и задач военной политики РК реализуется в специфических организационных и правовых условиях, которые являются продуктом многолетнего развития. Высшим должностным лицом, определяющим военно-политический курс государства, является президент РК, выступающий в качестве верховного главнокомандующего ВС. Командование ВС осуществляется через ОКНШ при сотрудничестве Министерства обороны; последнее также занимается определением основных направлений и приоритетов оборонной политики государства. Управление и Совет национальной безопасности выступают в качестве главных органов, консультирующих президента по вопросам безопасности и военной политики, а Министерство иностранных дел и Министерство объединения выполняют смежные задачи в области международной политики и дипломатии, связанные в том числе и с военными аспектами. Кроме того, РК поддерживает партнерские отношения в оборонных вопросах с государствами Северо-Восточной Азии на базе союзнических отношений с США с целью поддержания мира и стабильности в регионе и на Корейском полуострове.

В число основных партнеров РК по диалогу принадлежат США, КНР, Япония и Россия, кроме того, РК поддерживает связи со странами Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Африки,

¹ Kim, Seung-yeon. S. Korea says it can end GSOMIA at any time, as mutually understood by Japan // Yonhap. 2020. Aug. 24. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200824004000325>

Центральной и Южной Америки, участвуя в двусторонних и многосторонних встречах и совещаниях разного уровня.

3.4. Оценка военного потенциала Республики Корея

Корейский полуостров уже много десятилетий является эпицентром военно-политической напряженности. РК, будучи одной из сторон противостояния, заинтересована в развитии оборонно-промышленного комплекса и создании сил сдерживания. Основанием для наращивания военного потенциала служит фактор военной угрозы со стороны КНДР. Сеул активно сотрудничает с США в области развития военных технологий, покупает боевую технику и имеет многочисленный американский военный контингент на своей территории.

Несмотря на то, что приоритетом является создание эффективной обороны против ракетно-ядерной угрозы КНДР, РК обладает значительным количеством наступательных вооружений (в частности, кораблями с управляемым ракетным вооружением и боевой информационно-управляющей системой Aegis). В связи с ограничениями, наложенными международными соглашениями, Южная Корея не может обеспечить симметричное развитие сил сдерживания в виде ядерного оружия, что вызывает необходимость в принятии на вооружение современных кораблей и подводных лодок, оснащённых управляемыми ракетами, развитие системы противоракетной и противовоздушной обороны совместно с США.

РК является одним наиболее экономически развитых государств в мире с показателем ВВП около 3,2 трлн долл. по ППС по состоянию на 2024 г.¹ При этом уровень военных расходов стабильно возрастает: на 2025 г. был принят военный бюджет в объеме 61,2 трлн вон, что на 3,06 % больше показателя на 2024 г. и составляет 9,04 % от государственного бюджета страны².

Сухопутные силы РК состоят из 5 танковых бригад, 6 мотострелковых дивизий (в состав которых входят 1 разведывательный

¹ World Economic Outlook database: October 2024 // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/October/weo-report>

² Сост. по: Results of Deliberation on the 2025 Budget Proposal by the National Assembly // National Assembly Budget Office NABO Focus. Vol. 81. P. 2; Defense Budget // Ministry of National Defense. URL: https://www.mnd.go.kr/mbshome/mbs/mndEN/subview.jsp?id=mndEN_030900000000

батальон, 1 бронепехотная бригада, 2 мотострелковые бригады, 1 бригада полевой артиллерии, 1 инженерный батальон), 16 пехотных дивизий (в состав которых входят 1 разведывательный батальон, 1 танковый батальон, 3 пехотных полка, 4 артиллерийских батальона, 1 инженерный батальон), 2 отдельные пехотные бригады, 1 воздушно-штурмовая бригада, 3 пехотные бригады по предотвращению внедрения противника¹.

По состоянию на 2024 г., численность южнокорейских ВС составляет 500 тыс. чел. (из них сухопутные силы – 365 тыс. чел., ВМС – 70 тыс. чел., ВВС – 65 тыс. чел.). На вооружении сухопутных сил состоит около 6000 самоходных и буксируемых артиллерийских орудий, около 300 реактивных систем залпового огня, более 30 пусковых установок баллистических ракет «земля–земля»². Танковая техника представлена основными боевыми танками южнокорейского производства К1 «Тип 88» (около 1000 ед.) и К2 «Чёрная пантера», американскими основными боевыми танками M1 Abrams и, в меньшей степени, советскими основными боевыми танками Т80У (около 40 ед.). Также на вооружении имеются боевые машины пехоты KIFV (около 1700 ед.), бронетранспортеры M113 (около 420 ед.), M577 (около 140 ед.) и Fiat «тип 6614», наряду с его модификациями KM-900 и KM-901, произведёнными в Южной Корее по лицензии (всего – около 200 ед.)³. Значительная часть вооружений сухопутных сил, в том числе артиллерийских орудий, представляет собой технику американского производства или её значительно переработанные южнокорейские варианты, выпускаемые в стране по лицензии. Кроме этого, на вооружении и на сохранении до сих пор состоит незначительное количество устаревшей списанной техники СССР и США времен Второй мировой войны.

ВМС РК состоят из 3 флотов с основными базами в Тонхэ, Пусане и Пхёнтхэке⁴ и отдельным командованием подводных сил. На вооружении состоит 3 крейсера, 22 эсминца и фрегата (все – с управляемым ракетным вооружением), 20 подводных лодок, 5 корветов,

¹ The Military Balance 2024. L., 2024. P. 277.

² Cordesman, A.H. Op. cit. P. 369.

³ Сидоров, П., Дюжев, А. Состояние и перспективы развития сухопутных сил Республики Корея // Зарубежное военное обозрение. 2005. № 8. С. 21.

⁴ Сидоров, П. Современное состояние и перспективы развития ВМС Республики Корея // Зарубежное военное обозрение. 2008. № 7. С. 52.

12 тральщиков, 34 патрульных катера. Кроме этого, Сеул имеет более 40 единиц амфибийной техники. Подводная техника была представлена 18 подводными лодками «Чан Бого-I» и «Чан Бого-II» и 2 подводными лодками «Чан Бого-III». В составе ВМС находятся 3 эсминца (по некоторым классификациям данные корабли можно трактовать также как крейсера) типа «Седжон Великий» (известных также как «KDX-III», аналоги американских эсминцев типа Arleigh Burke, оборудованные боевой информационно-управляющей системой Aegis), 6 эсминцев типа «Чунмугон Ли Сунсин» (KDX-II) и 3 эсминца типа «Квангэтхо Великий» (KDX-I). Также на вооружении состоят 11 фрегатов прибрежного действия типа «Инчхон», 2 фрегата типа «Ульсан», 2 универсальных десантных корабля (вертолётоносца) типа «Токто»¹. Флот Южной Кореи состоит из боевой техники различных классов, производимой на верфях страны начиная с 1980-х гг. На многих кораблях используется управляемое ракетное вооружение с дальностью действия до 1500 км, что позволяет наносить удары по наземным целям. Принятие на вооружение амфибийной техники, развитие программы эсминцев с системой Aegis и программы подводных лодок KSS-III также можно причислить к мерам по развитию наступательных вооружений, что делает ВМС РК одними из наиболее развитых в Северо-Восточной Азии, наряду с силами КНР и Японии².

ВВС Южной Кореи имеют более 700 единиц воздушного транспорта, из них 579 составляет боевая техника. В боевом составе находятся 1 эскадрилья многоцелевых истребителей F-4E Phantom-II (29 единиц), 6 эскадрилий многоцелевых истребителей F-5E и F-5F Tiger-II (172 ед.), 3 эскадрильи истребителей-бомбардировщиков F-15K Slam Eagle (59 ед.), 9 эскадрилий многоцелевых истребителей F-16C и F-16D Fighting Falcon (160 ед.), 3 эскадрильи многоцелевых истребителей FA-50 Fighting Eagle (60 ед.), 2 эскадрильи многоцелевых истребителей F-35A Lightning II (39 ед.). Винтокрылая техника представлена 5 военно-транспортными вертолётами CH-47D Chinook, 11 многоцелевыми вертолётами HH-60P Black Hawk, 3 многоцелевыми вертолётами 412EP, 2 многоцелевыми вертолётами AS332 Super Puma, 3 транспортными вертолётами S-92A

¹ The Military Balance 2021. Op. cit. P. 278.

² Губин, А.В. Военно-морской фактор в национальной безопасности стран Северо-Восточной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 2. С. 42.

Super Hawk, 17 многоцелевыми вертолётами UH-60P и VH-60P Black Hawk, 8 транспортными вертолётами Ка-32¹.

Отдельно стоит отметить и беспилотную технику: на вооружении в ВВС РК состоят 4 разведывательных БПЛА RQ-4 Global Hawk, 3 разведывательных БПЛА Searcher и некоторое количество разведывательных электрических летательных аппаратов вертикального взлёта и посадки Night Intruder².

Большое количество как транспортных, так и боевых вертолётов находится на вооружении и у других родов войск, в частности – в сухопутных войсках и в морской авиации. Основное предназначение южнокорейской морской авиации заключается в обеспечении противолодочной обороны в прибрежных районах Желтого и Японского морей, а также в Корейском проливе. После гибели корвета «Чхонан» в 2010 г. актуальной угрозой для РК стал северокорейский подводный флот: несмотря на то, что его основу составляли устаревшие сверхмалые подлодки, он оставался многочисленным и удобным для применения в мелководье Желтого моря. Кроме того, КНДР активно работала над программой баллистических ракет подводных лодок, несколько раз успешно испытал ракеты «Пуккыксон» в 2015–2017 гг.

Основу морской авиации РК составляет два типа воздушной техники: самолеты морского патрулирования и патрульные вертолеты, модифицированные для обнаружения, отслеживания и поражения подводных лодок противника. На вооружении ВМС РК находятся 8 единиц P-3C Orion и P-3CK Orion – модификации патрульного самолета P-3 Orion от Lockheed, разработанных специально для проведения противолодочных операций; 5 единиц Cessna F406 Caravan II – легких транспортных самолетов, стоящих на вооружении у РК с 1990-х гг.; 23 единицы Lynx MK99 и Lynx MK99A – многоцелевых вертолетов с противолодочными радарными системами; 8 единиц UH-60P и 7 единиц UH-1 Iroquois – транспортных вертолетов для вспомогательных функций.

Наиболее современная модель вертолетов морской авиации в РК – AW159 Wildcat, представляющий собой улучшенную версию Lynx MK99, обладающий увеличенной дальностью полета и способный

¹ The Military Balance 2021. Op. cit. P. 278.

² Ibid. P. 278.

нести больше вооружений в сравнении с P-3 Orion. 28 сентября 2018 г. DAPA объявило о закупке 12 вертолетов AW159 Wildcat в дополнение к поставленным ранее в 2016 г. 8 единицам, состоящих сегодня на вооружении у РК¹. Однако несмотря на обновление авиатехники, парк морской авиации РК остается относительно устаревшим и требующим модернизации с особым акцентом на обновление технологий РЛС. Немаловажной является и проблема технической безопасности: перед введением первой партии AW159 в 2016 г., особая группа экспертов DAPA провела проверки технического состояния вертолетов, после чего обнаружилось, что ими были поданы сфальсифицированные отчеты, искажавшие реальные характеристики летательных аппаратов. Данный инцидент вызвал широкое обсуждение, и негативный фон создала и гибель вертолета морской пехоты РК KAI Marineon в 2018 г., вызванная неисправностью детали от иностранного производителя.

Система ПВО Южной Кореи уступает КНДР в количественном отношении. Однако качественное превосходство и современность техники является важным преимуществом при обеспечении противоракетной и противовоздушной обороны. К числу основных противовоздушных вооружений РК можно отнести 48 пусковых установок зенитно-ракетных комплексов M902 Patriot PAC-3 большой дальности, а также 72 пусковые установки ЗПК KM-SAM «Чхонгун» средней дальности. На вооружении РК состоит некоторое количество зенитных артиллерийских установок «Чхон Ма» («Пегас») и «Пихо», переносных зенитно-ракетных комплексов FIM-43 Redeye, FIM-92 Stinger, FGM-148 Javelin, Mistral, «Игла-1», миномётов KM-29 и M30 (всего около 6000 ед.)².

Арсенал артиллерийских орудий представлен буксируемой 105-мм гаубицей M101 и её южнокорейской модификацией КН-178, 155-мм гаубицей M52, гаубицей M114 (КН-179), 203-мм гаубицей M115. Кроме этого, на вооружении состоят самоходные артиллерийские установки, такие как 155-мм M109a2, 175-мм M107 и 203-мм M110. Среди реактивных систем залпового огня можно выделить

¹ 이석중. 해상작전헬기 2차사업 유찰 (Ли, Сокчон. Вторая очередь поставки морских вертолетов) // Asia Today. 2018. 28 сен. URL: <https://www.asiatoday.co.kr/view.php?key=20180928010015428>

² The Military Balance 2021. Op. cit. P. 286.

156 единиц 130-мм систем «Курён» и 48 единиц 227-мм пусковых установок M270, оснащённых оперативно-тактическими ракетами комплекса ATAMCS¹.

На своей боевой технике Южная Корея использует противокорабельные управляемые ракеты RGM-84A и AGM-84 Harpoon, управляемые ракеты «воздух-поверхность» AGM-130, управляемые ракеты «воздух-земля» AGM-142 Poreye, противорадиолокационные ракеты AGM-88 HARM, управляемые ракеты «воздух-земля» AGM-65A Maverick, управляемые ракеты AGM-84H «SLAM-ER», управляемые ракеты «воздух-воздух» AIM-9 и AIM-9X Sidewinder, управляемые ракеты «воздух-воздух» AIM-7 Sparrow, управляемые ракеты «воздух-воздух» AIM-120B и AIM-120C5 AMRAAM. Также на вооружении РК состоит около 200 оперативно-тактических комплексов MGM-140 ATAMCS с баллистическими ракетами M39 с дальностью действия 150 и 300 км.

В рамках укрепления противоракетной обороны две последние президентские администрации РК продолжали работу по развитию KAMD, целью которой являлся перехват ракет противника на высоте 10–30 км с помощью кораблей, оборудованных системой Aegis и наземных противоракетных комплексов Patriot². Одним из актуальных вопросов последних лет, связанных с системой противоракетной обороны РК, является размещение на её территории противоракетных комплексов заатмосферного перехвата США (англ. Terminal High Attitude Area Defense, THAAD). Совместное развёртывание комплексов THAAD и KAMD позволит Южной Корее в будущем создать многоуровневую систему противовоздушной и противоракетной обороны, способную производить перехват ракет противника на высоте до 150 км при дальности действия около 200 км.

В апреле 2017 г. была начата установка оборудования для первой батареи THAAD в Сонджу, пров. Южн. Кёнсан. Несмотря на низкий радиус поражения системы, вопрос её размещения на территории Южной Кореи вызвал критику со стороны КНР и России, поскольку радарная система AN/TPY-2 батареи THAAD имела радиус действия

¹ Сидоров, П., Дюжев, А. Состояние и перспективы развития сухопутных сил Республики Корея. 2005. № 8. С. 21.

² Kim, Eun-jung. S. Korea Beefs up Integrated Air and Missile Defense // Yonhap. 2013. Febr. 13. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20130213006151315>

до 2500 км. Это позволяет отслеживать ракетные комплексы, размещенные на территории Китая и Дальнего Востока России¹.

Несмотря на наличие в своем арсенале боевой техники США, Великобритании, Израиля и других государств, РК активно разрабатывает и производит разные виды вооружений. В 2007 г. было завершено строительство первого эсминца с БИУС Aegis, благодаря чему Южная Корея стала пятой страной в мире и третьей в АТР, имеющей на вооружении корабли, оснащенные БИУС Aegis. Кроме этого, число разработок Южной Кореи включает сверхзвуковой учебно-тренировочный самолет Т-50, противолодочную торпеду К741 «Чхонсано» (также известную как Blue Shark), 155-мм самоходную артиллерийскую установку К9, основной боевой танк К2 «Чёрная пантера», дозвуковой учебно-тренировочный самолет КТ-1 «Унби», переносной зенитно-ракетный комплекс «Хирон», боевую машину пехоты К21 (также К300), противокорабельную ракету SSM-700К «Хэсон», автоматнo-гранатомётный комплекс К11, противолодочную ракету «Хонсано». На стадии разработки также находится стелс-истребитель KF-X, первый образец летного прототипа которого был представлен в марте 2021 г. Приоритетом последних лет стала разработка беспилотных вооружений (как БПЛА, так и различных подводных средств), а также внедрение ИИ-решений, которые позволяют оптимизировать работу других систем вооружений.

Как и КНДР, РК уделяет существенное внимание развитию технологий кибервойны и информационной безопасности. В ВС РК в 2010 г. было создано киберкомандование, в составе которого находится около 200 специалистов по компьютерной безопасности. В число основных задач этого формирования входило противодействие угрозам со стороны китайских и северокорейских хакеров². В период 2013–2017 г. происходило значительное увеличение кадрового состава командования киберборьбы, что, скорее всего, было вызвано активизацией кибератак на южнокорейские военные и государственные сервера в этот период. Кроме этого, Сеул активно взаимодействовал с США также и по вопросам

¹ Кирьянов, О.В. Противоракетный щит США над Южной Кореей // *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 1. С. 13.

² Cluely, G. South Korea Launches Its Cyberwarfare Command Centre // *Naked Security*. 2010. Jan. 11. URL: <https://nakedsecurity.sophos.com/2010/01/11/south-korea-launches-cyberwarfare-command-centre/>

кибербезопасности – с февраля 2014 г. Сеул и Вашингтон начали проводить совещания рабочих групп по сотрудничеству в области кибербезопасности, целью которых являлся обмен опытом, совместная подготовка специалистов и укрепление сотрудничества в области информационной политики.

Среди других направлений разработки собственных систем вооружений следует отдельно отметить программу по строительству ракетного оружия. Ракетная программа РК представлена семейством баллистических и управляемых ракет «Хёнму» («Хёнму-1», «Хёнму-2» и «Хёнму-3»), две из которых являются баллистическими, а последняя – управляемой. Ракета «Хёнму-1» была испытана и принята на вооружение в 1980-х гг. и представляет собой модифицированный вариант Nike Hercules. Так же, как и американская ракета, «Хёнму-1» работает на твёрдом топливе и состоит из двух ступеней. Южнокорейская модификация имеет увеличенную дальность действия: от 150 до 180 км. Следующее поколение представлено моделями «Хёнму-2», «Хёнму-2А» и «Хёнму-2В». «Хёнму-2» имеет дальность действия 250 км при нагрузке в 490 кг, однако «Хёнму-2А» и «Хёнму-2В» способны достичь 300 и 500 км при нагрузке около 500 кг. По некоторым оценкам, комплексы с ракетами «Хёнму-2В», развёрнутые в северо-восточных районах пров. Канвон, могут поразить ракетные базы Северной Кореи, расположенные в пров. Сев. Пхёнан и Сев. Хамгён¹. Ракеты были приняты на вооружение в 2008–2009 гг. На вооружении РК состоит около 30 баллистических ракет «Хёнму-1» (дальность действия – 180 км), «Хёнму-2А» (дальность действия – 300 км), «Хёнму-2В» (дальность действия – 500 км). Известно также о наличии некоторого количества управляемых ракет «Хёнму-3» разных модификаций².

Поколение «Хёнму-3» является серией управляемых ракет «земля–земля», основанной на технологиях управляемых ракет США «Томагавк». В 2006 г. на вооружение была принята модель

¹ 유용원. 사거리 500 km 국산 탄도미사일 '현무-2B' 실전배치했다 // 조선일보 (Ю Ёнвон. Принята на вооружение баллистическая ракета отечественного производства «Хёнму-2В» с дальностью действия 500 км // Чосон ильбо). 2011. 18 фев. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2011/02/18/2011021801716.html

² Dominguez, G. South Korea's Military to Increase Number of Hyunmoo Missiles, Says Report // The Korea Times. 2009. August 25. URL: http://koreatimes.co.kr/www/news/tech/2009/08/129_50676.html

«Хёнму-3А» с дальностью действия 500 км (способная достичь Пхеньяна), а в 2009 г. – её усовершенствованный вариант «Хёнму-3В» с дальностью действия около 1000 км, покрывающей всю территорию КНДР¹. В июле 2010 г. было объявлено о начале производства управляемой ракеты «земля–земля» «Хёнму-3С» с дальностью действия свыше 1500 км.

Особое место в развитии военного потенциала РК занимает ядерный фактор. РК не имеет ядерного оружия, однако обладает технологической базой для его создания. Изначально, после присоединения к МАГАТЭ в 1957 г. и создания Управления по атомной энергии в 1959 г., РК имела амбициозную ядерную программу. Первый ядерный реактор был построен для небольшого исследовательского подразделения в 1962 г. Предположительно, работы по созданию ядерного оружия начались в конце 1960-х гг. на фоне неудачи США во Вьетнаме и сокращения военного присутствия США на Корейском полуострове в рамках «доктрины Никсона», что вызывало у Сеула подозрения в надёжности сотрудничества с США. В 1970 г. был создан Комитет по разработке оружия, а в 1973 г. была достигнута договорённость о приобретении у Франции установки по переработке плутония и исследовательского и тяжеловодного реакторов у Канады (очевидно, что ранняя ядерная программа была ориентирована на производство оружейного плутония). Однако после ядерного испытания Индии в 1974 г. и последовавшей негативной международной реакции под давлением США сделка с Францией была расторгнута, а Южная Корея де-юре прекратила разработку оружейного плутония и в 1975 г. ратифицировала Договор о нераспространении ядерного оружия, участницей которой она являлась с 1968 г. Пак Чонхи объявил о прекращении программы ядерного оружия, однако по некоторой информации, работа в этой области продолжалась в обход соглашений с США вплоть до его убийства в 1979 г.²

Кроме этого, на территории РК с конца 1950-х гг. находились различные типы ядерного оружия США после первого ввода 150

¹ Jung, Sung-ki. S. Korea Deploying 1,000-Kilometer Cruise Missiles // The Korea Times. 2009. Aug. 17. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2017/03/205_50250.html

² Дьячков, И.В. Указ соч. С. 147.

боеголовок в январе 1958 г.¹ В 1960-х гг. их количество увеличилось до 950, однако в последующие годы ядерное оружие было выведено с территории Корейского полуострова. Последние 100 ядерных боеголовок были выведены в декабре 1991 г.²

С 1980-х гг. ядерная программа РК была направлена на развитие урановых технологий. Работа в этой области сводилась скорее к единичным экспериментам, нежели чем к возобновлению полноценной ядерной программы: в 1990-х и 2000-х гг. была проведена серия лабораторных исследований по обогащению урана без информирования об этом МАГАТЭ. Технически эксперименты являлись нарушением Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и Совместной декларации Севера и Юга о денуклеаризации Корейского полуострова 1992 г. и тем самым препятствовали усилиям по денуклеаризации Корейского полуострова. В 2004 г. РК передала МАГАТЭ полную информацию о своей ядерной программе, включая данные об экспериментах в области обогащения урана и переработки плутония в период 1980–2000-х гг. Результаты расследования МАГАТЭ были опубликованы в докладе от 11 ноября 2004 г., с тех пор южнокорейскую ядерную программу можно считать замороженной.

РК имеет четыре исследовательских реактора, использующих обогащённый уран в качестве топлива. Два из них находятся в нерабочем состоянии и ранее были расположены в Корейском исследовательском институте атомной энергии в Сеуле: реактор TRIGA Mark II мощностью 250 КВт тепловой энергии был закрыт в 1995 г., а реактор TRIGA Mark III мощностью 2 МВт тепловой энергии был также закрыт в 1995 г. и окончательно разобран в 2009 г. Университет Кёнхи, г. Сувон располагает реактором AGN-201 мощностью 0,1 МВт электрической энергии, работающий на уране с обогащением до 20 %. В г. Тэджон находится высоковольтный реактор с повышенным содержанием нейтронов мощностью 30 МВт тепловой энергии, также использующий на низкообогащённый уран

¹ Садаков, Д.А. Политика США по нуклеаризации Корейского полуострова в 1956–1957 гг. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 3. С. 119.

² Новиков, В.Е., Хлопков, А.В. Военная ядерная программа Республики Корея // ПИР-Центр. URL: <http://www.pircenter.org/sections/53-voennaya-yadernaya-programma-respubliki-koreya>

и работающий с 1996 г.¹ Учитывая высокий уровень научно-технического развития и наличие технологической базы в данной области, можно заключить, что Южная Корея является государством, способным в теории в сравнительно короткие сроки возобновить военную ядерную программу.

Важной частью военного баланса в США является американский военный контингент в Корее. Ключевая задача присутствия американских войск – обеспечение сдерживания и нейтрализация военных угроз со стороны КНДР. Численность американского контингента по состоянию на 2025 г. составляет 28500 чел., принадлежавших к 8-й армии, 7-й воздушной армии и военно-морскому флоту США в РК. Боевые подразделения включают 2-ю пехотную дивизию, состоявшую из 1 пехотной бригады, 1 военно-воздушной бригады и 1 бригады полевой артиллерии, а также 8-ю и 51-ю эскадрильи истребителей.

Среди боевой техники, состоящей на вооружении американских войск в РК, можно выделить основной боевой танк M1 Abrams (около 140 ед.), боевую машины пехоты M2 и M3 Bradley (170 ед.), 155-мм самоходную артиллерийскую установку M109 (30 ед.), реактивную систему залпового огня M270 (30 ед.), ударный вертолёт AH-64 Apache (70 ед.), многоцелевой вертолёт OH-58D Kiowa Warrior, транспортный вертолёт CH-47 Chinook, многоцелевой вертолёт UH-60 Black Hawk, зенитно-ракетные комплексы MIM-104 Patriot и M1097 Avenger. Кроме этого, авиапарк военно-воздушных подразделений был представлен 40 многоцелевыми истребителями F-16C и F-16D Fighting Falcon, 24 штурмовиками A-10C Thunderbolt-2, некоторым количеством разведывательных самолётов U-2.

Основными местами дислокации американского военного контингента являлись два военных хаба – юго-западный и юго-восточный. Юго-западный включал военно-воздушную базу в Осане и базу Camp Humphreys в Пхёнтхэке (пров. Кёнги). В юго-западном хабе было расположено командование 7-й воздушной армии и запланировано размещение командования 8-й армии и 2-й пехотной дивизии согласно совместным планам Сеула и Вашингтона о передислокации американских военных баз. Юго-восточный хаб

¹ South Korea: Facilities // Nuclear Threat Initiative. URL: <http://www.nti.org/learn/countries/south-korea/facilities/>

составляли базы в Тэгу, Пусане и Чинхэ (пров. Южн. и Сев. Кёнсан), преимущественно являвшиеся логистическими центрами и складскими комплексами. Помимо этого, существует военно-воздушная база в Кунсане (пров. Сев. Чолла)¹.

Таким образом, за время своего существования РК сумела развить один из самых мощных военных потенциалов в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. РК обладает одним из сильнейших надводных флотов в АТР, мощными ВВС, имеет на вооружении современные баллистические и крылатые ракеты. Южная Корея развила конкурентоспособную по мировым меркам военную промышленность, являясь одним из мировых лидеров экспорта вооружений и военной техники. В ВС РК, дополненных присутствием постоянного военного контингента США, были сформированы передовые подразделения, которые занимаются обеспечением кибербезопасности и другими современными задачами обороны государства. Одной из наиболее важных задач военной политики РК было обозначено создание национальной системы противоракетной обороны, способной противодействовать ракетной угрозе со стороны КНДР без опоры на американские системы вооружений.

¹ 2016 Strategic Digest // United States Forces Korea. URL: [http://www.usfk.mil/Portals/105/Documents/2016 %20Strategic%20 Digest.pdf](http://www.usfk.mil/Portals/105/Documents/2016%20Strategic%20Digest.pdf)

Заключение

В период второй половины XX – первой четверти XXI вв. военно-политический курс РК развивался под влиянием многих внешних и внутренних процессов. Большое значение для эволюции военной политики РК оказал фактор разделения Кореи и существования КНДР – два корейских государства не признают друг друга, претендуя на всю территорию Корейского полуострова, и противостояние на протяжении нескольких десятков лет между ними стало важным детерминантом военно-политического планирования РК. Другое важное обстоятельство – союзнические отношения между США и РК, наличие которых отразилось на характере военного строительства и внешнеполитических приоритетах Южной Кореи. Наконец, трансформация внутриполитической системы вследствие перехода от авторитарного правления к демократическому режиму VI Республики в РК не могла не повлиять на общие принципы и направления военной политики государства.

Период I–II Республик (1948–1960). Истоки военной политики I Республики следует искать в идеологическом курсе «ильминджуи», разработанном по инициативе Ли Сынмана Министром образования РК Ан Хосаном и представлявшем собой синтез националистических и демократических идей. Эта концепция «национального единения» (или же «народного единства») в числе прочего предполагала и объединение Кореи на основе южнокорейского авторитарно-демократического режима. В сочетании с жесткими антикоммунистическими взглядами Ли Сынмана и политического руководства РК одной из центральных идей военной политики государства являлось проведение военной операции по захвату территории КНДР при поддержке коалиции ООН или без нее. Идея одностороннего «марша на Север» продвигалась и после Корейской войны на протяжении всей I Республики, в связи с чем существовала реальная угроза разрыва альянса РК и США.

Внешнеполитический курс Южной Кореи в период I Республики был сосредоточен на получении военной помощи со стороны США и укреплении двустороннего сотрудничества в области безопасности. Однако Ли Сынман прибегал к весьма провокационным

дипломатическим приемам, что двояко сказалось на результатах его политики. С одной стороны, была достигнута необходимые договорённости с США и заключен полноценный военно-политический альянс, существующий по сей день. С другой стороны, было сделано многое для дестабилизации военно-политической ситуации на полуострове. При этом призывы к жестким мерам, вплоть до объединения Кореи силовым способом, можно рассматривать в качестве предлога для актуализации межкорейского кризиса с целью укрепления военного потенциала РК и позиции Ли Сынмана на президентском посту. Угрозы Ли Сынмана провести «марш на Север» можно рассматривать скорее как инструмент политического шантажа, направленного на получение военной помощи и гарантий безопасности со стороны США. В этом смысле политический курс РК можно назвать удачным, поскольку он привел к формальному закреплению союзнических отношений с США в рамках Договора о взаимной обороне 1953 г. и Согласованного протокола американо-корейских переговоров 1954 г. Кроме того, при содействии США удалось сформировать национальные ВС РК, а затем и значительно увеличить их численность, добившись к концу 1950-х гг. численного превосходства над силами КНДР. Главным их преимуществом стала большая численность, к недостаткам же можно отнести практически полное отсутствие современных авиации и флота и существенный недостаток сухопутной техники. Политика правительства I Республики в конечном итоге не привела к возобновлению военного конфликта, но потерпела фиаско и попытка объединить Корею мирными средствами на условиях РК.

Период III–IV Республик (1961–1979). Во время правления Пак Чонхи в 1961–1979 гг. достаточно четко можно выделить два периода военно-политического курса. Первый период длился с момента прихода Пак Чонхи к власти в качестве главы Верховного Совета по Национальной перестройке в 1961 г. до провозглашения США доктрины Никсона в 1969 г. Для этого периода было характерно тесное сотрудничество между Сеулом и Вашингтоном, а ключевой инициативой РК стало участие в войне во Вьетнаме, которое позволило получить дополнительные преимущества – поставки военной техники, предоставление кредитов, отказ США от планов сократить численность своего контингента на Корейском полуострове и объемов финансовой поддержки. Второй период охватывает

промежуток с 1970 г. до гибели Пак Чонхи в 1979 г., когда в рамках идеологического курса «чучхесон» была провозглашена концепция «самостоятельной обороны». В 1969 г. с целью уменьшения вклада США в обеспечение безопасности своих союзников в АТР Вашингтон инициировал т. н. доктрину Никсона. Для Южной Кореи это вылилось прежде всего в значительное сокращение численности военного контингента США, выведших свыше 25 тыс. военнослужащих в 1969–1971-х гг. (почти 40 % от показателя 1969 г.). В этих условиях Пак Чонхи был не уверен в исполнении США своих обязательств перед Кореей по обеспечению гарантий безопасности и стремился сократить зависимость ВПК РК от внешнего влияния. В этот период реализовывалась политика «самостоятельной обороны», в основе которой лежало ускоренное развитие военной промышленности государства с целью обеспечить базу для создания своими силами достаточного военного потенциала для противодействия внешним вызовам и минимизировать зависимость от США. Уже в 1970 г. было создано Агентство по развитию обороны, в 1974 г. был принят план «Юльгок», отражавший основные идеи концепции «самостоятельной обороны», и эти усилия помогли осуществить качественный прорыв в военной промышленности государства – создать материально-техническую базу и наладить производство собственных баллистических ракет, а также запустить программу по разработке ядерного оружия.

Можно заключить, что, несмотря на поражение проамериканских сил в войне во Вьетнаме, именно для РК участие в конфликте стало полезным опытом во многих смыслах: Вьетнам позволил РК приобрести у США гораздо больше военной техники и других преимуществ по сравнению с мирным временем, южнокорейские ВС получили реальный боевой опыт, экономика РК получила дополнительный источник доходов. Данный задел позволил эффективно проводить политику «самостоятельной обороны», её результатами стало значительное укрепление военного потенциала за счет организационных, технологических и экономических преобразований. Политика «самостоятельной обороны», проводившаяся РК в 1970-е гг. при этом не была направлена на достижение полной автаркии и абсолютной независимости от США в военных делах. Скорее речь шла о диверсификации каналов военного сотрудничества на фоне неопределенности будущего развития отношений между РК и США

в рамках альянса. Это обстоятельство обусловило стремление Сеула не только к развитию собственной военной промышленности с перспективной целью выхода на внешние рынки, но и к укреплению связей с другими государствами Азиатско-Тихоокеанского региона как через непосредственное сотрудничество (Вьетнам), так и в рамках многосторонних структур (АЗПАК, СЕАТО), а также к запуску собственной ядерной программы в 1970 г. в обход договоренностей с США, что стало дополнительной причиной трений между союзниками.

Усилия Пак Чонхи по проведению ускоренной индустриализации привели к ряду результатов. Во второй половине 1970-х гг. Южная Корея закрепилась в пятерке крупнейших поставщиков вооружений в страны «третьего мира», объем торговли за период с 1975 по 1982 гг. составил 1,28 млрд долл. РК удалось создать систему массового производства основных систем вооружений к 1976 г. Кроме этого, предпринятые усилия позволили создать беспрецедентную для стран Восточной Азии гибридную систему взаимодействия государства и частного бизнеса в лице чеболей, вовлеченных в производство вооружений. Сотрудничество с государством, хотя и зачастую носившее принудительный характер, также во многом сыграло положительную роль в развитии чеболей. Изначально небольшие компании, занимавшиеся разработкой технологий двойного назначения в основных экспортных отраслях и вступившие в программу развития военной промышленности, смогли использовать государственную поддержку для последующего роста. Многим из них удалось существенно расширить свое присутствие в разных областях экономики, используя технологии и опыт, полученные в ходе участия в проектах по военной индустриализации. Таким образом, удалось выполнить не только военно-политическую цель – построение «самостоятельной обороны» – но и добиться значительного экономического роста за счет развития экспортных отраслей гражданской промышленности.

Также следует отметить и успехи в ракетостроительной промышленности РК, получившей значительное развитие при Пак Чонхи. На протяжении двадцати лет с момента создания Агентства оборонных разработок работы велись под контролем и ограничениями, введенными США. Несмотря на подобные условия и спад активности в этой области в 1979–1983 гг., южнокорейским ученым

удалось достичь серьезного успеха и создать задел для последующего развития: в планах были разработка крылатых ракет следующего поколения «Хёнму» и ракеты космического назначения.

Период V Республики (1961–1979). Идеи и принципы курса «самостоятельной обороны», проводившегося в РК в 1970-е гг. продолжили свое развитие и во время президентства Чон Духвана. Предыдущей администрации РК, стремящейся обеспечить военно-политическую и экономическую самостоятельность РК в условиях снижения уровня поддержки со стороны США, удалось создать прочный задел для роста экономического и военного потенциала Южной Кореи в 1980-е гг. Однако же политика Чон Духвана отличалась тем, что он отступил от практики снижения уровня военно-технического сотрудничества с США, что было характерно для Пак Чонхи в годы IV Республики. Возобновление союзнических отношений на прежнем уровне можно считать компромиссной мерой для обеих сторон альянса. США потребовали от Чон Духвана отказаться от ядерной программы, пообещав взамен продажу современных вооружений на льготных условиях, кроме того, Вашингтону пришлось вновь чётко заявить о своих гарантиях национальной безопасности Южной Кореи. Таким образом, военно-политический курс РК периода V Республики выглядел как более гибкий или смягченный вариант политики «самостоятельной обороны» Пак Чонхи. В целом, зависимость от США при Чон Духване стала гораздо ниже в сравнении с периодом Пак Чонхи, и, по мере экономического роста РК, Вашингтон прекратил предоставление кредитов на военные проекты Сеула (а с 1991 г., при следующей президентской администрации – начал требовать с корейской стороны выделение средств на частичное покрытие расходов по размещению американского военного контингента в РК). Именно к 1980-м гг. Южная Корея перестала полностью полагаться на кредиты и дотации США для поддержки собственного военного потенциала и стала в большей степени партнером Америки, нежели чем клиентским государством.

Тем не менее, нельзя сказать, что РК удавалось реализовывать полностью самостоятельную военную политику. Режиму Чон Духвана, пришедшему к власти в результате военного переворота и столкнувшемуся с массовыми народными протестами, требовалась легитимация своего положения как на внутреннем уровне, так и на международной арене. Для упрочения связей и отношений

с США Чон Духвану пришлось пойти на ряд уступок, в числе которых отказ от разработки ядерного оружия и приостановка ракетной программы (возобновленной лишь после Рангунского теракта 1983 г.). Подобные ограничения были продиктованы интересами США сдерживать рост военного потенциала РК и обеспечить баланс сил на Корейском полуострове, который на тот момент поддерживался в том числе и наличием военного контингента и тактического ядерного оружия США на территории РК.

В период V Республики РК удалось значительно укрепить свой военный потенциал. Военный рост Южной Кореи стал возможным за счет качественного, а не количественного развития. В отличие от периода «самостоятельной обороны» Пак Чонхи, в 1980-х гг. удалось отойти от практики реализации конкретных проектов к централизованному и массированному выпуску военной техники, чему во многом способствовало внедрение системы планирования и бюджетирования PPBS. В будущем это помогло РК стать экспортером военной техники и технологий собственного производства и занять более гибкие роли в системе глобальной безопасности, не сводимые лишь к региональной динамике в контексте межкорейского противостояния.

В период VI Республики (с 1988 г. по настоящее время) произошло существенное изменение основ южнокорейской военной политики – ослабление роли военных в политической жизни Кореи, формирование более технологичных и компактных ВС. При президентах Ро Дэу (1988–1993) и Ким Ёнсаме (1993–1998) произошло реформирование, которое позволило перераспределить контроль над ВС в пользу увеличения роли гражданского правительства. Так, Ро Дэу в 1990 г. инициировал План «818» с целью перераспределения ролей между Объединенным комитетом начальников штабов и родами войск. Эта реформа предполагала передачу больших полномочий ОКНШ, в ведение которого фактически перешел контроль над ВС государства по всем принципиальным вопросам. При Ким Ёнсаме курс на усиление гражданского контроля был продолжен, и в соответствии с концепцией «синхангук» («новая Корея»), предполагавшей «оздоровление» корейского общества (в т. ч. борьбу с коррупцией и переосмысление роли военных в политической жизни страны), ему удалось законодательным способом установить контроль над военными со стороны парламента и правительства.

В период президентства Но Мухёна (2003–2008) усилилась тенденция к «либерализации» ВС. Но Мухён предложил план военной реформы до 2020 г., основными положениями которого стало формирование более компактных, технологичных и профессиональных ВС, способных отвечать современным вызовам безопасности. В центре инициативы стояло сокращение численности личного состава ВС (во многом – по демографическим причинам), увеличение доли гражданских служащих в армии, перераспределение ролей между родами войск с целью отхода от традиционной модели ВС, где ведущую роль играли сухопутные силы. Именно при Но Мухёне снова возобновляется дискурс «самостоятельной обороны», а развитие военного потенциала РК стало видеться не только средством сдерживания КНДР, но и элементом регионального баланса сил. Такое видение предполагало необходимость качественного скачка в военно-техническом развитии и, что более важно, укрепление самостоятельности военной политики. Как результат, именно Но Мухён возвращается к проблеме передачи оперативного командования над ВС в военное время обратно РК и ставит ее на более высокий и актуальный уровень.

Консервативные администрации Ли Мёнбака (2008–2013) и Пак Кынхе (2013–2017) подвергли пересмотру планы Но Мухёна, и основная ставка ими была сделана на укрепление южнокорейско-американского альянса. Руководство страны приняло ряд шагов, направленных на укрепление системы сдерживания северокорейской ракетно-ядерной угрозы, включая активную разработку трехуровневой системы противоракетной обороны. Бюджет на импорт военной техники был сокращен, вместо этого был сделан выбор в пользу увеличения численности ВС, не была также решена проблема возвращения Южной Корее оперативного командования своими ВС, которое в военное время осуществляет США.

Администрация Мун Джэина (2017–2022) продолжила либеральный курс Но Мухёна. Объявленная президентом «Военная реформа 2.0» предполагала сокращение численности рядового и высшего офицерского состава, сокращение срока службы, повышение зарплат военнослужащих, внедрение передовых технологий. Несмотря на то, что Северная Корея вышла из центра внимания военной политики Сеула (а один из основных доктринальных документов, Белая книга по обороне 2018 г., уже не содержала

упоминаний о КНДР как о противнике), год вступления Мун Джэина в должность ознаменовался множественными ракетными испытаниями КНДР и серьезным ростом напряженности на полуострове, в связи с чем президент РК был вынужден принять противоречащее основному вектору его военной политики решение по введению на территорию Южной Кореи батареи американского комплекса ПРО THAAD. Тем не менее, в целом руководство РК периода Мун Джэина стояло на позиции укрепления военно-политической самостоятельности, сам же президент призывал к скорейшему решению проблемы передачи оперативного командования ВС РК. Вместе с тем предпринималась попытка реформировать ВС с целью сделать их более современными, более совершенными с точки зрения технологий и более либеральными с точки зрения процесса управления ВС и условий службы.

Результаты «Военной реформы 2.0» Мун Джэина можно оценить как умеренно успешные. Руководству РК удалось реализовать важные инициативы в области кадровой политики – сокращение численности ВС и срока военной службы, рост числа женщин-военнослужащих, привлечение гражданских служащих. Эти изменения помогут РК в будущем отреагировать на снижение уровня рождаемости, но они носили скорее неотложный характер: в будущем для ответа на демографические вызовы могут потребоваться и более радикальные меры, в том числе и отмена обязательного воинского призыва. Итоги реформы судебной системы носят двоякий характер. С одной стороны, в РК был ликвидирован ряд устаревших институтов (гауптвахты и право командующих созывать суда и участвовать в них в качестве судей). С другой стороны, правовое закрепление этих преобразований не было завершено во время президентства Мун Джэина. Эффект судебной реформы, равно как и мер по защите прав человека в ВС в полной мере оценить можно будет лишь спустя время. Среди неудачных инициатив в рамках социального направления военной реформы можно выделить повышение размера денежного довольствия военнослужащих, существенного прогресса в чем добиться не удалось. К числу неудач «Военной реформы 2.0» можно отнести и проблему передачи оперативного командования над ВС РК. Процесс совместной работы и консультаций между РК и США над этим вопросом был сильно замедлен в условиях пандемии COVID-19. Однако куда более важное обстоятельство – это

глобальная и региональная обстановка безопасности, которая виделась Сеулу и Вашингтону недостаточно благоприятной для передачи оперативного командования.

В основу военной политики администрация Юн Согёля (2022–2025) был положен план «Военные инновации 4.0», посвященный развитию ВС с акцентом на применение искусственного интеллекта и других передовых технологий. Поскольку план «Военные инновации 4.0» носит, скорее, долгосрочный характер, не имеет целевых показателей и конкретных критериев реализации, достаточно сложно оценить результаты его реализации. План скорее обозначает перспективные направления и титульные проекты – развитие ПРО (Kill Web, LAMD), внедрение ИИ (Army Tiger). Администрации Юн Согёля удалось добиться первых успехов и реализовать отдельные проекты в этих областях, а также частично подготовить институциональную и правовую базу для дальнейшей реализации основных задач плана «Военные инновации 4.0».

Также, Юн Согёлю удалось выполнить обещание о повышении денежного довольствия военнослужащих сержантского состава до уровня 2 млн вон. Остальные инициативы, связанные с социальной поддержкой военнослужащих, в целом, продолжают политику Мун Джэина и опираются на механизмы, разработанные при предыдущей президентской администрации. К числу успехов военной политики Юн Согёля можно отнести увеличение объемов экспорта продукции южнокорейского ВПК, заключение крупных оборонных контрактов с рядом партнеров. Характерной чертой политики РК последних нескольких лет является также активное развитие военно-политического диалога с США, Японией, НАТО и др. партнерами, сопровождающееся ухудшением межкорейских отношений и растущей военной напряженностью на Корейском полуострове. В отношениях с США в рамках военного альянса Южная Корея пыталась найти баланс интересов, примером чему являются успешные для южнокорейской стороны переговоры по заключению сделки по распределению расходов на совместную оборону. Также, одним из главных приоритетов военной политики Юн Согёля являлось укрепление сотрудничества в рамках треугольника США – РК – Япония. Однако образование в 2024 г. Трехсторонней структуры сотрудничества в области безопасности не предполагало серьезной институционализации, а сотрудничество в треугольнике свелось

преимущественно к расширению масштабов и форм трехсторонних учений.

В целом, за время своего существования РК сумела развить один из самых мощных военных потенциалов в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. РК обладает одним из сильнейших надводных флотов в АТР, мощными ВВС, имеет на вооружении современные баллистические и крылатые ракеты. Южная Корея развила конкурентоспособную по мировым меркам военную промышленность, являясь одним из мировых лидеров экспорта вооружений и военной техники. В ВС РК, дополненных присутствием постоянного военного контингента США, были сформированы передовые подразделения, которые занимаются обеспечением кибербезопасности и другими современными задачами обороны государства. Одной из наиболее важных задач военной политики РК является создание национальной системы противоракетной обороны, способной противодействовать ракетной угрозе со стороны КНДР без опоры на американские системы вооружений. В числе важных вызовов военной политики также можно отметить падение уровня рождаемости и связанное с ним сокращение молодого населения, способного пополнить ряды ВС в условиях обязательного призыва на военную службу.

Список использованных источников и литературы

Источники

Опубликованные архивные материалы

1. Cable from Ambassador Katori to the Foreign Minister, Prime Minister Visit to China (Foreign Ministers' Discussion – The State of the Korean Peninsula), March 26, 1984 // Wilson Center Digital Archive, History and Public Policy Program Digital Archive. – URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/119557> (accessed: 13.09.2023).
2. Editorial Note // Foreign Relations of the United States. – 1955–1957. – Vol. XXIII: Korea, Part 2 / Ed. by L.J. Smith, G.W. LaFantasie. – W., DC: US Government Printing Office, 1993. – P. 147–148.
3. Editorial Note // Foreign Relations of the United States. – 1964–1968. – Vol. XXIX: Part 1, Korea / Ed. by K.L. Gatz, D.S. Patterson. – W., DC: US Government Printing Office, 2000. – P. 15–17.
4. Letter from the Ambassador to Korea (Brown) to the Assistant Secretary of State for Far Eastern Affairs (Bundy) // Foreign Relations of the United States. – 1964–1968. – Vol. XXIX: Part 1, Korea / Ed. by K.L. Gatz, D.S. Patterson. – W., DC: US Government Printing Office, 2000. – P. 45–46.
5. Letter from the Ambassador to Korea (Brown) to the Assistant Secretary of State for Far Eastern Affairs (Bundy) // Foreign Relations of the United States. – 1964–1968. – Vol. XXIX: Part 1, Korea / Ed. by K.L. Gatz, D.S. Patterson. – W., DC: US Government Printing Office, 2000. – P. 187–192.
6. Memorandum by the Deputy Director of the Office of Northeast Asian Affairs (McClurkin) to the Deputy Assistant Secretary of State for Far Eastern Affairs (Drumright) // Foreign Relations of the United States. – 1952–1954. – Vol. XV: Korea, Part 2 / Ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. – W., DC: US Government Printing Office, 1984. – P. 1742–1745.
7. Memorandum by the Secretary of Defense (Wilson) to the National Security Council // Foreign Relations of the United States. – 1952–1954. – Vol. XV: Korea, Part 1 / Ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. – W., DC: US Government Printing Office, 1984. – P. 747–752.
8. Memorandum for the Record // Foreign Relations of the United States. – 1961–1963. – Vol. XXII: Northeast Asia / Ed. by E.C. Keefer, D.W. Mabon, H.D. Schwar, G.W. LaFantasie. – W., DC: US Government Printing Office, 1996. – P. 562–564.

9. Memorandum for the Record, by Walter Treumann of the Office of Northeast Asian Affairs // Foreign Relations of the United States. – 1952–1954. – Vol. XV: Korea, Part 2 / Ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. – W., DC: US Government Printing Office, 1984. – Pp. 1804–1806.
10. Memorandum from Laurence E. Lynn, Jr., of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) // Foreign Relations of the United States. – 1969–1976. – Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972 / Ed. by D.J. Lawler, E.R. Mahan, E.C. Keefer. – W., D.C.: US Government Printing Office, 2010. – Pp. 134–138.
11. Memorandum from President Nixon to the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) // Foreign Relations of the United States. – 1969–1976. – Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972 / Ed. by D.J. Lawler, E.R. Mahan, E.C. Keefer. – W., DC: US Government Printing Office, 2010. – P. 117.
12. Memorandum from Robert W. Komer of the National Security Council Staff to President Kennedy // Foreign Relations of the United States. – 1961–1963. – Vol. XXII: Northeast Asia / Ed. by E.C. Keefer, D.W. Mabon, H.D. Schwar, G.W. LaFantasie. – W., DC: US Government Printing Office, 1996. – Pp. 647–648.
13. Memorandum from Robert W. Komer of the National Security Council Staff to President Johnson // Foreign Relations of the United States. – 1964–1968. – Vol. XXIX: Part 1, Korea / Ed. by K.L. Gatz, D.S. Patterson. – W., DC: US Government Printing Office, 2000. – Pp. 3–4.
14. Memorandum from Secretary of State Rogers to President Nixon // Foreign Relations of the United States. – 1969–1976. – Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972 / Ed. by D.J. Lawler, E.R. Mahan, E.C. Keefer. – W., DC: US Government Printing Office, 2010. – Pp. 197–198.
15. Memorandum from the Joint Chiefs of Staff Representative to the National Security Council Review Group (Unger) to the Chairman of the Review Group (Kissinger) // Foreign Relations of the United States. – 1969–1976. – Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972 / Ed. by D.J. Lawler, E.R. Mahan, E.C. Keefer. – W., DC: US Government Printing Office, 2010. – Pp. 132–133.
16. Memorandum from the Joint Chiefs of Staff to Secretary of Defense McNamara // Foreign Relations of the United States. – 1964–1968. – Vol. XXIX: Part 1, Korea / Ed. by K.L. Gatz, D.S. Patterson. – W., DC: US Government Printing Office, 2000. – P. 41–43.
17. Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon // Foreign Relations of the United States. – 1969–1976. – Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972 / Ed. by D.J. Lawler,

- E.R. Mahan, E.C. Keefer. – W., DC: US Government Printing Office, 2010. – P. 181–182.
18. Memorandum from the Under Secretary of State (Katzenbach) to President Johnson // Foreign Relations of the United States. – 1964–1968. – Vol. XXIX: Part 1, Korea / Ed. by K.L. Gatz, D.S. Patterson. – W., DC: US Government Printing Office, 2000. – P. 327–328.
 19. Memorandum of a Conversation, Washington, November 28, 1956 // Foreign Relations of the United States. – 1955–1957. – Vol. XXIII: Korea, Part 2 / Ed. by L.J. Smith, G.W. LaFantasie. – W., DC: US Government Printing Office, 1993. – P. 356–358.
 20. Memorandum of Conversation // Foreign Relations of the United States. – 1964–1968. – Vol. XXIX: Part 1, Korea / Ed. by K.L. Gatz, D.S. Patterson. – W., DC: US Government Printing Office, 2000. – P. 288–290.
 21. Memorandum of Conversation // Foreign Relations of the United States. – 1961–1963. – Vol. XXII: Northeast Asia / Ed. by E.C. Keefer, D.W. Mabon, H.D. Schwar, G.W. LaFantasie. – W., DC: US Government Printing Office, 1996. – P. 529–534.
 22. Memorandum of Conversation // Foreign Relations of the United States. – 1964–1968. – Vol. XXIX: Part 1, Korea / Ed. by K.L. Gatz, D.S. Patterson. – W., DC: US Government Printing Office, 2000. – P. 235–238.
 23. Memorandum of Conversation // Foreign Relations of the United States. – 1964–1968. – Vol. XXIX: Part 1, Korea / Ed. by K.L. Gatz, D.S. Patterson. – W., DC: US Government Printing Office, 2000. – P. 449–453.
 24. Memorandum of Conversation // Foreign Relations of the United States. – 1969–1976. – Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972 / Ed. by D.J. Lawler, E.R. Mahan, E.C. Keefer. – W., DC: US Government Printing Office, 2010. – P. 168–170.
 25. Memorandum of Conversation, by the Director of the Office of Northeast Asian Affairs (Young) // Foreign Relations of the United States. – 1952–1954. – Vol. XV: Korea, Part 1 / Ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. – W., DC: US Government Printing Office, 1984. – P. 897–900.
 26. Memorandum of Conversation, Seoul, August 27, 1975 // Foreign Relations of the United States. – 1969–1976. – Vol. E-12: Documents on East and Southeast Asia / Ed. by B.L. Coleman, D. Goldman, D. Nickels, E.C. Keefer. – W., DC: US Government Printing Office, 2010. – P. 1–3.
 27. Memorandum of Discussion at a Special Meeting of the National Security Council on Tuesday, March 31, 1953 // Foreign Relations of the United States. – 1952–1954. – Vol. XV: Korea, Part 1 / Ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. – W., DC: US Government Printing Office, 1984. – P. 825–827.

28. Memorandum of Discussion at the 326th Meeting of the National Security Council, Washington, June 13, 1957 // Foreign Relations of the United States. – 1955–1957. – Vol. XXIII: Korea, Part 2 / Ed. by L.J. Smith, G.W. LaFantasie. – W., DC: US Government Printing Office, 1993. – P. 443–454.
29. National Intelligence Estimate: Communist Capabilities and Probable Courses of Action in Korea // Foreign Relations of the United States. – 1952–1954. – Vol. XV: Korea, Part 1 / Ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. – W., DC: US Government Printing Office, 1984. – P. 865–877.
30. Notes of the President's Meeting with Cyrus R. Vance // Foreign Relations of the United States. – 1964–1968. – Vol. XXIX: Part 1, Korea / Ed. by K.L. Gatz, D.S. Patterson. – W., DC: US Government Printing Office, 2000. – P. 378–383.
31. Report by the National Security Council Planning Board to the National Security Council // Foreign Relations of the United States. – 1952–1954. – Vol. XV: Korea, Part 2 / Ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. – W., DC: US Government Printing Office, 1984. – P. 1384–1394.
32. Telegram from the Commander in Chief, Pacific (McCain) to the Department of State // Foreign Relations of the United States. – 1969–1976. – Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972 / Ed. by D.J. Lawler, E.R. Mahan, E.C. Keefer. – W., DC: US Government Printing Office, 2010. – P. 170–173.
33. Telegram from the Commander, United States Forces in Korea (Michaelis) to the Commander in Chief, Pacific (McCain) // Foreign Relations of the United States. – 1969–1976. – Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972 / Ed. by D.J. Lawler, E.R. Mahan, E.C. Keefer. – W., DC: US Government Printing Office, 2010. – P. 180.
34. Telegram from the Embassy in Korea to the Department of State // Foreign Relations of the United States. – 1964–1968. – Vol. XXIX: Part 1, Korea / Ed. by K.L. Gatz, D.S. Patterson. – W., DC: US Government Printing Office, 2000. – P. 146–149.
35. Telegram from the Embassy in Korea to the Department of State // Foreign Relations of the United States. – 1964–1968. – Vol. XXIX: Part 1, Korea / Ed. by K.L. Gatz, D.S. Patterson. – W., DC: US Government Printing Office, 2000. – P. 270–272.
36. Telegram from the Embassy in Korea to the Department of State // Foreign Relations of the United States. – 1964–1968. – Vol. XXIX: Part 1, Korea / Ed. by K.L. Gatz, D.S. Patterson. – W., DC: US Government Printing Office, 2000. – P. 156–160.
37. Telegram from the Embassy in Vietnam to the Department of State // Foreign Relations of the United States. – 1964–1968. – Vol. XXIX: Part 1,

- Korea / Ed. by K.L. Gatz, D.S. Patterson. – W., DC: US Government Printing Office, 2000. – P. 284–288.
38. Telegram from the President's Special Assistant (Rostow) to President Johnson in Texas // Foreign Relations of the United States. – 1964–1968. – Vol. XXIX: Part 1, Korea / Ed. by K.L. Gatz, D.S. Patterson. – W., DC: US Government Printing Office, 2000. – P. 411–414.
39. Telegram from the Department of State to the Embassy in Korea // Foreign Relations of the United States. – 1964–1968. – Vol. XXIX: Part 1, Korea / Ed. by K.L. Gatz, D.S. Patterson. – W., DC: US Government Printing Office, 2000. – P. 156–160.
40. The Acting Secretary of State to the Embassy in Korea // Foreign Relations of the United States. – 1952–1954. – Vol. XV: Korea, Part 1 / Ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. – W., DC: US Government Printing Office, 1984. – P. 1029–1032.
41. The Ambassador in Korea (Muccio) to the Secretary of State // Foreign Relations of the United States. – 1949. – Vol. VII: The Far East and Australasia. Part 2 / Ed. by J.G. Reid, J.P. Glennon. – W., DC: US Government Printing Office, 1976. – P. 1154–1155.
42. The Chief of Staff United States Army (Collins) to the Commander in Chief Far East (Clark) // Foreign Relations of the United States. – 1952–1954. – Vol. XV: Korea, Part 1 / Ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. – W., DC: US Government Printing Office, 1984. – P. 1135–1137.
43. The Commander in Chief, United Nations Command (Clark) to the Joint Chiefs of Staff // Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Vol. XV: Korea, Part 2. / Ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. – W., DC: US Government Printing Office, 1984. – P. 1152–1154.
44. The President of the Republic of Korea (Rhee) to President Eisenhower // Foreign Relations of the United States. – 1952–1954. – Vol. XV: Korea, Part 1 / Ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. – W., DC: US Government Printing Office, 1984. – P. 1124–1126.
45. The Special Representative for Korean Economic Affairs (Tasca) to the President // Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Vol. XV: Korea, Part 2. / Ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. – W., DC: US Government Printing Office, 1984. – P. 1245–1263.
46. The Special Representative in Korea (Muccio) to the Secretary of State // Foreign Relations of the United States. – 1948. – Vol. VI: The Far East and Australasia / Ed. by J.G. Reid, S.E. Gleason, D.H. Stauffer, F. Aandahl. – W., DC: US Government Printing Office, 1974. – P. 1331.
47. U.S. and Korea Agree on U.S. Troop Reduction and Korean Modernization // The Department of State Bulletin. – 1971. – March, 1. – P. 263.

48. 김대중. 2000년 새천년 신년사 (새천년 새희망) / 김대중 // 대통령기록관 (Ким Тэчжун. Новогоднее обращение 2000 г. («Новое тысячелетие, новая надежда») / Ким Тэчжун // Президентский архив Республики Корея). – URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1308855 (дата обращения: 13.09.2023).
49. 김영삼. 2.25 대통령 취임사. 전문 / 김영삼 // 중앙일보 (Ким Ёнсам. Инаугурационная речь президента 25 февраля 1993 г. Полный текст / Ким Ёнсам // Чунан Ильбо). – 1993. – 26 февр.
50. 김영삼. 1993년 국정평가보고회의 / 김영삼 // 대통령기록관 (Ким Ёнсам. Речь на отчетном собрании по оценке политики правительства 1993 г. / Ким Ёнсам // Президентский архив Республики Корея). – URL: https://pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1307927 (дата обращения: 13.09.2023).
51. 김영삼. 제48주년 경찰의 날 연설(경찰은 국민의 가장 가까운 동반자), 1993.10.21 / 김영삼 // 대통령기록관 (Ким Ёнсам. Речь на день 48-й годовщины основания полиции Республики Корея, 21 октября 1993 г. / Ким Ёнсам // Президентский архив Республики Корея). – URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1307896 (дата обращения: 05.09.2023).
52. 김영삼. 조선일보 창간 75주년 특별회견 (지속적인 개혁으로 세계화 추진), 28.02.1995 / 김영삼 // 대통령기록관 (Ким Ёнсам. Особая пресс-конференция по случаю 75-летия газеты «Чосон ильбо» («Продвижение глобализации через непрерывные реформы»), 28 февраля 1995 г. / Ким Ёнсам // Президентский архив Республики Корея). – URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1308067 (дата обращения: 05.09.2023).
53. 노무현. 이라크 파병부대 신고 및 환송식 치사, 28.04.2003 / 노무현 // 대통령기록관 (Но Мухён. Речь на торжественной церемонии отправки войск в Ирак, 28.04.2003 / Но Мухён // Президентский архив Республики Корея). – URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1309374 (дата обращения: 05.09.2023).
54. 노태우. 육군사관학교(陸軍士官學校) 제48기 졸업(卒業) 및 임관식(任官式) 연설, 1992.03.02 / 노태우 // 대통령기록관 (Ро Дэу. Речь по случаю 48-го выпуска Военной академии Республики Корея, 1992.03.02 / Ро Дэу // Президентский архив Республики Корея). – URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1314486 (дата обращения: 05.09.2023).

55. 노태우. 청와대국무회의에서의 지시, 1988.05.09 / 노태우 // 대통령기록관 (Ро Дэу. Послание Правительству Республики Корея, 9 мая 1988 г. / Ро Дэу // Президентский архив Республики Корея). – URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1307316 (дата обращения: 05.09.2023).
56. 박근혜. 청와대 학교 연설, 28.06.2013 / 박근혜 // 대통령기록관 (Пак Кынхе. Выступление в Университете Циньхуа, 28.06.2013 / Пак Кынхе // Президентский архив Республики Корея). – URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1400034 (дата обращения: 14.09.2023).
57. 박정희. 향토예비군설립 연설. 1968.02 / 박정희 // 대통령기록관 (Пак Чонхи. Выступление по случаю создания Армии резерва РК, февраль 1968 г. / Пак Чонхи // Президентский архив Республики Корея). – URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02064&artid=1311426 (дата обращения: 13.09.2023).
58. 이명박. 제63주년 국군의 날 기념사, 2010.10.01 / 이명박 // 대통령기록관 (Ли Мёнбак. Речь по случаю 63-го Дня вооруженных сил Республики Корея / Ли Мёнбак // Президентский архив Республики Корея). – URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1330481 (дата обращения: 13.09.2023).
59. 이승만. 07.24 대통령 취임사 / 이승만 // 대통령기록관 (Ли Сынман. Инаугурационная речь, 24 июля 1948 г. / Ли Сынман // Президентский архив Республики Корея). – URL: https://www.pa.go.kr/online_contents/inauguration/president01.jsp (дата обращения: 13.09.2023).
60. 전두환. 제32주년 국군의날 담화, 01.10.1980 / 전두환 // 대통령기록관 (Чон Духван. Речь по случаю 32-го Дня вооруженных сил Республики Корея, 01.10.1980 / Чон Духван // Президентский архив Республики Корея). – URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1306700 (дата обращения: 05.09.2023).

**Официальные документы внешней политики,
нормативно-правовые акты, международные соглашения**

61. 1966 U.S.-ROK Status of Forces Agreement // DocumentCloud. – URL: <https://www.documentcloud.org/documents/2830334-1966-U-S-ROK-Status-of-Forces-Agreement.html> (accessed: 13.09.2023).
62. 2001 Defense White Paper. – Seoul: Ministry of National Defense, 2001. – 52 p.

63. 2006 Defense White Paper. – Seoul: Ministry of National Defense, 2006. – 273 p.
64. 2012 Defense White Paper. – Seoul: Ministry of National Defense, 2012. – 415 p.
65. 2014 Defense White Paper. – Seoul: Ministry of National Defense, 2014. – 328 p.
66. 2016 Defense White Paper. – Seoul: Ministry of National Defense, 2017. – 340 p.
67. 2016 Strategic Digest // United States Forces Korea. – URL: [http://www.usfk.mil/Portals/105/Documents/2016 %20Strategic%20Digest.pdf](http://www.usfk.mil/Portals/105/Documents/2016%20Strategic%20Digest.pdf) (accessed: 13.09.2023).
68. 2019 Diplomatic White Paper. – Seoul: Ministry of Foreign Affairs, 2019. – 364 p.
69. 2020 Defense White Paper. – Seoul: Ministry of National Defense, 2021. – 448 p.
70. 2021 Unification White Paper. – Seoul: Ministry of Unification, 2021. – 339 p.
71. 2022 Defense White Paper. – Seoul: Ministry of National Defense, 2023. – 408 p.
72. Agreement on Reconciliation, Non-Aggression and Exchanges and Cooperation between the South and the North, December 13, 1991 // United Nations Peacemaker. – URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/KR%20KP_911213_Agreement%20on%20reconciliation%20non%20aggression%20and%20exchangespdf.pdf (accessed: 05.09.2023).
73. Agreement on the Implementation of the Historic Panmunjom Declaration in the Military Domain // The National Committee on North Korea. – URL: <https://www.ncnk.org/sites/default/files/Agreement%20on%20the%20Implementation%20of%20the%20Historic%20Panmunjom%20Declaration%20in%20the%20Military%20Domain.pdf> (accessed: 13.09.2023).
74. Defense White Paper 2008. – Seoul: Ministry of National Defense, 2008. – 369 p.
75. Joint Statement Following Meetings with President Chun Doo Hwan of the Republic of Korea, November 14, 1983 // Ronald Reagan Presidential Library. – URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/joint-statement-following-meetings-president-chun-doo-hwan-republic-korea> (accessed: 13.09.2023).
76. Joint Statement on Cryptocurrency Thefts by the Democratic People's Republic of Korea and Public-Private Collaboration // US Department of State. – 2025. – Jan. 14. – URL: <https://2021-2025.state.gov/>

- office-of-the-spokesperson/releases/2025/01/joint-statement-on-cryptocurrency-thefts-by-the-democratic-peoples-republic-of-korea-and-public-private-collaboration/ (accessed: 06.03.2025).
77. Laws on the Internet and Information Security in Korea. – Seoul: Korea Internet & Security Agency, 2015. – 55 p.
 78. Mutual Defense Treaty between the United States and the Republic of Korea; October 1, 1953 // The Avalon Project. – URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/kor001.asp (accessed: 13.02.2025).
 79. Participatory Government Defense Policy. – Seoul: Ministry of National Defense, 2003. – 225 p.
 80. Results of Deliberation on the 2025 Budget Proposal by the National Assembly // National Assembly Budget Office NABO Focus. – 2024. – Vol. 81.
 81. U.S.-ROK Leaders' Joint Statement // The White House. – 2021. – May 21. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/05/21/u-s-rok-leaders-joint-statement/> (accessed: 13.02.2025).
 82. 100대 국정과제. – 서울: 대한민국 정부, 2017 (100 задач государственной политики. – Сеул: Правительство Республики Корея, 2017). – 122 с.
 83. 1998–2002 국방정책. – 서울: 대한민국 국방부, 2002 (Военная политика 1998–2002 гг. – Сеул: Министерство обороны Республики Корея, 2002). – 288 с.
 84. 2018 국방백서. – 서울: 대한민국 국방부, 2019 (Белая книга обороны 2018 г. – Сеул: Министерство обороны Республики Корея, 2019). – 316 с.
 85. 2019–2033 국방과학기술 진흥정책서. – 서울: 대한민국 국방부, 2019 (Политика научно-технологического развития военной отрасли на 2019–2033 гг. – Сеул: Министерство обороны Республики Корея, 2019). – 92 с.
 86. 국민보호와 공공안전을 위한 테러방지법 // 국가법령정보센터 (Закон «О борьбе с терроризмом с целью защиты граждан и обеспечения безопасности общества» // Информационный центр законодательства Республики Корея). – URL: <https://www.law.go.kr/법령/국민보호와공공안전을위한테러방지법> (дата обращения: 13.09.2023).
 87. 국방과학연구소법 // 국가법령정보센터 (Закон «Об Агентстве оборонных разработок // Информационный центр законодательства Республики Корея). – URL: <https://www.law.go.kr/법령/국방과학연구소법> (дата обращения: 13.02.2025)
 88. 전략사령부령 // 국가법령정보센터 (Стратегическое командование // Информационный центр законодательства Республики

- Корея). – URL: <https://www.law.go.kr/법령/전략사령부령> (дата обращения: 12.02.2025)
89. 국방개혁 2.0 // 대한민국 국방부 (Военная реформа 2.0 // Министерство обороны Республики Корея). – URL: <https://reform.mnd.go.kr/mbshome/mbs/reform/> (дата обращения: 13.09.2023).
90. 國附白書 1967. – 서울: 대한민국 국방부, 1968 (Белая книга обороны 1967 г. – Сеул: Министерство обороны Республики Корея, 1968). – 263 с.
91. 國附白書 1968. – 서울: 대한민국 국방부, 1969 (Белая книга обороны 1968 г. – Сеул: Министерство обороны Республики Корея, 1969). – 173 с.
92. 國附白書 1988. – 서울: 대한민국 국방부, 1988 (Белая книга обороны 1988 г. – Сеул: Министерство обороны Республики Корея, 1988). – 360 с.
93. 國附白書 1989. – 서울: 대한민국 국방부, 1989 (Белая книга обороны – 1989 г. – Сеул: Министерство обороны Республики Корея, 1989). – 363 с.
94. 國附白書 1991–1992. – 서울: 대한민국 국방부, 1991 (Белая книга обороны 1991–1992 гг. – Сеул: Министерство обороны Республики Корея, 1991). – 436 с.
95. 國附白書 1992–1993. – 서울: 대한민국 국방부, 1992 (Белая книга обороны 1992–1993 гг. – Сеул: Министерство обороны Республики Корея, 1992). – 222 с.
96. 國附白書 1993–1994. – 서울: 대한민국 국방부, 1993 (Белая книга обороны 1993–1994 гг. – Сеул: Министерство обороны Республики Корея, 1993). – 180 с.
97. 국방백서 1995–1996. – 서울: 대한민국 국방부, 1995 (Белая книга обороны 1995–1996 гг. – Сеул: Министерство обороны Республики Корея, 1995). – 287 с.
98. 국방백서 1997–1998. – 서울: 대한민국 국방부, 1997 (Белая книга обороны 1997–1998 гг. – Сеул: Министерство обороны Республики Корея, 1997). – 269 с.
99. 국방백서 1998. – 서울: 대한민국 국방부, 1998 (Белая книга обороны 1998 г. – Сеул: Министерство обороны Республики Корея, 1998). – 280 с.
100. 국방백서 1999. – 서울: 대한민국 국방부, 1999 (Белая книга обороны 1999 г. – Сеул: Министерство обороны Республики Корея, 1999). – 291 с.
101. 군법무관임용등에관한법률 // 국가법령정보센터 (Закон «О назначении военных юристов» // Информационный центр законодательства Республики Корея). – URL: <https://law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=49762>

- &ancYd=20001226&ancNo=06291&efYd=20010327&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000 (дата обращения: 06.09.2023).
102. 군수조달에관한특별조치법 // 국가법령정보센터 (Закон «Об особых мерах по военным закупкам» // Информационный центр законодательства Республики Корея). – URL: <http://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=5748&viewCls=lsRvsDocInfoR#> (дата обращения: 13.09.2023).
 103. 금융실명거래및비밀보장에관한법률 // 국가법령정보센터 (Закон «О конфиденциальности и финансовых транзакциях под реальными именами» // Информационный центр законодательства Республики Корея). – URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=59392&ancYd=19971231&ancNo=05493&efYd=19971231&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000> (дата обращения: 13.09.2023).
 104. 문재인정부 4년 100대 국정과제 추진실적. – 서울: 국무조정실, 2021 (Результаты 4 лет осуществления 100 задач государственной политики правительства Мун Джэина. – Сеул: Управление координации политики при Премьер-министре РК, 2021). – 518 с.
 105. 문재인 정부의 국가안보전략. – 서울: 대한민국 국가안보실, 2018 (Стратегия национальной безопасности администрации Мун Джэина. – Сеул: Управление национальной безопасности Республики Корея, 2018). – 109 с.
 106. 윤석열 정부 120대 국정 과제. – 서울: 대한민국정부, 2022. (120 задач государственной политики правительства Юн Согёля. – Сеул: Правительство Республики Корея, 2022). – 197 с.
 107. 국방혁신 4.0. – 서울: 대한민국 국방부, 2023. (Военные инновации 4.0. – Сеул: Министерство обороны Республики Корея, 2023). – 46 с.
 108. “2045 우주경제 강국 실현”: 미래 우주경제 로드맵 이행을 위한. 제4차 우주개발진흥기본계획(안). – 서울: 대한민국정부, 2022. («Становление космической державой к 2045 г.»: реализация дорожной карты космической экономики будущего. 4-й Базовый план содействия развитию космонавтики (проект) – Сеул: Правительство Республики Корея, 2022). – 66 с.
 109. 대한민국 국가정보원 직무 // 대한민국 국가정보원 (Функции Национальной разведывательной службы Республики Корея // Национальная разведывательная служба Республики Корея). – URL: https://www.nis.go.kr:4016/ID/1_2.do (дата обращения: 22.10.2022).
 110. 대한민국 국방과학연구소 연혁 // 대한민국 국방과학연구소 (История Агентства оборонных разработок Республики Корея // Агентство оборонных разработок Республики Корея). – URL: <https://www.add.>

- re.kr/board?menuId=MENU02030&siteId=SITE00002 (дата обращения: 13.09.2023).
111. 대한민국 국방부 조직도 // 대한민국 국방부 (Организационная структура Министерства обороны Республики Корея // Министерство обороны Республики Корея). – URL: https://www.mnd.go.kr/cor/dept/deptInfo2.do?siteId=mnd&id=mnd_060501000000 (дата обращения: 13.09.2023).
112. 대한민국 방위사업청 설립목적과 기능 // 대한민국 방위사업청 (Цель и функции Управления программ оборонных закупок Республики Корея // Управление программ оборонных закупок Республики Корея). – URL: <http://www.dapa.go.kr/dapa/sub.do?menuId=362> (дата обращения: 13.09.2023).
113. 대한민국 합동참모본부 편성 // 대한민국 합동참모본부 (Организационная структура Объединённого комитета начальников штабов Республики Корея // Объединённый комитет начальников штабов Республики Корея). – URL: https://www.jcs.mil.kr/mbshome/mbs/jcs2/subview.jsp?id=jcs2_010102000000 (дата обращения: 13.09.2023).

Статистические и справочные материалы

114. Akamai's Q4 2016 State of the Internet: Connectivity Report / Ed. by D. Belson. – Cambridge, Massachusetts: Akamai, 2016. – 64 p.
115. Asia Internet Use, Population Data and Facebook Statistics – June 2017 // Internet World Stats. – URL: <http://www.internetworldstats.com/stats3.htm#asia> (accessed: 13.09.2023).
116. Defense Budget // Ministry of National Defense. – URL: https://www.mnd.go.kr/mbshome/mbs/mndEN/subview.jsp?id=mndEN_030900000000 (accessed 07.03.2025)
117. Open Fiscal Data // Ministry of Economy and Finance. – URL: <https://www.openfiscaldata.go.kr/op/en/index> (accessed: 07.09.2023).
118. ROK Birth Rate // World Bank. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CBRT.IN?end=2016&locations=KR&start=1960&view=chart> (accessed: 13.09.2023).
119. The Military Balance 2024. – L.: The International Institute for Strategic Studies, 2024. – 554 p.
120. Trends in International Arms Transfers, 2024 / M. George, K. Djokic, Z. Hussain, P.D. Wezeman, S.T. Wezeman // SIPRI Fact Sheet. – March 2025. – 12 p.
121. Wezeman, P. Trends in International Arms Transfers. SIPRI Fact Sheet, March 2021 / P. Wezeman, A. Kuimova, S. Wezeman. – Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute, 2021. – 12 p.

122. World Economic Outlook database: October 2024 // International Monetary Fund. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/October/weo-report> (accessed: 07.03.2025).
123. 2021 경제·재정수첩. – 서울: 국회예산정책처, 2021. (Сборник экономической и финансовой статистики 2021 г. – Сеул: Бюджетная служба Национальной Ассамблеи Республики Корея, 2021). – 336 с.
124. 국방예산 추이 // 대한민국 국방부 (Динамика военного бюджета // Министерство обороны Республики Корея). – URL: https://mnd.go.kr/mbshome/mbbs/mnd/subview.jsp?id=mnd_010401020000 (дата обращения: 13.09.2023).

Мемуарная литература

125. Ли Мён Бак. Чудес не бывает / Ли Мён Бак; пер. с кор. Ким Хён-Тхэк, И. Пак. – Сеул: Ewhan, 2009. – 312 с.
126. Мун Чжэин. Судьба / Мун Чжэин; пер. с кор. Н.В. Дмитриевской. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. – 528 с.
127. 안호상. 일민주의의 본질. – 서울: 일민주의연구원, 1950 (Ан Хосан. Сущность ильминджуи / Ан Хосан. – Сеул, Ин-т национального единения, 1950). – 86 с.

Материалы СМИ

128. Аналитики подсчитали ущерб от эпидемии червя Helkern // Lenta.ru. – 2003. – 03 фев. – URL: <https://lenta.ru/news/2003/02/03/slammer/> (дата обращения: 13.09.2023).
129. Кирьянов, О.В. Южная Корея продлила «власть США» над своей армией / О.В. Кирьянов // Российская газета. – 2014. – 24 окт. – URL: <https://rg.ru/2014/10/24/armiya-site.html> (дата обращения: 13.09.2023).
130. Максимов, Б. Пресса Британии: на Sony напали российские хакеры? / Б. Максимов // BBC. – 2014. – 24 дек. – URL: http://www.bbc.com/russian/uk/2014/12/141224_brit_press (дата обращения: 13.09.2023).
131. Моисеев, А. Смертоносные и дальнобойные: КНДР обладает одними из лучших в мире РСЗО / А. Моисеев // Российская газета. – 2023. – 26 июля. – URL: <https://rg.ru/2023/07/26/smertonosnye-i-dalnoboynye-kndr-obladaet-odnimi-iz-luchshih-v-mire-rszo.html> (дата обращения: 13.02.2025).
132. Максимов, Б. Эксперты выяснили, что за кибератакой на ОИ-2018 не стояли северокорейские хакеры из Lazarus / Б. Максимов // 5tv. – 2018. – 08 мар. – URL: <https://www.5-tv.ru/news/188489/> (дата обращения: 13.09.2023).
133. Cha, Eunhyuk. Hanwha Ocean Lays Keel of Second KSS-III Batch-II Submarine / Cha Eunhyuk // Naval News. – 2024. – July 13. – URL:

- <https://www.navalnews.com/naval-news/2024/07/hanwha-ocean-lays-keel-of-second-kss-iii-batch-ii-submarine/> (accessed: 13.02.2025)
134. Chae, Yun-hwan. S. Korea launches research center in defense artificial intelligence / Chae Yun-hwan // Yonhap. – 2024. – Apr. 1. – URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240401001900315> (accessed: 13.02.2025)
135. China IP address link to South Korea Cyber-attack // BBC. – 2013. – March 21. – URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-21873017> (accessed: 13.09.2023).
136. Cho, Meeyoung. South Korea nuclear plant hacked, says operator / Cho Meeyoung // The Sydney Morning Herald. – 2014. – Dec. 23. – URL: <https://www.smh.com.au/technology/south-korea-nuclear-plant-hacked-says-operator-20141222-12chrb.html> (accessed: 13.09.2023).
137. Choe, Sang-Hun. U.S. Agrees to Let South Korea Extend Range of Ballistic Missiles / Choe Sang-Hun // The New York Times. – 2012. – Oct. 7. – URL: https://www.nytimes.com/2012/10/08/world/asia/us-agrees-to-let-south-korea-extend-missile-range.html?_r=3& (accessed: 13.09.2023)
138. Cluley, G. South Korea Launches Its Cyberwarfare Command Centre / G. Cluley // Naked Security. – 2010. – Jan. 11. – URL: <https://nakedsecurity.sophos.com/2010/01/11/south-korea-launches-cyberwarfare-command-centre/> (accessed: 13.09.2023).
139. Dominguez, G. South Korea's Military to Increase Number of Hyunmoo Missiles, Says Report / G. Dominguez, N. Gibson // The Korea Times. – 2009. – Aug. 25. – URL: http://koreatimes.co.kr/www/news/tech/2009/08/129_50676.html (accessed: 13.09.2023).
140. Equifax Data Hack Affected 694,000 UK Customers // BBC. – 2017. – Oct. 10. – URL: <http://www.bbc.com/news/business-41575188> (accessed: 13.09.2023).
141. Hyunmoo // Global Security. – 2013. – URL: <https://www.globalsecurity.org/military/world/rok/hyunmoo.htm> (accessed: 13.09.2023).
142. Jung, Sung-ki. S. Korea Deploying 1,000-Kilometer Cruise Missiles / Jung Sung-ki // The Korea Times. – 2009. – Aug. 17. – URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2017/03/205_50250.html (accessed: 13.09.2023).
143. Kang, Yoon-seung. Yoon says Russia should choose whether S. Korea or N. Korea is more important / Kang Yoon-seung // Yonhap. – 2024. – July 08. – URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240708005951315?section=search> (accessed: 06.03.2025).
144. Kim, Eun-jung. S. Korea Beefs up Integrated Air and Missile Defense / Kim Eun-jung // Yonhap. – 2013. – Feb. 13. – URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20130213006151315> (accessed: 13.09.2023).

145. Kim, Seung-yeon. S. Korea says it can end GSOMIA at any time, as mutually understood by Japan / Kim Seung-yeon // Yonhap. – 2020. – Aug. 24. – URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200824004000325> (accessed: 13.09.2023).
146. Lee, Juho. South Korea Reveals New ‘Navy Sea GHOST’ concept / Lee Juho // Naval News. – 2022. – Nov. 15. – URL: <https://www.navalnews.com/naval-news/2022/11/south-korea-reveals-new-navy-sea-ghost-concept/> (accessed: 13.03.2025).
147. Lee, M. Air Force deployed fighters after Russia, China enter KADIZ / M. Lee // Korea JoongAng Daily. – 2021. – Nov. 22. – URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2021/11/22/national/defense/KADIZ-airspace-Air-Force/20211122190628150.html> (accessed: 13.09.2023).
148. Lee, Minji. S. Korea successfully launches 3rd spy satellite into orbit / Lee Minji // Yonhap. – 2024. – Dec. 21. – URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20241221003052315?section=national/defense> (accessed: 13.02.2025).
149. Lim, Hui Jie. As global defense spending surges, South Korean arms makers look like a clear winner / Lim Hui Jie // CNBC. – 2024. – Dec. 3. – URL: <https://www.cnbc.com/2024/12/04/as-global-defense-spending-surges-south-korean-arms-makers-look-like-a-clear-winner-.html> (accessed: 13.02.2025).
150. Nguyen, Minh Duc. Korea and US DDoS Attacks: The Attacking Source Located in United Kingdom / Nguyen Minh Duc // BKIS. – URL: <https://web.archive.org/web/20110812141003/http://blog.bkis.com/en/korea-and-us-ddos-attacks-the-attacking-source-located-in-united-kingdom/> (accessed: 13.09.2023).
151. North Korea Tried to Hack South’s Railway System: Spy Agency // Reuters. – 2016. – March 8. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-northkorea-southkorea-cyber/north-korea-tried-to-hack-souths-railway-system-spy-agency-idUSKCN0WA0B6> (accessed: 13.09.2023).
152. Paganini, P. 31 Million of Client Records Belonging to the Virtual Keyboard App. AI. Type Leaked Online / P. Paganini // Security Affairs. – 2017. – Dec. 6. – URL: <http://securityaffairs.co/wordpress/66392/data-breach/keyboard-app-ai-type-data-leak.html> (accessed: 13.09.2023).
153. Park, Donghui. Making Sense of North Korea’s Hacking Strategy / Park Donghui, J.L. Beyer // Reuters. – 2017. – Dec. 22. – URL: <https://www.reuters.com/article/beyer-cyber/column-commentary-making-sense-of-north-koreas-hacking-strategy-idUSL1N1OL289> (accessed: 13.09.2023).
154. Park, Han-na. Scrapping GSOMIA raises questions about intel-sharing capability, alliance with US / Park Han-na // Korea Herald. – 2019. – Aug.

23. – URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20190823000574> (accessed: 13.09.2023)
155. Pinkston, D. The New South Korean Missile Guidelines and Future Prospects for Regional Stability / D. Pinkston // International Crisis Group. – 2012. – Oct. 25. – URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/north-east-asia/korean-peninsula/new-south-korean-missile-guidelines-and-future-prospects-regional-stability> (accessed: 13.09.2023)
156. Song, Sang-ho. S. Korea's military to introduce 'Kill Web' concept to counter N. Korea's missile, nuke threats / Song Sang-ho // Yonhap. – 2023. – March 3. – URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230303005500325> (accessed: 13.02.2025)
157. South Korea develops a land-based CIWS-II 30mm system to counter future North Korean kamikaze drones // Army Recognition. – 2025. – Jan. 22. – URL: <https://armyrecognition.com/news/army-news/2025/south-korea-develops-a-land-based-ciws-ii-30mm-system-to-counter-future-north-korean-kamikaze-drones> (accessed: 13.02.2025)
158. South Korea to Open Cyber Warfare School // NDTV. – 2012. – June 5. – URL: <https://gadgets.ndtv.com/others/news/south-korea-to-open-cyber-warfare-school-225865> (accessed: 13.09.2023).
159. South Korea Traces Cyber-Attacks to Chinese IP Address // The Guardian. – 2013. – March 21. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/mar/21/south-korea-cyber-attack-chinese> (accessed: 13.09.2023).
160. South Korean army showcases future force experimentation unit // Asian Military Review. – 2023. – Feb. 17. – URL: <https://www.asianmilitaryreview.com/2023/02/south-korean-army-showcases-future-force-experimentation-unit/> (accessed: 12.02.2025)
161. Yeo, Jun-suk. South Korea Implements Plan for Early OPCON Transfer: Lawmaker / Yeo Jun-suk // Korea Herald. – 2017. – Sep. 29. – URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20170929000697> (accessed: 13.09.2023).
162. 3축 체계 핵심전력 '신체호함' 우리바다를 수호하다 // 정부24. (Ключевой проект трехосной системы ПРО, подводная лодка «Син Чэхо», защищает наши моря // Правительство 24). – 2024. – 4 апр. – URL: <https://www.gov.kr/portal/ntnadmNews/3839777> (дата обращения: 13.02.2025)
163. 광희양. 핵·재래식 무기 통합 운용하는 전략사령부 창설...초대 사령관은 진영승 공군 중장 / 광희양 // 경향신문 (Квак Хиян. Создание Стратегического командования для проведения совместных операций: командующим назначен генерал-лейтенант ВВС Чин Ёнсын / Квак

- Хиян // Кёнхян синмун). – 2024. – 30 сен. – URL: <https://www.khan.co.kr/article/202409301739001> (дата обращения: 12.02.2025)
164. 김귀근. 국방부, 장군 70~80여명 감축 추진...»고강도 국방개혁 차원» / 김귀근 // 연합뉴스 (Ким Квигын. Реформа по усилению вооруженных сил: министерство обороны предлагает сократить 70–80 генералов / Ким Квигын // Ёнхап). – 2017. – 31 дек. – URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20171229123500014> (дата обращения: 13.09.2023).
165. 김귀근. 해군, 유·무인전투체계 ‘네이비 씨 고스트’ 발전 콘퍼런스 / 김귀근 // 연합뉴스 (Ким Квигын. Конференция BMC по развитию беспилотной и пилотируемой системы Navy Sea GHOST / Ким Квигын // Ёнхап). – 2023. – 12 сен. – URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20230912044600504> (дата обращения: 13.03.2025).
166. 김승욱. ‘K-방산 선구자’ K9자주포 2차 성능개량 본격화...자동장전 채택 / 김승욱 // 연합뉴스 (Ким Сынок. Первопроходец K-Defense CAU K9 проходит испытания / Ким Сынок // Ёнхап). – 2023. – 13 мая. – URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20230513021800504> (дата обращения: 13.03.2025).
167. 김철선. ‘방산혁신기업 100’ 27개사 추가 선정...50억 한도 지원 / 김철선 // 연합뉴스 (Ким Чхольсон. Еще 27 компаний были отобраны в рамках проекта «100 компаний в области оборонных инноваций», которые получают поддержку в пределах 5 млрд вон // Ёнхап). – 2024. – 10 дек. – URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20241210030300504> (дата обращения: 13.02.2025)
168. 김철선. 합참, 우주·사이버·전자전 대비 ‘다영역작전부’ 신설 / 김철선 // 연합뉴스 (Ким Чхольсон. При ОКНШ создан штаб мультдоменных операций для космической, кибер- и электронной войны / Ким Чхольсон // Ёнхап). – 2024. – 22 ноя. – URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20241121158200504?section=politics/all> (дата обращения: 12.02.2025)
169. 김철환. 병장 월급 40만5700원... 여군 보직 제한 폐지 / 김철환 // Bemil Chosun (Ким Чхольхван. Повышение зарплаты сержантов до 405,7 тыс. вон и отмена лимитирования женщин-военнослужащих / Ким Чхольхван // Bemil Chosun). – 2018. – 2 янв. – URL: https://bemil.chosun.com/nbrd/bbs/view.html?b_bbs_id=10002&num=8191 (дата обращения: 13.09.2023).
170. 맹수열. 군 기강 확립·장병 인권 보장, 동시 구현이 핵심 / 맹수열 // 국방일보 (Мэн Суёль. Цель – укрепить дисциплину, но в то же время защитить права солдат / Мэн Суель // Кукпан ильбо). – 2018. – 23 мар. – URL: https://kookbang.dema.mil.kr/newsWeb/20180312/1/BBSMSTR_000000010205/view.do (дата обращения: 13.09.2023).

171. 맹수열. 송영무 국방부 장관 “국방개혁 2.0 꼭 완수해 강한 군대 건설” / 맹수열 // Bemil Chosun (Мэн Суёль. Министр обороны Сон Ёнму: «Военная реформа 2.0» построит завершённую и сильную армию» / Мэн Суель // Bemil Chosun). – 2018. – 13 фев. – URL: https://bemil.chosun.com/nbrd/bbs/view.html?b_bbs_id=10002&num=8459 (дата обращения: 13.09.2023).
172. 민병권. 육군 ‘장사정포요격체계-Ⅱ’ 개발 추진... 북한판 이스칸데르 등 막는다 / 민병권 // 서울경제 (Мин Пёнгвон. Армия РК создаст LAMD-Ⅱ для противодействия северокорейским «Искандерам» и др. / Мин Пёнгвон // Соул кёндже). – 2022. – 20 окт. – URL: <https://www.sedaily.com/NewsView/26CFA2Y9TE> (дата обращения: 13.02.2025)
173. 박광범. ‘방위성금’ 부활론 고개...부작용 탓 25년전 폐지 / 박광범 // Money Today (Пак Кванбом. Есть идея возродить оборонные фонды, упразднённые 25 лет назад ввиду «нежелательных последствий» / Пак Кванбом // Money Today). – 2013. – 13 дек. – URL: <https://news.mt.co.kr/mtview.php?no=2013101309531271186> (дата обращения: 13.09.2023).
174. 박수찬. «잘 먹어야 잘 싸운다더니»...장병 급식비 또 동결되나 / 박수찬 // 네이트 (Пак Сучхан. «Хорошо сражаешься, если хорошо ешь»: будут ли снова заморожены расходы на питание солдат? / Пак Сучхан // Nate). – 2024. – 11 окт. – URL: <https://news.nate.com/view/20241011n11087> (дата обращения: 13.02.2025)
175. 박찬. 병사 월급 3년 만에 82만 원 -> 205만 원...계속 올려줄건지 물었더니 / 박찬 // KBS (Пак, Чхан. Денежное довольствие солдат выросло с 820 тыс. вон до 2 млн 50 тыс. вон: будет ли продолжаться рост? / Пак Чхан // KBS). – 2024. – 27 авг. – URL: <https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=8044700> (дата обращения: 13.02.2025)
176. 방위산업의 시련과 도전(19), 전두환 정권과 국방과학연구소의 구조조정 // Global Defense News (Вызовы и испытания для военно-промышленного комплекса: реструктуризация в администрации Чон Духвана и Агентстве оборонных разработок // Global Defense News). – 2016. – 18 янв. – URL: <http://www.gdnews.kr/mobile/article.html?no=3117> (дата обращения: 13.09.2023).
177. 병 복무기간 단축 및 복무기간, 봉급 변천사 // Tstory (История изменений срока военной службы и размера довольствия // Tstory). – 2018. – 6 сен. – URL: <https://elwlsk.tistory.com/1181> (дата обращения: 07.09.2023).
178. 서철인. 국가 위기 사태 부르는 사이버 첨단범죄를 막아라 / 서철인 // 월간조선 (Со Чхорин. Остановить киберпреступления, вызванные кризисом в государстве / Со Чхорин // Вольган

- Чосон). – 2018. – № 12. – URL: <http://monthly.chosun.com/client/news/viw.asp?ctcd=C&nNewsNumb=200812100013> (дата обращения: 13.09.2023).
179. 신대원. 정부, 신무기 빠르게 도입하는 ‘패스트 트랙’ 도입 / 신대원 // 헤럴드경제 (Син Тэвон. Правительство вводит fast track-процедуру для ускоренного принятия на вооружение новых технологий / Син Тэвон // Геральд кёндже). – 2023. – 9 мая. – URL: <https://biz.heraldcorp.com/article/3121009> (дата обращения: 13.02.2025)
180. 워리어플랫폼 // 한화시스템 (Warrior Platform // Hanwha Systems). – URL: https://www.hanwhasystems.com/kr/business/defense/land/warrior_index.do (дата обращения: 12.02.2025)
181. 유용원. 사거리 500 km 국산 탄도미사일 ‘현무-2B’ 실전배치했다 / 유용원 // 조선일보 (Ю Ёнвон. Принята на вооружение баллистическая ракета отечественного производства «Хёнму-2В» с дальностью действия 500 км / Ю Ёнвон // Чосон ильбо). – 2011. – 18 фев. – URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2011/02/18/2011021801716.html (дата обращения: 13.09.2023).
182. 윤종진. 대구보훈병원 재활센터 11월 7일 개원... 보훈가족 위한 맞춤형 의료서비스에 최선 / 윤종진 // 조선일보 (Юн Чонджин. Реабилитационный центр Госпитали ветеранов в Тэгу будет открыт 7 ноября: лучший индивидуальный уход для семей ветеранов / Юн Чонджин // Чосон ильбо). – 2024. – 24 окт. – URL: <https://www.chosun.com/economy/industry-company/2024/10/24/HXKOAI77SREALOY7GRXDRUKSMM/> (дата обращения: 13.02.2025)
183. 이광빈. 3차 DDoS공격 시작..일부 접속불안 / 이광빈 // 연합뉴스 (Ли Гванбин. Началась третья DDoS-атака: беспокойство относительно доступа в Интернет / Ли Гванбин // Ёнхп). – 2009. – 9 июл. – URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2009/07/09/0200000000AKR20090709203700017.HTML?did=1179m> (дата обращения: 13.09.2023).
184. 이바름. 육군 차세대 모델 ‘아미타이거’, 사단급으로 확대된다 / 이바름 // 뉴데일리 (Ли Парым. Подразделение Army Tiger армии РК будет в будущем трансформировано в дивизию / Ли Парым // New Daily). – 2023. – 27 июня. – URL: <https://www.newdaily.co.kr/site/data/html/2023/06/27/2023062700115.html> (дата обращения: 12.02.2025)
185. 이석중. 해상작전헬기 2차사업 유찰 / 이석중 // Asia Today (Ли Сокчон. Вторая очередь поставки морских вертолетов / Ли Сокчон // Asia Today). – 2018. – 28 сен. – URL: <https://www.asiatoday.co.kr/view.php?key=20180928010015428> (дата обращения: 13.09.2023).
186. 이영재. 美 사이버사령관 한국 방문...北 사이버 위협 대응 논의 / 이영재 // 연합뉴스 (Ли Ёнджэ. Визит в Корею командующего

- киберподразделением вооруженных сил США: обсуждение киберугроз со стороны КНДР / Ли Ёнджэ // Ёнхап). – 2017. – 9 ноя. – URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2017/11/09/0200000000AKR20171109124151014.HTML?from=search> (дата обращения: 13.09.2023).
187. 이원준. 해병대, 스마트한 전투실험대대 ‘아이언 마린’ 출범 / 이원준 // 국방일보 (Ли Вонджун. В Корпусе морской пехоты РК создан экспериментальный батальон Iron Marine / Ли Вонджун // Кукпан ильбо). – 2024. – 29 янв. – URL: https://kookbang.dema.mil.kr/newsWeb/20240130/2/ATCE_CTGR_0010040000/view.do (дата обращения: 12.02.2025)
188. 이은영. ADD 무기개발 3총사의 핵·미사일 개발 비화 / 이은영 // 신동아 (Ли Ёнён. История секретных разработок ядерного и ракетного оружия в Агентстве оборонных разработок / Ли Ёнён // Син Тона). – 2006. – 13 дек. – URL: <http://news.donga.com/SHINDONGA/Library/3/02/13/105990> (дата обращения: 13.09.2023).
189. 임명규. 국내 세 번째 국립연천현충원 내년 초 착공 / 임명규 // KBS (Им Мёнгю. Строительство третьего национального кладбища РК начнется в Ёнчхоне начале следующего года / Им Мёнгю // KBS). – 2024. – 20 дек. – URL: <https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=8134615> (дата обращения: 13.02.2025)
190. 장병내일준비적금 '22년부터 매칭지원금 지급 // Korea.kr (Выплаты по программе льготного депозита для военных начнутся с 2022 г. // Korea.kr). – 2021. – 31 дек. – URL: <https://www.korea.kr/briefing/pressReleaseView.do?newsId=156489728> (дата обращения: 07.09.2023).
191. 정충신. 육군 시간·장소 안가리고 과학화전투훈련 한다...신형 소대급 마일즈 장비 6년만에 보급 완료 / 정충신 // 문화일보 (Чон Чхунсин. Армия РК проводит учения: оборудование MILES поставлено спустя 6 лет / Чон Чхунсин // Мунхва ильбо). – 2024. – 25 мая. – URL: <https://munhwa.com/news/view.html?no=2024052501039910114001> (дата обращения: 10.03.2025).
192. 조윤진. 병영 생활관 신축때 착공 3개월 빨라진다 / 조윤진 // 서울경제 (Чо Юнчжин. Строительство казарм нового типа начнется на 3 месяца раньше срока / Чо Юнчжин // Соуль кёндже). – 2024. – 6 июня. – URL: <https://www.sedaily.com/NewsView/2DACZTSSCE> (дата обращения: 13.02.2025)
193. 중국발 해킹...네이트·싸이월드 3500만 개인정보 유출 // Bloter (Хакерская атака из Китая... Утечка личной информации 35 млн пользователей Nate и Cyworld // Bloter). – URL: <http://www.bloter.net/archives/69734> (дата обращения: 13.09.2023).

194. 최인영. 정부 ‘국가 사이버 안보 마스터 플랜’ 수립 / 최인영 // 연합뉴스 (Чхве Инён. Правительство приняло мастер-план государственной кибербезопасности / Чхве Инён // Ёнхап). – 2011. – 8 авг. – URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2011/08/08/0200000000AKR20110808147651017.HTML> (дата обращения: 13.09.2023).
195. 최평천. 군 영창 124년 만에 사라져... 다음 달부터 ‘군기교육’으로 대체 / 최평천 // 연합뉴스 (Чхве Пхёнчхон. Гауптвахты отменены впервые за 124 года: со следующего месяца они будут заменены дисциплинарно-образовательными частями / Чхве Пхёнчхон // Ёнхап). – 2020. – 28 июля. – URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20200728024500504> (дата обращения: 13.09.2023).
196. 펀진 «국방 AI 솔루션, 챗봇·온디바이스 형태로 진화시킬 것» // 펀진 (Funjin: «ИИ-решения в военной сфере будут развиваться в сторону создания чат-ботов и «безоблачного» ПО на устройствах // Funjin). – 2024–18 июня. – URL: https://www.funjin.co.kr/pr-center?tpf=board/view&board_code=1&code=454 (дата обращения: 13.02.2025)
197. 하채림. 대전에 드론 특화 방산혁신클러스터 구축...490억 투입 / 하채림 // 연합뉴스 (Ха Чхэрим. В Тэчжоне открыт кластер военных инноваций, специализирующийся на дронах: потрачено 49 млрд вон // Ёнхап). – 2022. – 29 июля. – URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20220729075400504> (дата обращения: 13.02.2025)
198. 한미미사일양해각서 // 한국학중앙연구원의 한국민족문화대백과사전 (Ракетный меморандум РК–США // Энциклопедия культуры корейского народа / Академия корейских исследований. – URL: <http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0075875> (дата обращения: 13.09.2023).
199. 北장사정포 막을 ‘한국형 아이언돔’ 장사정포요격체계 개발 본격화 // 동아일보 (Строительство «южнокорейского Железного купола» для противодействия дальнобойной артиллерии КНДР начнется в кратчайшие сроки // Тона ильбо). – 2025. – 20 янв. – URL: <https://www.donga.com/news/Politics/article/all/20250120/130894634/1> (дата обращения: 13.02.2025)

Литература

Монографии

200. Асмолов, К.В. Корейская политическая культура: традиции и трансформация / К.В. Асмолов. – М.: Изд-во ун-та Дмитрия Пожарского, 2017. – 704 с.
201. Ермолаева, Е.М. Республика Корея в авторитарный период: идеология, власть и общество. / Е.М. Ермолаева. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2021. – 214 с.

202. Ким, Н.Н. Президент Но Мухён (2003–2008): в поисках новых путей развития Республики Корея / Н.Н. Ким. – М.: ИВ РАН, 2022. – 266 с.
203. Курбанов, С.О. История Кореи с древности до начала XXI в. / С.О. Курбанов. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. – 680 с.
204. Мазуров, В.М. Южная Корея и США (1950–1970 гг.) / В.М. Мазуров. – М.: ИВЛ, 1971. – 268 с.
205. Тихонов, В.М. История Кореи. В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. / В.М. Тихонов, Кан Мангиль. – М.: Наталис, 2011. – 499 с.
206. Толстокулаков, И.А. Политическая модернизация в Южной Корее. Опыт историко-политологического анализа. В 2 ч. Ч. 1. / И.А. Толстокулаков. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – 366 с.
207. Толстокулаков, И.А. Развитие демократического процесса в Южной Корее в период VI Республики / И.А. Толстокулаков. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. – 444 с.
208. Топчий, И.А. Процесс военного строительства на Корейском полуострове. Т. I. / И.А. Топчий. – Иркутск: Форвард, 2018. – 352 с.
209. Торкунов, А.В. Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.) / А.В. Торкунов, Г.Д. Толорая, И.В. Дьячков. – М.: Провещение, 2021. – 448 с.
210. Федоровский, А.Н. Феномен чэболь. Государство и крупный бизнес в Республике Корея / А.Н. Федоровский. – М.: ИД Стратегия, 2008. – 320 с.
211. Appleman, R.E. The U.S. Army and the Korean War: South to the Naktong, North to the Yalu / R.E. Appleman. – W., DC: US Army Center of Military History, 1992. – 813 p.
212. Brazinsky, G.A. Nation Building in South Korea: Koreans, Americans and the Making of a Democracy / G.A. Brazinsky. – Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 2007. – 328 p.
213. Cordesman, A.H. The Military Balance in the Koreas and Northeast Asia / A.H. Cordesman, C. Ayers. – W., DC: Center for Strategic and International Studies, 2016. – 594 p.
214. Cumings, B. Korea's Place in the Sun: A Modern History / B. Cumings. – NY: W.W. Norton, 2005. – 542 p.
215. Eckert, C.J. Park Chung Hee and Modern Korea: The Roots of Militarism, 1866–1945 / C.J. Eckert. – Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press; Harvard Univ. Press, 2016. – 472 p.
216. Hamm, Taik-young. Arming the Two Koreas: State, Capital and Military Power / Hamm Taik-young. – L.: Routledge, 1999. – 244 p.
217. Hermes, W.G. Truce Tent and Fighting Front / W.G. Hermes. – W., DC: Center of Military History, US Army, 1992. – 571 p.

- 218. Hong, Yong-pyo. State Security and Regime Security: President Syngman Rhee and the Insecurity Dilemma in South Korea, 1953-60 / Hong Yong-pyo. – L.: Palgrave Macmillan, 2000. – 231 p.
- 219. Kim, Hakjoon. Unification Policies of South and North Korea, 1945–1991: A Comparative Study / Kim Hakjoon. – Seoul: Seoul National Univ. Press, 1992. – 677 p.
- 220. Mesko, J. Armor in Korea: A Pictorial History / J. Mesko. – Carrollton: Squadron/Signal, 1984. – 80 p.
- 221. Oberdorfer, D. The Two Koreas: A Contemporary History / D. Oberdorfer. – Boston: Addison–Wesley, 1997. – 472 p.
- 222. Sawyer, R.K. Military Advisors in Korea: KMAG in Peace and War / R.K. Sawyer. – W., DC: US Army Center of Military History, 1992. – 216 p.
- 223. The Park Chung Hee Era: The Transformation of South Korea / Ed. by B.-K. Kim, E. Vogel. – Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press, 2011. – 744 p.
- 224. Whitman, M.E. Principles of Information Security / M.E. Whitman. – Boston: Cengage Learning, 2017. – 658 p.

Диссертации

- 225. Бритова, В.Р. Концепция «средней державы» во внешней политике Республики Корея (1993–2017): дисс. ... канд. истор. наук: 5.6.2 / В.Р. Бритова. – Улан-Удэ: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2010. – 173 с.
- 226. Ермолаева, Е.М. Формирование и развитие идеологии периода авторитарных режимов в Южной Корее (1948–1987): дисс. ...канд. истор. наук: 07.00.03 / Е.М. Ермолаева. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2010. – 217 с.
- 227. Чернов, К.С. Военно-политические отношения Республики Корея с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона в период с 1980 по 2012 гг.: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.03 / К.С. Чернов. – Владивосток: ДВФУ, 2020. – 276 с.

Статьи

- 228. Волощак, В.И. Военно-политический курс Южной Кореи в период IV–V Республик под управлением Чон Духвана / В.И. Волощак // Вест. Московского ун-та. Сер. 8: История. – 2021. – № 4. – С. 154–166.
- 229. Волощак, В.И. Проблемы развития национальной системы кибербезопасности Республики Корея / В.И. Волощак // Проблемы Дальнего Востока. – 2018. – № 3. – С. 117–125.

230. Губин, А.В. Военно-морской фактор в национальной безопасности стран Северо-Восточной Азии / А.В. Губин // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2011. – № 2. – С. 34–43.
231. Дьячков, И.В. Ядерная программа Южной Кореи: генезис, развитие, влияние на регион / И.В. Дьячков // Вест. Тамбовского госуниверситета. – 2014. – № 9. – С. 144–152.
232. Евсеев, В.В. Перспективы развития ракетной программы в Республике Корея / В.В. Евсеев // Россия и Корея в меняющемся мире. – М.: ИДВ РАН, 2014. – С. 75–83.
233. Зуева А.Г. Проблемы и перспективы экспорта вооружений Республики Корея / А.Г. Зуева // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2023. – № 11. – С. 82–91.
234. Кирьянов, О.В. Противоракетный щит США над Южной Кореей / О.В. Кирьянов // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 1. – С. 9–15.
235. Ланьков, А.Н. Взлет и падение «диктатуры развития» в Южной Корее / А.Н. Ланьков // Отечественные записки. – 2013. – № 6. – С. 79–87.
236. Мазуров, В.М. Республика Корея: проблемы и противоречия современного политического развития / В.М. Мазуров // Корея на рубеже веков. – М.: ИВ РАН, 2002. – С. 11–50.
237. Новиков, В.Е. Военная ядерная программа Республики Корея / В.Е. Новиков, А.В. Хлопков // ПИР-Центр. – URL: <http://www.pircenter.org/sections/53-voennaya-yadernaya-programma-respubliki-koreya> (дата обращения: 13.09.2023).
238. Садаков Д.А. Инициатива президента США Дж. Картера по выводу американских войск из Южной Кореи в 1976–1980 гг.: причины неудачи / Д.А. Садаков // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2024. – № 3. – С. 49–55.
239. Садаков, Д.А. «На крайний случай»: США, Ли Сын Ман и операция «Everready» в годы Корейской войны (1952–1953 гг.) / Д.А. Садаков // Вестник Пермского университета. История. – 2018. – № 4 (43). – С. 40–49.
240. Садаков, Д.А. Политика США по нуклеаризации Корейского полуострова в 1956–1957 гг. / Д.А. Садаков // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2021. – № 3. – С. 110–122.
241. Сидоров, П. Современное состояние и перспективы развития ВМС Республики Корея / П. Сидоров // Зарубежное военное обозрение. – 2008. – № 7. – С. 51–63.
242. Сидоров, П. Состояние и перспективы развития сухопутных сил Республики Корея / П. Сидоров, А. Дюжев // Зарубежное военное обозрение. – 2005. – № 8. – С. 18–25.

243. Толстокулаков, И.А. Межкорейский диалог: прошлое, настоящее и перспективы / И.А. Толстокулаков // *Корейский полуостров – «гордиев узел» Северо-Восточной Азии*. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2019. – С. 7–15.
244. Толстокулаков, И.А. Политическая реформа Ким Ёнсама и вооруженные силы Южной Кореи / И.А. Толстокулаков // *Россия и АТР*. – 2005. – № 3. – С. 155–161.
245. Халиков, Н.Ф. Вооруженные силы Республики Корея в зарубежных вооруженных конфликтах и миротворческих миссиях ООН / Н.Ф. Халиков // *Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии: докл., представленные на IV Междунар. конф. молодых востоковедов в ИДВ РАН*. – М.: ИДВ РАН, 2017. – С. 303–309.
246. Bae, K. The Vietnam War, Korea's Opportunity for More Reliable Security Assurances / K. Bae // *The Korean Journal of Defense Analysis*. – 2015. – Vol. 27. – № 3. – P. 365–382.
247. Baek, G. Park Chung-hee's Vietnam Odyssey: A Study in Management of the U.S. – ROK Alliance / G. Baek // *The Korean Journal of Defense Analysis*. – 2013. – Vol. 25. – № 2. – P. 147–170.
248. Choi, Dai-Kwon. Constitutional Developments in Korea / Choi Dai-Kwon // *The Review of Korean Studies*. – Vol. 6. – № 2. – P. 27–48.
249. Chun, In-bum. Korean Defense Reform: History and Challenges / Chun In-bum // *Brookings Institution*. 2017. – URL: <https://www.brookings.edu/research/korean-defense-reform-history-and-challenges/> (accessed: 13.09.2023).
250. Collins, R. A Brief History of the US–ROK Combined Military Exercises / R. Collins // *38North*. – 2014. – Feb. 26. – URL: <http://38north.org/2014/02/rcollins022714/> (accessed: 13.09.2023).
251. Dittmer, L. Uniting Korea: Enduring Dream, Elusive Reality / L. Dittmer // *US–China Relations and Korean Unification*. – Seoul: Korea Institute for National Unification, 2011. – P. 100–128.
252. Dobbs, C.M. The Pact that Never Was: The Pacific Pact of 1949 / C.M. Dobbs // *Journal of Northeast Asian Studies*. – 1984. – Vol. 3. – № 4. – P. 29–42.
253. Ferrier, K. Biden Takes the Right First Steps with South Korea, but a Long Road Lies Ahead / K. Ferrier // *The Diplomat*. – 2021. – March 12. – URL: <https://thediplomat.com/2021/03/biden-takes-the-right-first-steps-with-south-korea-but-a-long-road-lies-ahead/> (accessed: 13.09.2023).
254. Glassman, J. The Chaebol and the US Military-Industrial Complex: Cold War Geopolitical Economy and South Korean Industrialization / J. Glassman, Y.-J. Choi // *Environment and Planning A*. – 2014. – Vol. 46. – № 5. – P. 1160–1180.

255. Han, Young-sub. Robust Defense Policy of ROK / Han Young-sub // South Korea's 70-Year Endeavor for Foreign Policy, National Defense, and Unification. – L.: Palgrave Macmillan, 2019. – P. 219–247.
256. Hayes, P. International Missile Trade and the Two Koreas / P. Hayes // The Korean Journal of Defense Analysis. – 1993. – Vol. 5. – № 1. – P. 207–239.
257. Hayes, P. The Two Koreas and the International Missile Trade / P. Hayes // The International Missile Bazaar: The New Suppliers Network / Ed. by W. Potter and H. Jencks. – Colorado: Westview Press, 1994. – P. 129–161.
258. Hemmings, J. The ROK Provincial Reconstruction Team in Afghanistan / J. Hemmings // South Korea's Contributions to International Security. – NY: Council on Foreign Relations, 2012. – P. 45–60.
259. Hong, Kyudok. A South Korean Perspective on Dealing with North Korean Provocations: Challenges and Opportunities / Hong Kyudok // Joint U.S.-Korea Academic Studies 2016. – W., DC: Korea Economic Institute of America, 2016. – P. 205–218.
260. Jeong, Yoon Yang. Analysis on South Korean Cybersecurity Readiness Regarding North Korean Cyber Capabilities / Jeong Yoon Yang, So Jeong Kim, Il Seok Oh // Information Security Applications. 17th International Workshop – 2016: Revised Selected Papers. – Cham: Springer, 2017. – P. 102–111.
261. Kim, J. Military Considerations for OPCON Transfer on the Korean Peninsula / J. Kim // Council on Foreign Relations. – 2020. – March 20. – URL: <https://www.cfr.org/blog/military-considerations-opcon-transfer-korean-peninsula> (accessed: 13.09.2023).
262. Kim, Seung young. Security, Nationalism and the Pursuit of Nuclear Weapons and Missiles: The South Korean Case, 1970–82 / Kim Seung young // Diplomacy & Statecraft. – 2001. – Vol. 12. – № 4. – P. 53–80.
263. Kim, Young-do. Major Issues of the National Cyber Security System in South Korea, and its Future Direction / Kim Young-do, Kim Jin-sung, Lee Kyung-ho // The Korean Journal of Defense Analysis. – 2013. – Vol. 25. – № 4. – P. 435–455.
264. Kshetri, N. Cybersecurity in South Korea / N. Kshetri // The Quest to Cyber Superiority. – 2016. – Cham: Springer. – P. 171–182.
265. Kwon, P.B. Beyond Patron and Client: Historicizing the Dialectics of US-ROK Relations amid Park Chung Hee's Independent Defense Industry Development in South Korea, 1968–1979 / P.B. Kwon // Seoul Journal of Korean Studies. – 2017. – Vol. 30. – № 2. – P. 185–216.
266. Kwon, P.B. Building Bombs, Building a Nation: The State, Chaebol, and the Militarized Industrialization of South Korea, 1973–1979. / P.B. Kwon // The Journal of Asian Studies. – 2019. – Vol. 79. – № 1. – P. 1–25.

267. Kwon, P.B. Mars and Manna: Defense Industry and the Economic Transformation of Korea under Park Chung Hee / P.B. Kwon // *Korea Journal*. – 2018. – Vol. 58. – № 3. – P. 15–46.
268. Lee, Young-ju. Establishment of a Feasible Cyber Organization Structure to Enhance the Capabilities of Cyberspace Operations in the ROK's Defense Forces / Lee Young-ju // *The Korean Journal of Defense Analysis*. – 2016. – Vol. 28. – № 2. – P. 223–248.
269. Mabon, D.W. Elusive Agreements: The Pacific Pact Proposals of 1949–1951 / D.W. Mabon // *Pacific Historical Review*. – 1988. – Vol. 57. – № 2. – P. 147–177.
270. Min, J. North Korea's Asymmetric Attack on South Korea's Nuclear Power Plants / J. Min // *Stanford University*. – URL: <http://large.stanford.edu/courses/2017/ph241/min1/> (accessed: 13.09.2023).
271. Paek, Jae Ok. Structure and Priorities of the 2018 ROK Defense Budget / Paek Jae Ok // *ROK Defense Policy Newsletter*. – 2018. – № 171. – 5 p.
272. Sarantakes, N.E. In the Service of Pharaoh? The United States and the Deployment of Korean Troops in Vietnam, 1965–1968 / N.E. Sarantakes // *Pacific Historical Review*. – 1999. – Vol. 68. – № 3. – P. 425–449.
273. Snyder, G.H. The Security Dilemma in Alliance Politics / G.H. Snyder // *World Politics*. – 1984. – Vol. 36. – № 4. – P. 461–495.
274. South Korea. Missile // *Nuclear Threat Initiative*. – URL: <http://www.nti.org/learn/countries/south-korea/delivery-systems> (accessed: 13.09.2023).
275. South Korea: Facilities // *Nuclear Threat Initiative*. – URL: <http://www.nti.org/learn/countries/south-korea/facilities/> (accessed: 13.09.2023).
276. South Korea's Overseas Peacekeeping Activities – Part I: The History and Current Status // *Korea Economic Institute of America*. – 2016. – July 29. – URL: <https://keia.org/the-peninsula/south-koreas-overseas-peacekeeping-activities-part-i-the-history-and-current-status/> (accessed 13.09.2023)
277. Suh, J.J. Bound to Last? The U.S. – Korea Alliance and Analytical Eclecticism / J.J. Suh // *Rethinking Security in East Asia: Identity, Power and Efficiency*. – Stanford: Stanford Univ. Press, 2004. – P. 131–171.
278. Yoon, Seo-yeon. South Korea's Wartime Operational Control Transfer Debate: From an Organizational Perspective / Yoon Seo-yeon // *Journal of International and Area Studies*. – 2015. – Vol. 22. – № 2. – P. 89–108.
279. 김병화. 국내 사이버테러 정책수립을 위한 전략적 접근방안: 영국의 사이버테러 정책을 중심으로 / 김병화 // *한국경호경비학회지* (Ким Бёнхва. Стратегический подход к установлению южнокорейской политики противодействия кибертерроризму: анализ опыта

- Великобритании / Ким Бёнхва // Корейский журнал исследований в сфере безопасности). – 2017. – № 51. – С. 173–195.
280. 김지일. 새로운 미사일 지침 개정에 대한 사례연구 적용 / 김지일 // 국가전략 (Ким Джииль. Новая редакция ракетных договоренностей: кейс-стади / Ким Джииль // Государственная стратегия). – 2018. – Т. 24. – № 4. – С. 103–133.
281. 박민형. 자주국방과 안보경제: 박정희, 노무현 정부를 중심으로 / 박민형 // 한국정치외교사논총 (Пак Минхён. «Самостоятельная оборона» и экономика безопасности: взгляд на администрацию президентов Пак Чонхи и Но Мухёна / Пак Минхён // Журнал истории корейской политики и дипломатии). – 2017. – Т. 38. – № 2. – С. 141–173.
282. 박일송. ‘자주국방’ 정책의 추진과 군의 현대화, 1970–1997 / 박일송 // 군사 (Пак Ильсон. Политика «самостоятельной обороны» и модернизация вооруженных сил Республики Корея, 1970–1997 гг. / Пак Ильсон // Военная история). – 2008. – № 68. – С. 93–130.
283. 신종환. 국내 주요 인터넷 사고 경험을 통해 본 침해사고 현황 / 신종환 // Internet & Security Focus (Син Джонхван. Основные интернет-атаки в Корее и общая ситуация в интернет-безопасности / Син Джонхван // Internet & Security Focus). – 2013. – № 9. – С. 36–53.
284. 이준구. 한국의 연합국방 전략선택과 방위산업발전사 분석 / 이준구 // 한국정치외교사논총 (Ли Джунгу. Анализ комбинированной стратегии национальной безопасности и развития военной промышленности Республики Корея / Ли Джунгу // Журнал истории политики и дипломатии Кореи). – 2019. – № 39. – С. 147–197.
285. 이필중. 한국 국방예산의 소요와 배분에 관한 연구 (1953-현재) / 이필중 // 국방정책연구 (Ли Пхильджун. Исследование в области расчета и распределения средств военного бюджета (1953 – по н. в.) / Ли Пхильджун // Исследования военной политики). – 2016. – Т. 32. – № 3. – С. 185–224.
286. 장용운. 베트남전쟁이 한국군 현대화에 미친 영향 / 장용운 // 국방정책연구 (Чан Ёнун. Влияние войны во Вьетнаме на модернизацию вооруженных сил Республики Корея / Чан Ёнун // Исследования военной политики). – 2011. – Т. 26. – № 4. – С. 209–245.
287. 전제국. 국방기획관리체도의 이상과 현실: 제도 개선 방안을 중심으로 / 전제국 // 국방연구 (Чон Чегук. Теория и практика системы военного планирования и управления: анализ мер по совершенствованию системы / Чон Чегук // Военные исследования). – 2013. – Т. 56. – № 4. – С. 109–137.
288. 조영갑. 한국 국방정책의 역사적 변천과 특징 정립에 관한 연구 / 조영갑 // 군사 (Чо Ёнгап. Исследование исторических изменений и их

- влияния на военную политику Республики Корея / Чо Ёнгап // Военная история). – 2007. – № 64. – С. 257–296.
289. 조화순. 한국과 미국의 사이버안보 거버넌스 / 조화순, 권운 // 정보 사회와 미디어 (Чо Хвасун. Управление в области кибербезопасности в США и Южной Корее: сравнение секьюритизации киберугроз / Чо Хвасун, Квон Ун // Информационное общество и СМИ). – 2017. – Т. 18. – № 2. – С. 97–120.
290. 주정율. 박정희 대통령시기 (1968~1972) 자주국방 측면에서 바라본 통합군 추진의 배경과 과정 / 주정율 // 군사연구 (Чу Джонюль. Предыстория и процесс создания единого боевого командования в рамках политики самостоятельной обороны при администрации Пак Чонхи (1968–1972 гг.) / Чу Джонюль // Военные исследования). – 2016. – № 141. – С. 427–453.
291. 주정율. 박정희 대통령의 자주국방사상과 현대적 함의 / 주정율 // 군사연구 (Чу Джонюль. Концепция самостоятельной обороны Пак Чонхи и её современное применение / Чу Джонюль // Военные исследования). – 2015. – № 139. – С. 423–451.
292. 최성빈. 한국 방위산업의 40년 발전과정과 성과 / 최성빈, 고병성, 이호석 // 국방정책연구 (Чхве Сонбин. Процесс развития и достижения южнокорейской оборонной промышленности в последние 40 лет / Чхве Сонбин, Ко Бёнсон, Ли Хосок // Исследования оборонной политики). – 2010. – Т. 26. – № 1. – С. 73–117.

Научное издание

Валентин Игоревич Волощак

Военная политика Республики Корея
во второй половине XX – первой четверти XXI вв.

Монография

Корректор *Е.В. Дьюк*
Компьютерная верстка *С.В. Филатов*

Подписано в печать 21.10.2025 г.
Формат 60х90/16. Усл. п. л. 14,0. Уч.-изд. л. 12,6.
Тираж 350 экз. Заказ 254991.

Издательство ООО «Дальнаука»
690106, г. Владивосток, пр. Красного Знамени, 10, каб. 20.
Тел. +7 9242630160. E-mail: naukadv2000@mail.ru
<http://www.dalnauka.ru>

Отпечатано в АО «ИПК «Дальпресс»
690106, г. Владивосток, пр-т «Красного Знамени», 10